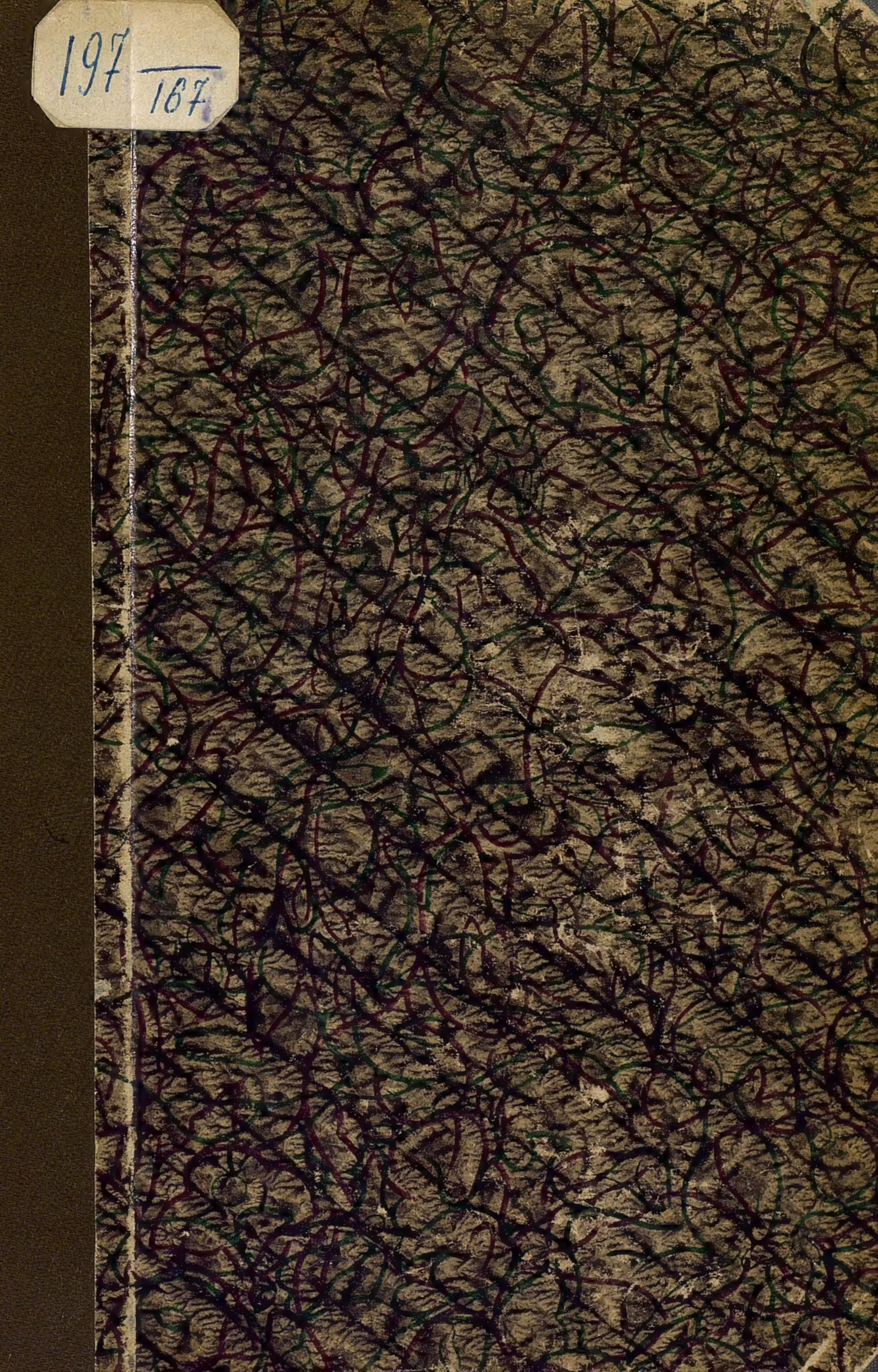

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ РККА
УПРАВЛЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ОПЫТА ВОЙН

Г. ИССЕРСОН

КАННЫ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ГИБЕЛЬ АРМИИ САМСОНОВА)

С девятью чертежами в тексте
и шестью схемами в приложении

„Не ординарные победы,
но уничтожающие сражения".
Граф фон ШЛИФФЕН.

„Моя мысль вознеслась
к гр. Шлиффен, и я благодарил
своего учителя".
ЛЮДЕНДОРФ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926

1

Глубокоуважаемому
Борису Михайловичу Шапошникову,
под руководством которого автор
продолжает практическое изучение
проблем стратегии.

5/II 1926 г.

ГОСУДАР-
СТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДА-
ТЕЛЬСТВО № 1465.
ТИРАЖ 3.000.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГУБЛИТ № 3003.
ЗАКАЗ № 2463.
Типография
КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ
им. Володарского,
Ленинград,
Фонтанка, д. № 57.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Превосходство немецкой стратегической мысли сказалось не только в восточно-прусской операции, но и в продолжении всей империалистической войны 1914—18 г.г. Внимательное изучение действий нашего бывшего противника может служить средством воспитания в командном составе высоких качеств стратега, дерзновения и воли к победе, точности и ясности в оперативной работе.

Труд Г. Иссерсона, раскрывающий перед читателем процесс претворения творческой мысли стратега в реально выраженную победу, отвечает этой задаче. Однако, следует иметь в виду, что автор слишком увлечен немецкими военными источниками, которые сверх меры восхваляют руководителей германской армии. Руководителю операции обычно приходится пользоваться военным чутьем, так как противник редко открывает свою игру. Германское же командование из перехваченных русских радио-телеграмм довольно точно знало положение почти всех русских частей и план их ближайших действий. Операцию оно проводило при самых выгодных условиях в отношении сведений о своем противнике и при крупнейших ошибках, допущенных командованием русских армий. Тем не менее восточно-прусская операция, по размаху своего замысла, быстроте и стройности выполнения, заслуживает самого серьезного внимания и изучения.

ВСТУПЛЕНИЕ.

„На самых опасных положениях следует чаще всего останавливаться мыслью“.

Клаузевиц.

Мировая война 1914—1918 г.г. не была богата искусными маневрами и решительными сражениями.

Огромные массы вооруженных сил сделали армии мало подвижными и мало способными к решительным маневрам, каковыми отличались войны прошлого.

Восточно-прусская операция в августе 1914 года представляет в этом отношении редкое на протяжении 4-х летней войны исключение. По изящности своего маневра, решительности достигнутой им цели и, наконец, частому в военной истории осуществлению полного окружения противника едва ли не уступающими ему силами — восточно-прусская операция 8 германской армии против 2 русской является на всем протяжении не только мировой войны, но, пожалуй, и войн последних столетий редким образцом военного искусства и заслуживает совершенно исключительного внимания. В этом сражении, разыгравшемся на сравнительно незначительном фронте [1]), между двумя отдельными армиями, имевшими свободные фланги, а потому и свободу маневрирования, стратегическое искусство командования выявилось с полной отчетливостью и представляет потому огромный поучительный интерес, выявление которого и составляет задачу всякого военно-исторического описания.

Военная операция есть двухсторонний акт и в этом отношении при ее описании могут быть избраны два пути. Представляется, однако, целесообразным, чтобы всякая операция была описана с точки зрения наибольшего выявления

---

[1]) Сражение началось на фронте в 120 клм. и кончилось на фронте 50 клм., между тем как сражение на Марне велось на фронте в 250 клм. на таком же примерно фронте — Галицийское сражение. *Г. И.*

ее поучительности. Вопрос этот не всегда получает одинаковое разрешение в смысле описания всякой операции с точки зрения победившей стороны. Разумеется, оценка военных действий не имеет в конечном итоге другого критерия кроме их результата. Было бы нелепо оценивать военные действия лишь с точки зрения соблюдения в них установленных военной теорией правил: в этом случае действия многих побежденных сторон могли бы быть признаны превосходящими действия своих победителей. Однако, военное дело не может быть оценено лишь с точки зрения чистой теории.—«Теории присущ лишь логический путь, — говорит Шлихтинг — но на войне 2 × 2 не всегда равно 4». В этом отношении результат военных действий, как их выполнение, является единственным критерием для их оценки с точки зрения военного искусства. Но при этом никогда не следует упускать из виду условий, в которых действуют стороны и, главным образом, соотношение сил. Операция, проигранная благодаря значительному превосходству сил противника, в известных случаях несравненно более поучительна со стороны потерпевшей поражение, чем со стороны победившей; блестящим примером этому является хотя бы проигранное германцами Марнское сражение. Действия первой германской армии Клука, унесшей с Марнского поля сражения лавры тактического победителя, представляют несравненно больший интерес, чем действия сражавшихся против нее армии ген. Монури, английской армии и левого фланга 5 французской армии.

Если мы, с этой точки зрения, бросим беглый взгляд на соотношение сил сторон на вост.-прусском театре военных действий в начале войны 1914 г., то увидим, что одна германская армия в составе 4-х корпусов, одной кавалерийской дивизии и второочередных формирований, силой до 3-х дивизий, была противопоставлена двум русским армиям в составе 8-ми корпусов, двух стрелковых бригад и 8-ми с половиной кавалерийских дивизий, т. е., уступала им в численности более чем в два раза.

Оценив затем так же бегло общую стратегическую обстановку, мы увидим, что, благодаря выступающему географическому очертанию Восточной Пруссии,—две русские армии, на много превосходящие германцев, наступая с востока

со стороны Немана и с юга со стороны Нарева, брали слабую германскую армию в клещи, грозя ей охватом обоих флангов. Эти выгодные условия, в каких находились русские армии, имеют настолько самодовлеющее стратегическое значение, что ни в коем случае не компенсируются более развитой сетью железных и грунтовых дорог в Восточной Пруссии и более совершенным оборудованием ее театра военных действий, что, к тому же, должно быть причислено не к оцениваемому здесь положению противных армий, как к таковому, а к предусмотрительности прусского генерального штаба в мирное время.

И тем не менее, значительно уступая русской стороне по своей численности и стратегическому положению, германцы выходят победителями над обеими русскими армиями, доведя поражение одной из них до полного окружения и уничтожения. Поучительность действий победившей в столь тяжелых и опасных условиях стороны в этом случае огромна; она должна нам показать, как при невероятно трудных стратегических условиях организуется и достигается решительная победа над численно превосходящим противником. Является несомненным, что операция 8 германской армии против 2 русской должна быть, в целях выявления наибольшей поучительности, описана с германской стороны с возможной полнотой:—этот путь и избран в дальнейшем изложении. Трудно признать, чтобы он был более легким в отношении имеющегося материала.

Русские источники об операциях 2 армии в августе 1914 года, правда, бедны и неполны: ограничиваясь в сущности одним очерком Циховича и брошюрой А Вацетиса, заключающей в себе одно сухое изложение голых фактов, они далеко не удовлетворяют требованиям критического военно-исторического исследования.

Германские источники в отношении количества не оставляют желать большего: Танненберг освещается и воспевается в неисчислимом множестве описаний. Но оценка и использование этих описаний требуют большой осторожности. Германский шовинизм столь силен, что в самых строгих, с академической точки зрения, научных трудах мы встречаемся с пристрастностью, простором фантазии и само-

восхвалением, от которых жестоко страдает объективное изложение событий.

Достаточно указать на то, что множество легенд, сложившихся в представлений населения Пруссии о беспримерной хитрости германских войск, завлекших якобы русские корпуса в болота и озера, где последние и погибли, нашли свое отображение во многих военных исследованиях. В 1914 г. можно было быть свидетелем многих рассказов германских офицеров и солдат, участвовавших в операци и передававших о ней легенды, которые, под видом достоверной истины, через несколько дней появлялись в газетах или журналах и в том или другом виде нашли свое отражение в большинстве германских полуоффициальных источников.

Требуется много труда и тщательного изучения для того, чтобы отделить в германских источниках все объективно ценное и правдивое, критически выяснив всю действительную поучительность восточно-прусской операции.

Наиболее полным и авторитетным германским источником является оффициальное издание истории мировой войны: «Reichsarchiv Der Weltkrieg». Объективное изложение фактов, выявленных по архивным материалам, делает этот труд основным источником.

Далее заслуживают внимания: Ludendorff—«Meine Kriegserinnerungen» [1]), François—„Marneschlacht und Tannenberg", v. Morgen—„Meiner Truppen Heldenkämpfe", Oberst Frantz—„Der Grosse Krieg 1914".

Эти последние источники не свободны от субъективизма, ибо излагают события с личной точки зрения авторов, принимавших в них активное участие, и потому, естественно, не могущих быть вполне беспристрастными и объективными; это в особенности относится к трудам генералов Франсуа и Моргена. В этом отношении известное преимущество имеет краткое, но вполне обстоятельное объективное описание восточно прусской операции 14 года в популярном труде Stegemann'a „Geschichte des Weltkrieges».

Наконец, было бы крупным недочетом при использовании немецких источников оставить без внимания брошюру фон-Гирля под названием «Танненберг». Автор этого труда

---

[1]) Имеется в русском переводе.

участвовал в восточно-прусской операции в качестве офицера генерального штаба при штабе 6 ландв. бригады 3 рез. дивизии. Эта небольшая должность, не обеспечивавшая широты стратегического кругозора, не помешала, однако, фон-Гирлю составить полное описание этой операции, как единого стратегического целого. Весьма ценным для освещения моральной обстановки, в коей протекала операция 8 герм. армии, является, кроме того, труд, Hesse—«Der Feldherr Psychologos». Этот своеобразный и, пожалуй, единственный в своем роде психологический анализ войны 14—18 г.г. с большим мастерством раскрывает настроение моральной подавленности и высокого энтузиазма, которые при известной обстановке владели психикой германского солдата в операции под Танненбергом.

Настоящее изложение ограничивается материалами перечисленных немецких источников, не оставляя, однако, без внимания и русские источники Циховича, Борисова и Вацетиса, равно, как и хранящиеся в Военно-Ученом Архиве дела 2 армии, ибо без последних описание страдало бы узкой односторонностью, не обеспечивающей критического подхода к оценке военных операций.

Ввиду невозможности указания всех упоминаемых в тексте пунктов на схемах и черчениях, вследствие их малого масштаба,—просьба при чтении труда обращаться к услугам карты масштаба 10-ть верст.

ГЛАВА I.

Германский план развертывания на Востоке.

„Условия охвата могут и должны быть изучены в мирное время, но выполнение его не может и не должно быть предопределено".

Граф Шлиффен.

Оборона Восточной Пруссии в 1914 году не явилась следствием решения, принятого германским генеральным штабом лишь к тому времени: план развертывания германских армий имеет свою историю, связанную с деятельностью ряда крупных имен германского военного мира.

Беглый взгляд на эту историю является необходимым для уяснения всех соображений, легших в основу развертывания 8 германской армии.

Уже непосредственно после франко-прусской кампании 70—71 годов Германия стала перед фактом возможности войны на два фронта. Тогдашний начальник прусского генерального штаба граф Мольтке разрешал в 1880 году эту оперативную проблему обороной на западе и наступлением на востоке. Он исходил из фактов усиления французской армии и укрепления французской границы, исключавших возможность быстрого разрешения военных действий на западе. Тем не менее французская армия была в то время еще мало способной к активному наступлению, почему Мольтке считал наиболее целесообразным использовать на западе преимущества, предоставляемые Рейном и расположенными на нем сильными крепостями. Наоборот, на востоке Мольтке считал возможным использовать условия быстроты сосредоточения германских войск, рассчитывая с превосходными силами разбить постепенно сосредоточивавшиеся русские армии. Для проведения операции на восточном фронте Мольтке предполагал назначить 7 армейских корпусов, из коих два он выдвигал прямо к Гумбиннену и Лыку, а главные силы, вследствие тогда еще недостаточно развитой железнодорожной сети, развертывал на широком

30-мильном фронте от Иноврацлава (Гогензальца) до Ортельсбурга, предполагая их соединить с движением вперед. (Чертеж 1).

Такое развертывание предопределяло наступление на правобережьи Вислы, чем достигался обход укрепленного фронта этой реки; главные силы должны были наступать на фронт Пултуск-Остроленка.

Чертеж 1.

Примерно таким же образом разрешал проблему развертывания германских сил на востоке преемник Мольтке граф Вальдерзе: по его плану против России сосредоточивались те же 7 армейских корпусов, но уже с приданными им резервными дивизиями. Линию развертывания главных сил Вальдерзе переносил дальше на восток, примерно, на линию Ортельсбург-Иоганнисбург-Лык с операционными направлениями одной армии на Ломжу—Белосток и другой—от Гумбиннена на реку Неман, выше Ковно. Вальдерзе, однако, учитывал при этом трудность проведения операции, ставя условия ее возможности в зависимость от времени года. (Чертеж 2).

Во всяком случае эти два руководителя прусского генерального штаба стояли за активный способ действий на восточном фронте с достаточным количеством сил, и потому оборона Восточной Пруссии не ставилась в их планах перед фактом того трудного стратегического положения, в котором она оказалась в 1914 г.

С 90-х годов прошлого столетия германский план развертывания терпит коренное изменение, совпадающее с вступлением на пост начальника большого генерального штаба графа Шлиффена. К его времени условия, лег-

Чертеж 2.

шие в основу соображений Мольтке, успели сильно измениться. Если в ближайшие годы после войны 1870—71 годов можно было серьезно усомниться в вероятности французского наступления, то ко времени Шлиффена оно стало более чем вероятным; оборона реки Рейна не могла более рассчитывать на прежнюю прочность. Вместе с тем наступление на востоке становилось затруднительным, вследствие укрепления линии рек Бобра и Нарева, что исключало возможность быстрой здесь развязки. Эти условия заставили графа Шлиффена склониться к разрешению оперативной проблемы развертыванием главных сил германской армии на западе с целью решительного наступления—и обороной на востоке.

Создается грандиозный замысел захождения всей совокупности германских вооруженных сил правым плечом через Бельгию вокруг оси, пунктом коей был назначен Диденгоффен. На востоке оставался минимум сил, которые граф Шлиффен определял в 4—5 корпусов. При этом он считал Вост. Пруссию наиболее приспособленной к обороне. Его соображения были таковы: русские армии при наступлении со стороны Немана и Нарева оставались разобщенными; их соединение затруднялось линией Мазурских озер и укреплениями, созданными на перешейках между ними. Время, необходимое русским армиям для соединения к западу от озерного района, является достаточным для использования его германцами в целях уничтожения одной из русских армий ранее, чем к ней на помощь подоспеет другая. Эта мысль, неоднократно высказываемая Шлиффеном во время проводимых им в Вост. Пруссии полевых поездок, легла краеугольным камнем в основу системы ее обороны. (Чертеж 3).

Преемник Шлиффена, граф Мольтке (младший), в принципе не расходился с планом своего предшественника. Оборона Вост. Пруссии поручалась одной (восьмой) армии в составе 13 пехотных дивизий. Командованию Вост. Пруссии предоставлялась, однако, в отношении способа действий полная свобода, вплоть до выбора оборонительного или наступательного ведения военных действий. Соображениями графа Мольтке, имевшими в своей основе грандиозную идею Шлиффена, завершилась эволюция германского плана развертывания, достигшаго таким образом полюса, противоположного тому, у которого он взял свое начало; разразившаяся в 1914 году война остановила его дальнейшее развитие и разработку. События ближайших недель должны были теперь показать его состоятельность и обнаружить готовность войск и командования к его трудному и ответственному выполнению.

В какие же условия поставил план германского генерального штаба оборону Вост. Пруссии в 14 году?

Одна армия, числившая в своем составе 13 пехотных дивизий и одну кавалерийскую дивизию, была предназначена для обороны восточной провинции, географическое очертание коей ставило столь незначительные силы в трудные стратегические условия возможности охвата обоих флангов. Эта армия должна была, несомненно, считаться с численным превосходством противника. Единственным условием, облегчающим ее трудное положение, было озерное пространство в юго-восточном углу Пруссии, разъединявшее наступающие силы противника и дававшее возможность бить их порознь. Неизбежная, в связи с такими условиями, тактика маневрирования по внутренним операционным линиям на расстоянии от противника, которое не могло быть

ОБОРОНА ВОСТ. ПРУССИИ ПО ПЛАНУ ГРАФА ШЛИФФЕНА И МОЛЬТКЕ МЛАДШ.
{МАНЕВРИРОВАНИЕ ПО ВНУТРЕННИМ ОПЕРАЦИОННЫМ ЛИНИЯМ ПОД ПОКРОВОМ МАЗУРСКИХ ОЗЕР}
ПЛАН РАЗВЕРТЫВАНИЯ РУССКИХ АРМИЙ {СЛУЧАЙ А 1912 г.}

Чертеж 8.

значительным,—являлась, однако, весьма трудной и ответственной задачей, требовавшей большого искусства и инициативы со стороны командования и колоссальной выдержки и высокой подготовки войск.

Предопределял ли, однако, этот план развертывания и конкретный план операции, как это склонны полагать многие военные исследователи, считающие военную игру, проведенную Шлиффеном во время полевой поездки в Вост. Пруссии в 1903 г. и им же в 1905 г., прототипом действий германцев в 1914 году?

Полевая поездка 1903 года в очень малой степени предвосхитила события 1914 года; она представляет, однако, огромный интерес: в результате стратегического и тактического розыгрыша на местности наступавшая с линии р. Немана русская армия, которой в полевой поездке руководил командир 1 прусского корпуса генерал Франсуа, была окружена южнее Инстербурга и, согласно решения руководства, сдалась германцам. На возражение Франсуа, что, по его мнению, армия никогда не может положить оружие, Шлиффен открыл отчет о военной игре и прочел: «Командующий Неманской армией признал положение своей армии безнадежным. Он искал смерти в передовой линии фронта и нашел ее».

За одиннадцать лет Шлиффен предсказал судьбу русской армии, правда, не Неманской, а Наревской...

Что же касается военной игры 1905 года, то она во многом напоминала происшедшее через 10 лет. Наступавшая по игре в Восточную Пруссию русская сторона по своему развертыванию и составу в точности соответствовала действительной обстановке сосредоточения и наступления 1 и 2 русских армий в 1914 году. Шлиффен всегда ставил противника в наилучшие условия, а себя в наихудшие; в проведенной игре он оставил без внимания возможный более поздний срок сосредоточения русских сил и допустил их соединение на линии реки Алле западнее озерного района, который оказался обойденным. Противопоставляя правому крылу противника крепость Кенигсберг с ее незначительным гарнизоном, Шлиффен стянул всю совокупность своих сил к югу и достиг здесь окружения левого фланга наступавшей со стороны Нарева русской армии.

Лишь при известной натяжке можно действию германской стороны в этой игре придать значение прототипа действий в 1914 году. По существу это, однако, совершенно неверно. Операция 8 германской армии протекала, в действительности совершенно иначе и при совершенно иных условиях, усматриваемых хотя бы уже из факта изолированности русских армий, что именно отсутствовало в обстановке игры 1905 года. Известное сходство в общестратеги-

ческой обстановке, конечно, неизбежно при наличии двух единственно возможных для русской стороны операционных направлений, предопределяемых местностью театра военных действий. Но оно ни в коем случае не определяет одинаковости планов операций. Именно в отношении последних германскому командованию предъявлялись основные требования полной самостоятельности, широкой инициативы и образа действий, вызывающихся одной обстановкой. „Das freie gewissenhafte Handeln"—это образное, трудно переводимое на русский язык, выражение могло одно составлять доктрину восточно-прусского командования. Если, однако, говорить о глубоком изучении условий обороны Вост. Пруссии, выявлений всех ее особенностей и учете возможной стратегической обстановки — то этот факт остается несомненным и говорит лишь о серьезной работе германского генерального штаба в мирное время. Изучение условий операции в мирное время было всегда одним из строгих требований графа Шлиффена, который вместе с тем, резко возражал против предопределения плана ее выполнения.

Что касается русского плана развертывания, то оффициально он числил свою давность лишь с 1912 года, т.-е. почти только с кануна мировой войны; он был по отношению к германскому плану в сущности новорожденным ребенком.

План А, клавший в свою основу главное операционное направление против Австрии, предусматривал развертывание против Германии, и именно против Восточной Пруссии, 2-х армий: первой—на среднем Немане, в составе 15 пех. дивизий, одной стр. бригады и 5½ кав. дивизий, и второй армии—в районе Гродно-Белосток-Ломжа, в составе 14 пех. дивизий, одной стр. бригады и 4 кав. дивизий. Обоим армиям ставилась задача овладения Вост. Пруссией путем концентрического наступления в обход озерного района. (См. чертеж 3).

План Г, клавший в свою основу главное операционное направление против Германии, не меняя развертывания против нее 1 и 2 армии по плану А, включал в состав германского фронта еще 4 армию, сосредоточивавшуюся в Риго-Шавельском районе в составе 11 пех. дивизии и 2½ кав. дивизий; эта армия должна была наступать на правом фланге 1 армии, задача коей, равно как и 2-ой, оставалась та же, что и в плане А.

Русский план развертывания ставил свои армии в условия, весьма благоприятствовавшие их стратегическому положению; изолированность благодаря мазурскому озерному району не могла, при значительном численном превосходстве, считаться серьезным отрицательным условием; она требовала

лишь энергичных и быстрых действий с целью наиболее скорого соединения двух армий западнее линии Мазурских озер. Слабо развитая сеть железных дорог, особенно затруднявшая действия и передвижения 2 русской армии, требовала, кроме того, своевременных еще в мирное время осуществленных мероприятий генерального штаба по организации коммуникаций и тыла этой армии при ее продвижении в Вост. Пруссию.

Таковы, в общем, условия, в какие были поставлены русские армии своим планом развертывания, созданным почти накануне мировой войны и не имевшим потому за собой той истории, которая могла ему обеспечить детальное усовершенствование и длительное глубокое изучение всех условий его выполнения.

Перед нами раскрылись планы развертывания на восточно-прусском театре военных действий двух противных сторон. Наша задача ни в коем случае не заключалась в их оценке, как таковых. Ни один оперативный план, как таковой, не может быть оценен ни положительно, ни отрицательно, ни лучше, ни хуже, ибо никогда он не является единственным условием победы или поражения. Наша задача заключалась здесь лишь в выяснении условий создания планов развертывания сторон. Кроме того, эти планы развертывания дают нам возможность судить, какой же из них ставил свою сторону в более благоприятные условия. Этот вопрос разрешается, безусловно, в пользу русской стороны, обладавшей по плану развертывания более чем двойным численным превосходством (30 пех. и $9^1/_2$ кав. дивизий против 13 пех. и 1 кав. дивизии германцев)—и более благоприятным стратегическим положением, создававшим возможность концентрического наступления в охват обоих флангов германской армии.

ГЛАВА II.

Восточная Пруссия.

> **„Каждый театр военных действий требует своей стратегии, каждое поле сражения—своей тактики“.**

Вост. Пруссия не была лучшей провинцией Германии; ее, в сущности, даже мало знали и из-за прославившейся грубости пруссаков мало любили. Между тем, эта область—богатый живописный уголок. Внутри покрытая множеством озер и молчаливыми лесами, она омывается на севере Балтийским морем, храня у своих берегов драгоценный янтарь. Суровая сравнительно с остальной Германией природа и долгая зима сделали из пруссаков трудолюбивый народ, превративший упорным трудом дикую природу своей страны в культурный оазис. Невольно поражала глубокая разница в пейзаже, представлявшемся глазу по северо-западную и юго восточную стороны прусской государственной границы. Последняя—между обширными болотистыми пространствами с плохими малочисленными дорогами и неуютными грязными польскими деревнями по одну сторону и высушенной, культивированной местностью, пересекаемой густой сетью шоссе и украшенной чистыми благоустроенными городками с каменными зданиями—по другую сторону, пролегала резкой гранью, словно стена, разделявшая два мира. Вост. Пруссия издавна слыла за богатую сельско-хозяйственную провинцию, известную высокими породами своего скота и образцовым коневодством; в этом отношении она была весьма ценной для Германии областью.

Своеобразное очертание границ этой провинции, вдававшейся клином в пределы России, ставило ее оборону, вообще, в трудные условия. Эти последние не были, однако, облегчены возведением каких-либо значительных укреплений как это сделали, например, французы против Германии.

Границы Вост. Пруссии были, в сущности, открыты и не защищены. Единственные искусственные укрепления, расположенные вблизи границы, ограничивались крепостью Летцен (см. схема № 1), построенной на перешейке между озерами Дарген и Левентин, и затем линией блокгаузов, пересекавшей Иоганнисбургскую рощу. Наконец, в сев.-зап. углу Вост. Пруссии возвышалась ее цитадель—сильная крепость Кенигсберг, ее главная защита и опора как со стороны суши, так и моря. От остальной Германии прусскую провинцию отделяла река Висла с расположенными на ней крепостями Данциг, Мариенбург, Грауденц, Кульм и Торн. Эта линия укреплений имела, однако, уже назначение обо-

роны центральной Германии в случае занятия противником Вост. Пруссии и к системе укреплений последней причислена быть не может.

Таким образом, на кратчайших путях к Кенигсбергу, с востока и с юга, отсутствовали какие бы то ни было искусственные укрепления; лишь линия Мазурских озер в юго-вост. углу Пруссии была укреплена крепостью Летцен,—в сущности, одним фортом Бойен, и носившей характер полевых укреплений линией блокгаузов в Иоганнисбургской роще, имевшей, очевидно, назначением обеспечение правого фланга германских войск, развертывающихся севернее озер. Однако, крупным преимуществом, которое имела Вост. Пруссия в отношении своей обороноспособности, была линия Мазурских озер в юго-вост. ее углу. Глубокие, частые, с болотистыми лесистыми берегами озера, тянувшиеся в меридиональном направлении на протяжении до 80 *км* и отделенные друг от друга лишь узкими дефиле, они представляли серьезное препятствие для движения войск с востока на запад. Обход же их с севера и с юга ставил наступающего в неизбежные условия изолированности двух действовавших групп; при этом, так как сами озера представляли собою щит, под покровом коего германские войска могли маневрировать по внутренним операционным линиям, каждая из этих групп могла быть подвержена атаке, ранее чем успеет соединиться с другой. Как мы уже видели, эти условия местности легли в основу Шлиффенской идеи обороны Вост. Пруссии. Наконец, с военной точки зрения, исключительно важное значение приобретала необычайно развитая сеть железных дорог, позволявшая производить переброску войск решительно во всех направлениях и во все пункты близ границы от Торна до Тильзита. Многочисленные воинские платформы, часто длиною в несколько километров, были построены в наиболее важных узловых пунктах, лежащих вблизи границы, что имело чрезвычайно важное значение, облегчая погрузку и подвоз частей, и составляло, в сущности, основу всей стратегии на этом театре военных действий. Эта стратегия, верная школа Шлиффена, строилась на активном маневре незначительных сил по внутренним операционным линиям под покровом Мазурских озер с целью поражения наступающих сил противника порознь, ранее, чем они успеют соединиться.

Таковы были своеобразные условия восточно-прусского театра военных действий. Эти условия, глубоко и детально изученные германским генеральным штабом, явились одним из крупных факторов, сделавших возможной операцию против 2 русской армии.

ГЛАВА III.

Развертывание 8-й германской армии в августе 1914 года и ее первые боевые действия.

„Часто необходимо принимать решения, не взирая на неопределенность их последствий, именно—когда ничего лучшего сделать нельзя“.

Клаузевиц.

План развертывания германских армий в августе 1914 года оставлял против России минимальное количество войск, едва ли достаточное для обеспечения восточной границы Германии от вторжения крупных сил противника. Этих войск было далеко недостаточно для выполнения взятого на себя Германией по отношению к Австрии, обязательства согласно которого одна германская армия должна была наступать на Ломжу с целью отрезать польский мешок совместно с наступавшими с юга на Брест-Литовск австро-венг. армиями. Это обязательство не было выполнено, и Германия ограничилась лишь выделением для совместного с австрийцами наступления на их левом крыле одного ландверного корпуса Войрша. К тому же уже после начала сосредоточения с востока было взято несколько предназначенных против России дивизий, так что в итоге развернувшаяся в восточной Пруссии 8 герм. армия под командованием генерал—полковника фон-Притвица числила в своем составе: $4^1/_2$ арм. корпуса—(I, XVII и XX армейские и I резервный), 3 рез. дивизию, 3 ландв. бригады—33, 6 и 70, составившие уже во время операции (28 (15) авг.) 1 ландв. дивизию,—и затем одну кав. дивизию. К этим силам уже в течение самой операции были присоединены некоторые второочередные части [1]).

Эти ограниченные силы, растянутые на фронте от Торна до Тильзита, т.-е. на протяжении более 300 километров, без какой-либо надежды получить в ближайшие недели поддержку,—и были предоставлены генералу Притвицу для выполнения его ответственной и трудной задачи.

Боевые столкновения с передовыми русскими частями начались уже с первых дней августа. Особенно интенсивны были они на путях к Гумбиннену, где первый прусский корпус под командой горячего, энергичного и подчас недисциплинированного генерала Франсуа [2]) своими активными дей-

[1]) См. в приложении боевое расписание 8 герм. армии.

[2]) Сын прусского генерала, который первым пал в войну 1870 года и, смертельно раненый, воскликнул: „кажется, мы побеждаем,—я рад умирать в такую минуту!“ *Г. И.*

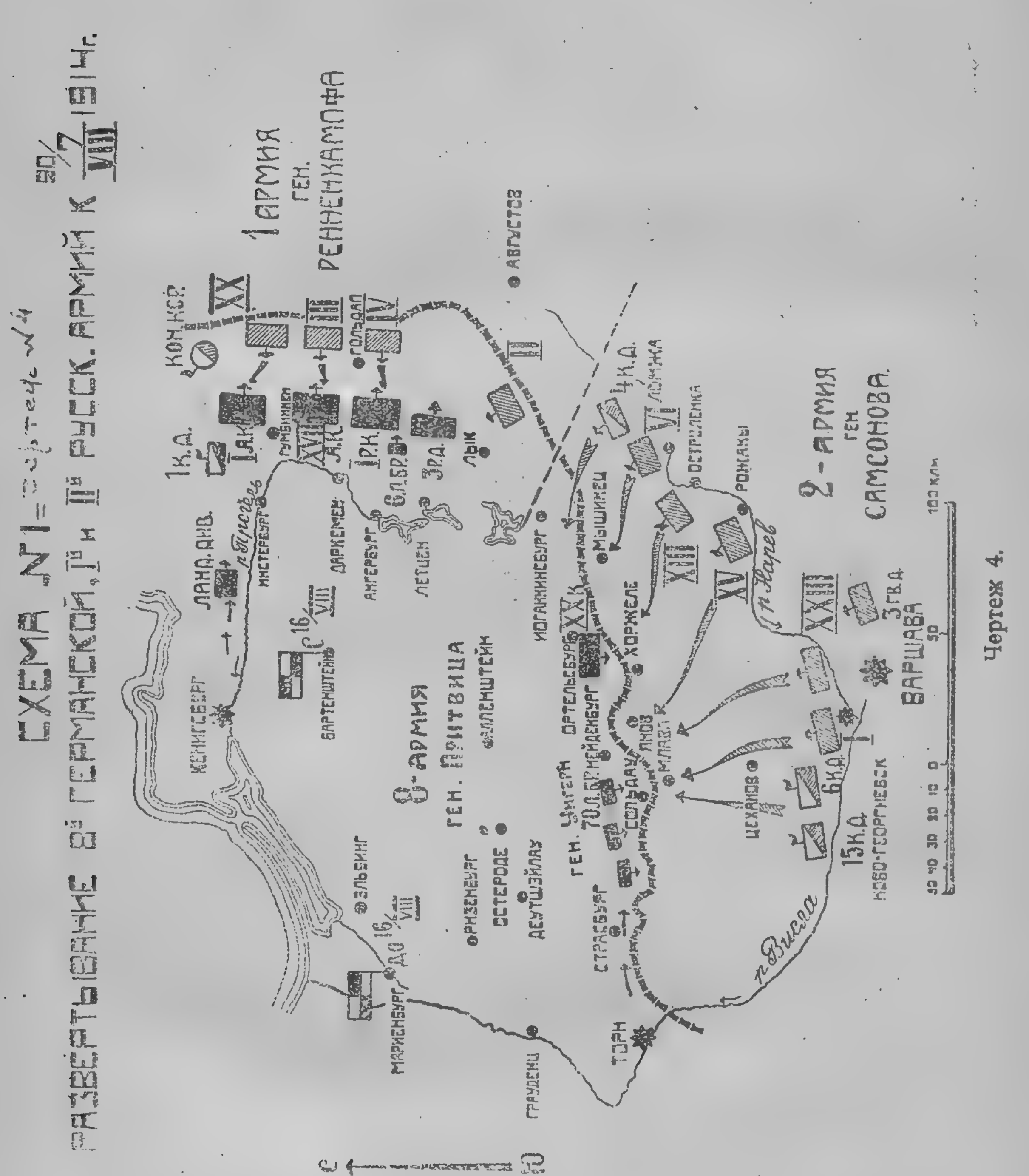
ствиями всячески затруднял русским отрядам вторжение в Вост. Пруссию. Ген. Притвиц, остановившись со своим штабом 8 авг. (27 июля) в Мариенбурге, решил выжидать выяснения обстановки; он склонился к выжидательному образу действия, и известным оправданием его решения является, конечно, ограниченность предоставленных ему сил, с которыми переход в наступление либо в Наревском направлении, либо на средний Неман был бы—при отсутствии сведений о противнике—более чем неосмотрительным. Вскоре штабу 8 армии становится известным, что Царство Польское свободно от русских войск и что, вместе с тем, в районе Ковно-Гродно сосредоточиваются крупные силы, очевидно, предназначенные для вторжения в Восточную Пруссию с востока. Относительно Наревского района сведения отсутствовали. Левый фланг развертывающихся русских войск предполагался в Ломже, при чем силы их оценивались в две армии, в составе до 10 корпусов и 7-ми кавалерийских дивизий. Главным направлением наступления этих армий считалось Гумбинненское. При таком представлении общей стратегической обстановки Притвиц решил сосредоточить еще разбросанные силы своей армии к левому флангу в район между Гумбинненом и Ортельсбургом, дабы перейти в наступление против северного крыла русских армий, стремясь охватить их правый фланг.

В исполнение этого плана XVII арм. корпус Макензена, сосредоточившийся у Дэйтш-Эйлау, был перевезен по железной дороге на Даркемен. Сосредоточившийся у Ангербург-Норденбург 1 рез. корпус фон-Белова получил приказание занять линию на реке Ангерап от Ангербург до Даркемен. 1 арм. корпус должен был оставаться в районе Гумбиннен-Инстербург; левый фланг его обеспечивала 1 кав. дивизия. 3 рез. дивизия ф.-Моргена и 6 ландв. бригада ген. Кремера были оставлены на линии Летцен-Николайкен для обеспечения междуозерных проходов. Обеспечение правого фланга со стороны Нарева было поручено XX арм. к-су, сосредоточившемуся в районе Ортельсбург. В качестве армейского резерва Кенигсбергский гарнизон должен был выделить ландверную дивизию, получившую название „ландверная дивизия Кенигсберг“ и сосредоточившуюся у Инстербурга (см. черт. 4).

16 (3) авг. эта группировка уже заканчивалась; в тот же день штаб армии прибыл для руководства операцией в Бартенштейн.

Следует заметить, что в эти же дни крепости на нижней Висле получили приказание выделить отряды для прикрытия обнаженной юго-вост. границы Вост. Пруссии. Отряды эти были сформированы из различных мелких ландверных и эрзац-резервных частей, наиболее крупной из коих была 70 ландв. бригада. Под командой ген. Унгерн эта группа сосре-

доточилась для выполнения задачи по прикрытию границы в районе Страсбург-Лаутенбург и сыграла впоследствии немалую роль в операции против 2 русск. армии. Само собою

Чертеж 4.

разумеется, что южная граница Вост. Пруссии была этими мерами далеко не обеспечена. Между тем, обстановка становилась здесь все более тревожной. У Млавы имели место бои с русской кавалерией (6 и 15 кав. дивизии), и донесения говорили о сосредоточении русских сил к границе значительно

западнее, чем это предполагалось. Эти сведения совершенно не соответствовали предположениям командования 8 армии.

В то время, когда один XX корпус и незначительный отряд ген. Унгерн должны были быть готовы сдержать натиск очевидно превосходных сил противника со стороны Нарева, 20 (7) авг. разыгралось встречное сражение у Гумбиннена между начавшей свое наступление с линии реки Ангерап 8 герм. армией и вторгшейся в пределы Вост. Пруссии 1 русской армией ген. Ренненкампфа.

В этот день в штабе 8 герм. армии царило напряженное настроение. Г. Притвиц нетерпеливо ожидал донесений с фронта, с тревогой озираясь на южную границу Вост. Пруссии, которая по всем признакам оказывалась под серьезной угрозой вторжения сильного противника.

Обстановка в Гумбинненском сражении сложилась вначале благоприятно для германцев: 1 прусскому корпусу удалось совместно с 1 кав. дивизией разбить 28 пех. дивизию XX-го право-флангового русского корпуса и зайти ему во фланг. Но после полудня наступление 1 к-са было приостановлено; вместе с тем сражение приняло неблагоприятный для германцев оборот на их правом фланге. XVII корпус понес здесь огромные потери; в его 35 пех. дивизии произошла паника, создавшая настолько катастрофическое положение для всего корпуса, что ген. Макензену, лично появившемуся на поле сражения, удалось лишь с величайшим трудом водворить порядок. В итоге, в 17 часов XVII корпус доносил, что не чувствует себя более способным противостоять русскому наступлению. Это донесение было встречено в штабе армии с величайшей тревогой: оно говорило о коренном изменении обстановки на Гумбинненском поле сражения. Последнее, правда, не было проиграно, но оно не дало никакого разрешения, оно затягивалось, что ставило германскую армию, при определившемся наступлении новых русских сил со стороны Нарева, в более чем серьезное стратегическое положение. Когда же в 19 час. переданное через штаб XX корпуса донесение ген. Унгерн сообщило о наступлении крупных неприятельских колонн, достигших уже линии Млавы и простиравших свой левый фланг даже западнее этого пункта—и без того нерешительное командование 8 армии потеряло равновесие и почувствовало себя беспомощным перед сложившейся стратегической обстановкой.

И действительно, 8 герм. армия, ввязавшаяся у Гумбиннена в бой с сильным противником, оказалась под серьезной угрозой обхода своего правого фланга. При такой обстановке ген. Притвиц счел оборону Вост. Пруссии невозможной и в целях сохранения своих живых сил решил немедленно оборвать Гумбинненское сражение и отойти за Вислу. Это

тяжелое и ответственное решение, имевшее огромные последствия, было встречено глубоким молчанием офицеров штаба 8 армии. Лишь старшие офицеры генерального штаба— ген. Грюнерт и полк. Гофман—высказали мнение относительно ответственности за очищение Вост. Пруссии, в сущности, без боя; они полагали, что если ничего лучшего сделать нельзя, необходимо решиться на крайнее, т. е. решительно атаковать одну из наступавших неприятельских армий, пока она еще не соединилась с другой. Г. Притвиц оказался, однако, непреклонным в своем решении. В 21 час 20 (7) августа была отдана руководящая директива, коей предписывалось противостоящим Ренненкампфу корпусам немедленно прервать сражение, оторваться от противника и ночью же начать поспешное отступление на запад. Директива, конечно, не отразила в себе нервного настроения командования; удачно редактированная чужой рукой, она говорила лишь о „марше в западную Пруссию".

Однако, действительное решение г. Притвица нашло свое полное выражение в его личных переговорах по аппарату с командирами корпусов. Один из этих записанных переговоров в 21 час с г. Макензеном гласит: „Обстановка коренным образом изменилась. Новые неприятельские силы наступают с юга. Местопребывание 1 кав. дивизии остается невыясненным. 1 рез. корпусу, имевшему задачу охватить левый фланг армии Ренненкампфа, противостоит с фронта равный противник. Новые неприятельские силы, примерно, до корпуса, обнаружены в районе Лык. Сильная Наревская армия наступает на Ортельсбург и Сольдау. 8 армия отходит потому за Вислу".

Итак, первый акт обороны Вост. Пруссии разыгрался; он не был длителен, но мог иметь серьезные последствия для германцев. События разыгрались со стороны противника, примерно, так, как это предполагал германский ген. штаб и в частности Шлиффен: две русские армии вели концентрическое наступление со среднего Немана и Нарева в обход Мазурских озер с севера и юга. Но с германской стороны предположения Шлиффена не оправдались. Ген. Притвиц увидел себя под угрозой со стороны русской армии, наступавшей с Нарева, ранее чем он успел разбить армию Ренненкампфа. Он счел себя вынужденным к отходу и очищению Вост. Пруссии, в сущности, без боя,—не выполняя соображений Шлиффена, идейным учеником коего он должен был быть, как германский генерал. Было ли решение Притвица действительно вызвано объективностью сложившейся обстановки, или оно содержало огромную долю его личной моральной силы или бессилья? Ген. Притвиц не принадлежал к числу сильных и стойких по своей воле командиров; так о нем отзываются все его приближенные

офицеры. В продолжение дня 20 (7) авг. настроение Притвица менялось несколько раз в зависимости от полученных донесений; в этом отношении он мог бы быть, пожалуй, сравнен с Фридрихом Великим под Мальвицем. Но Фридрих никогда не терял способности к объективной оценке событий, никогда не терял свойственной ему решимости и энергии.

Сложившаяся обстановка была, действительно, серьезна. Но ведь Наревская армия достигла к вечеру 20 (7) авг. лишь линии Млавы. Непосредственная угроза тылу 8 армии, сражавшейся под Гумбинненом, создав лась лишь с достижением противником линии Остероде-Алленштейн; но до этой линии русским войскам нужно было сделать три перехода (80 км.) с боями. Правда, на юге были оставлены незначительные силы, но пересеченная лесами местность создавала здесь возможность успешной обороны и против значительно превосходящих сил. Таким образом, три перехода, оставшиеся до линии Остероде-Алленштейн, могли быть расчитаны на несравненно больший срок, чем трое суток. Наконец, и в случае достижения Наревской армией этой линии— положение 8 герм. армии нельзя было признать безнадежным: коммуникация на Кенигсберг оставалась свободной, а туда германский флот, господствовавший на Балтийском море, мог доставить необходимые для армии средства.

Таким образом, оставались достаточная возможность и стратегическое обоснование для продолжения Гумбинненского сражения с решительной целью разбить армию Ренненкампфа, а потом уже обратиться против Наревской армии. Первый день боя, оставшийся, в общем, безрезультатным, ни в коем случае не мог заставить стойкого начальника отказаться от возможности достижения победы. Требовались лишь решимость и энергия, но этих то качеств Притвиц и не имел, а оперативная решимость была ему чужда. Далее, мы увидим, как при несравненно более тяжелых условиях, имея неприятельскую армию у себя в тылу на расстоянии двух переходов, другой полководец провел решительную операцию уничтожения одной армии противника и был далек от мысли об отходе в самые критические минуты.

Решение ген. Притвица отступить за Вислу и очистить Вост. Пруссию было вызвано его личным моральным настроением и не находит себе оправдания в бесспорно тяжелой стратегической обстановке.

Первый боевой шаг 8 герм. армии не был удачным. Он обнаружил, что германским войскам могли быть при известной обстановке свойственны все слабые стороны всех армий мира, вплоть до паники и беспорядочного бегства с поля сражения целых войсковых соединений (XVII арм. корп.) и неуравновешенности и нервности высшего командования.

Оборона Вост. Пруссии была весьма трудным и ответственным делом. Она требовала совершенно исключительной выдержки командования и стойкости войск. Первый состав командования оказался неготовым к выполнению своей высокой задачи. Войска же, в сущности, себя еще не обнаружили (один день боя слишком малый срок); во всяком случае, они принадлежали к разряду высококвалифицированной вооруженной силы и под другим руководством должны были это показать.

Ночь на 21 (8) авг. застает 8 герм. армию в спешном ночном марше на запад. Во многих колоннах подавленное настроение, которое зловещая тишина ночи делает еще более напряженным; это особенно сказывается в колоннах XVII-го арм. и 1 рез. корпусов. Бойцы устали и измучены после боевого напряжения; их настроение глубоко отлично от энтузиазма тех германских войск, которые в это время, гордые и уверенные в победе, выполняли грандиозный марш—маневр вглубь Франции.

Когда на западном театре военных действий разыгрывался пролог к Марнскому сражению, на востоке вглубь Пруссии отходили войска 8 герм. армии и тянулись бесконечные вереницы повозок, нагруженных крестьянским скарбом и сопровождаемых детьми, женщинами и стариками, покидавшими свои села; беженцы буквально приросли к войсковым колоннам, усматривая в них единственную защиту и надежду. Но в то время, когда в Вост. Пруссии царило настроение моральной подавленности, а отчасти и растерянности, происшедшие события объективно и спокойно воспринимались холодным оперативным рассудком графа Мольтке в главной квартире действующей армии в Кобленце.

ГЛАВА IV.

Перемена командования 8 германской армии.

«На войне от самого начала все неустойчиво и непостоянно, кроме воли и силы стремления полководца».

Мольтке.

Обстановка, сложившаяся на востоке, была предметом самого серьезного об уждения в Главной Квартире германской армии, наступление коей на западе находилось в самом разгаре.

Еще вечером 21 (8) авг. ген. Притвиц имел разговор по телефону с г. Мольтке, которому изложил свое решение отступить за Вислу, полагая, что даже отход осуществим лишь с боями в тяжелых условиях. Г. Притвиц просил подкрепления, без коего, по его мнению, оборона Вислы—при низком уровне воды—была навряд ли возможна. Такое решение командования на востоке в корне расходилось со взглядами Мольтке, считавшего возможным достичь победы над одной из русских армий ранее, чем с нею успеет соединиться другая. Поставленный перед фактом уже начавшегося отхода, Мольтке предлагал сосредоточить войска 8 армии к западу от линии Мазурских озер, разъединявших русские армии, и, пользуясь этим географическим условием, как препятствием для Ренненкампфа, атаковать южную Наревскую армию по кратчайшему направлению в ее правый фланг. Это предложение всецело разделяли командиры корпусов 8 армии, мнение которых Мольтке непосредственно запросил по телефону. Наконец, Мольтке считал совершенно невозможным с общестратегической и политической точек зрения очистить Вост. Пруссию, ибо такой оперативный шаг давал русской армии возможность, без опасения за свой правый фланг, сосредоточиться в выступающей части Царства Польского, непосредственно угрожая центру Германии и создавая серьезную угрозу левому крылу австрийской армии, достигшему к тому времени Красника.

Г. Притвиц находился, однако, под впечатлением грозности своего положения, и при этих условиях согласование его взглядов с мнением главной квартиры казалось совершенно невозможным. Мольтке это понял и тут же предложил Вильгельму отозвать Притвица от командования 8 армией, назначив на восток более решительного и готового взять на себя ответственную задачу обороны Вост. Пруссии командующего. Решение необычайно радикальное и резкое. Но, как казалось, могло оно исправить создавшееся на востоке положение? Ведь там был дорог каждый час. Оперативные соображения Мольтке либо требовали немедленного осуществления, либо они, вообще, не могли быть осуществлены. Время, определявшее возможность выполнения плана Мольтке, измерялось часами. Смена же командования требовала, по крайней мере, одного—двух дней времени: казалось, эта мера должна была стать паллиативом и ничто не могло быть исправлено в создавшемся положении. Но г. Мольтке думал иначе: войска 8 армии находятся на пути к Висле, куда их отводит Притвиц, оказавшийся неспособным к выполнению тяжелой и ответственной задачи обороны Восточной Пруссии. Возобновление наступления против армии Ренненкампфа навряд ли даст какие-либо результаты. Но, быть может, представится еще возможным войска повернуть

на юг и отступление превратить в наступление против Наревской армии, атаковав ее ранее, чем она успеет соединиться с армией Ренненкампфа? Для этого требуется, однако, сильный, готовый взять на себя ответственность начальник; необходимо его дать 8 армии,—и тогда, быть может, еще не все потеряно. Ухудшиться от этого положение не может.

Вот как мыслил Мольтке, когда поздно вечером 21 (8) авг. докладывал Вильгельму свое мнение о смене командования 8 армии. Вильгельм питал безграничное доверие к своему начальнику штаба и согласился с его предложением. Теперь Мольтке предстояло трудное дело выбора. Под рукой сильных и выдающихся начальников не было; и вот, не наметив еще кандидата для смены самого Притвица, Мольтке в тот же вечер пишет ген. Людендорфу, которого он высоко ценил по работе в большом генеральном штабе и который успел уже показать свою исключительную энергию и самоотвержение при атаке Льежа. Согласно мобилизационным спискам 1914 года, г. Людендорф предназначался в обер-квартирмейстеры штаба 2 германской армии. Но, как раз в то утро, когда он прибыл из под Льежа, куда его командировал командующий 2 армии генерал Бюлов, ему в 9 часов 22 (9) авг. на пути от Вавра к Намюру вручили письмо г. Мольтке, которое гласило:—«Вам ставится новая тяжелая задача, быть может, еще более трудная, чем атака Льежа. Я не знаю никого другого, к кому питал бы столь безграничное доверие, как к Вам. Быть может, Вы еще спасете положение на востоке. Простите меня, что я отзываю Вас с поста, на котором Вы, быть может, стали бы соучастником решающего акта, который с божьей милостью не преминет наступить. Но Вы должны эту жертву принести отечеству. Также и император питает доверие к Вам. На Вас, конечно, не может быть возложена ответственность за то, что случилось; но с Вашей энергией Вы еще можете отвратить самое худшее. Примите поэтому Ваше назначение, как самое почетное, какое может получить солдат. Я не сомневаюсь, что Вы оправдаете возлагаемое на Вас доверие». Это письмо не походило на официальное приказание; оно было тем живым словом, с которым фактический глава армии обращался своему подчиненным и которое было единственно возможно в столь серьезному момент. В этом отношении оно представляет высокий интерес. В письмо было вложено подписанное ген.-кварт. гл. квартиры ген. Штейном официальное приказание о назначении Людендорфа начальником штаба 8 армии на востоке и предписание немедленно выехать к новому месту назначения.

В 18 час. г. Людендорф был уже в Кобленце и получал личные указания от графа Мольтке. Он был также принят

Вильгельмом, который под видом внешнего спокойствия плохо скрывал тревогу за Восточную Пруссию.

Между тем, был сделан и выбор нового командующего на востоке; он пал на бывшего командира IV арм. корпуса ген. Гинденбурга, жившего в отставке в Ганновере.

Сведения, которых мне не удалось проверить, говорили, что ген. Гинденбург был в большой немилости у Вильгельма, якобы, потому, что оказался победителем над ним на одном крупном маневре. Во всяком случае, в начале войны 1914 года Гинденбург не получил никакого назначения. Теперь 22 (9) авг. он был по телеграфу запрошен о согласии занять пост в армии, на что он тогчас же лаконически ответил: «готов». Однако, этот ответ не успел еще дойти до главной квартиры, когда вторая телеграмма гр. Мольтке сообщила Гинденбургу о его назначении на пост Командующего 8 армии и предложила немедленно выехать на восток с имеющим проехать через Ганновер в специальном поезде ген. Людендорфом, вновь назначенным начальником штаба 8-й армии.

Итак, выбор был сделан; он пал на одних из лучших германских генералов,—это показала вся война 1914 года. Нельзя отрицать, что граф Мольтке оказался большим знатоком людей, ибо его выбор был не случайным, а глубоко продуманным и взвешенным. Из выбранных двух генералов едва ли не более крупным лицом оказался начальник штаба Людендорф. По его просьбе вечером 22 (9) авг. из главной квартиры была послана директива, приостанавливавшая отступление на 23 (10) число.

1 рез. XVII арм. корпуса и Кенигсбергская ландв. дивизия должны были остановиться на месте и в случае необходимости действовать по собственной инициативе. 1 арм. корпус, погруженный в эшелоны и следовавший к Висле на Гослерсгаузен, должен был выгружаться в Дейшт-Эйлау в непосредственной близости к XX корпусу, который получил задачу обороняться против наступавшей Наревской армии в занимаемом районе. Наконец, крепости Торн, Кульм, Грауденц и Мариенбург должны были выделить из своих гарнизонов все, что только возможно; образовавшаяся таким образом почти сплошь из ландверных частей группа должна была сосредоточиться в районе Страсбург-Лаутенбург, где уже находилась группа ген. Унгерн. (см. чертеж 5).

Итак, первые оперативные мероприятия для подготовки нового плана операции были предприняты уже на 23/10 августа и были переданы Людендорфом из главной квартиры еще без ведома нового командующего. Очевидно, они не только соответствовали соображениям Мольтке, но явились результатом его директивных указаний. Эти мероприятия намечали уже новую предполагаемую операцию. Во-первых, была категорически отвергнута мысль об отходе

за Вислу; во-вторых, было приостановлено дальнейшее отступление; в третьих, в юго-западном углу Восточной Пруссии намечалось сосредоточение группы, имевшей возможность занять фланговое положение по отношению к Наревской армии.

Таким образом, к 23/10 августа намечались уже известные признаки перелома в оперативных действиях 8 армии и начинался новый акт в обороне Восточной Пруссии. Сохранявшая всю свою серьезность обстановка, вынудившая Притвица к отступлению, позволила Мольтке и исполнителям его идеи Гинденбургу и Людендорфу принять твердое решение перегруппировать свои силы и атаковать одну из неприятельских армий. В этом сказывается все колоссальное на войне значение морального элемента. Одна и та же обстановка воспринимается одним, как безнадежная, а другим, как допускающая переход в наступление. Здесь поистине, раскрывается великий смысл фразы Мольтке старшего: „на войне нет ничего постоянного, кроме воли и силы стремления полководца“.

Гинденбург и Людендорф направлялись на восток с твердо принятым решением повести 8 армию от отступления к наступлению и атаковать Наревскую армию противника. Перед новым командованием стратегическая альтернатива—отхода за Вислу или активной обороны путем наступления—возникнуть не могла. Оно было определенно поставлено перед фактом наступательного плана, проведением коего обуславливался весь смысл перемены командования на востоке. Это, однако, нисколько не умаляет значения твердой готовности взять на себя тяжелую ответственность, и затем высокого искусства, с каким новое командование взялось за свою трудную задачу и которое сделало единственно возможным ее осуществление. Заметим лишь, что последнее стало бы немыслимым без высоких моральных задатков, таившихся в войсках, вынужденных изменчивой военной обстановкой к временному отступлению.

В 21 час 22 (9) авг. ген Людендорф выехал в специальном поезде в Ганновер. Здесь в 4 часа 23 (10) авг. в вагон сел ген. Гинденбург. Генералы встретились в первый раз, но решимость и сознание ответственности не могли скрыть под этикетом официального представления их глубокого внутреннего взаимопонимания. В 14 час. 23 (10) авг. поезд, промчавшийся в 10 часов из западной Германии к Висле, доставил их в штаб-квартиру 8 армии в Мариенбург.

В то время, когда акт обороны Восточной Пруссии был, казалось, закончен, — он на самом деле только должен был начаться.

ГЛАВА V.

Развертывание и план операции 2 русской армии.

(чертеж № 4 и № 5).

«Вся суть стратегии заключается в том, чтобы врозь двигаться, но вместе драться»,

Мольтке.

23 (10) августа оперативная обстановка на восточно-прусском театре военных действий значительно изменилась.

Намерения противника стали известны германцам уже 21 (8) авг. из документа, найденного на одном убитом русском офицере 28 пех. дивизии. Выяснился в общих чертах весь оперативный план русского командования, заключавшийся, как это и предвидел германский генеральный штаб, в концентрическом наступлении двух русских армий в обход Мазурских озер с севера и юга с конечной целью завладения Восточной Пруссией. План этот был ясен и прост и, сам по себе, не возбуждал никакой критики. Его выполнение было, однако, сопряжено с большими трудностями; оно требовало тесного взаимодействия двух армий, их энергичного наступления с целью скорейшего соединения и высокой подготовки войск, которым приходилось иметь дело с первоклассной германской армией.

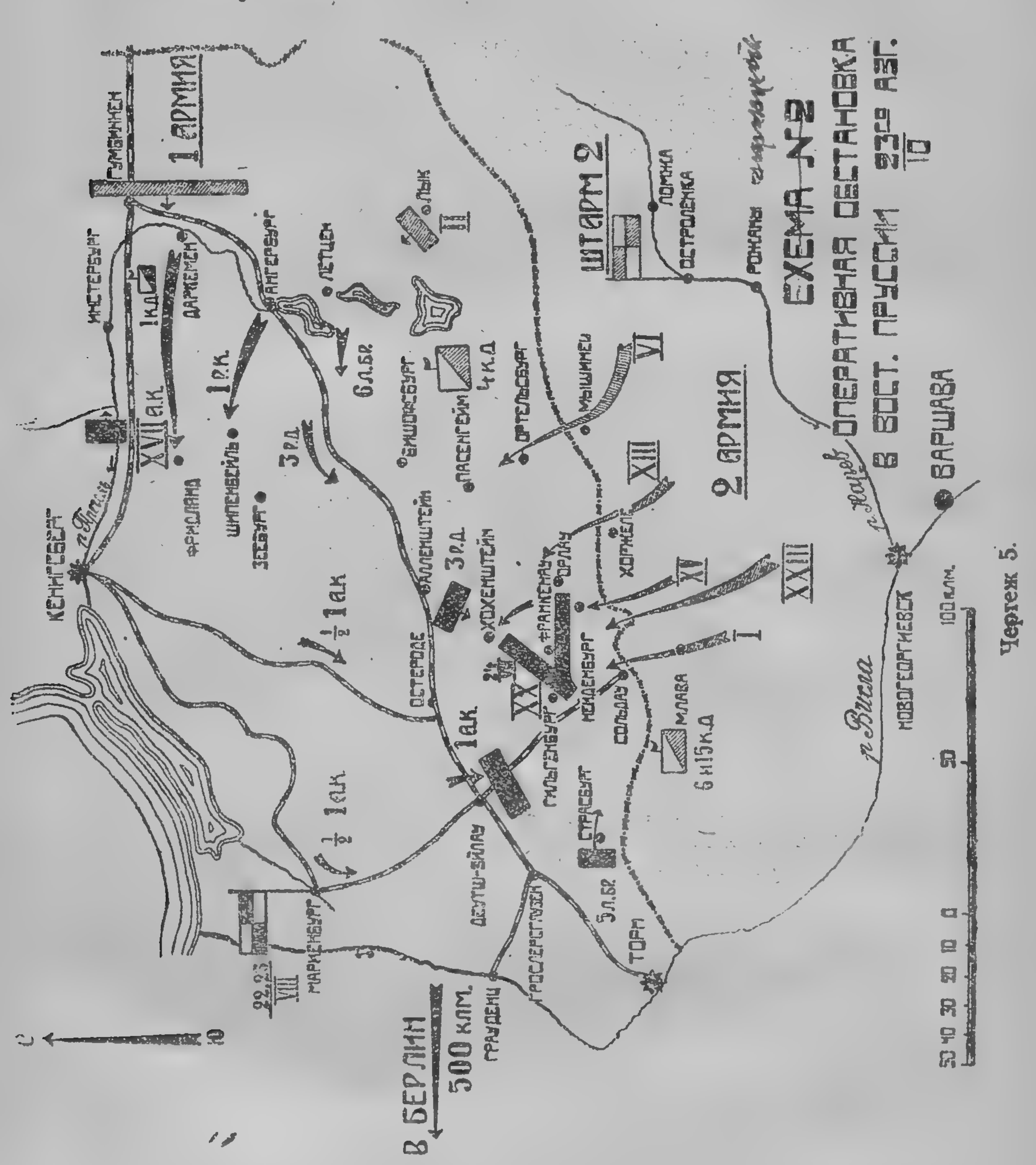
Как же проводился этот план русским командованием.

Первая русская армия ген. Ренненкампфа, перед коей в ночь на 21 (8) авг. стали отходить германцы, наступала со среднего Немана на фронт реки Ангерапп, имея в своем составе три, а затем, после передачи из состава 2 армии одного корпуса, всего четыре корпуса (XX, III, IV, II) одну (5-ю) стр. бригаду и 5 с 1/2 кав. дивизий (1 и 2 гв., 1, 2 и 3 кавалерийские и 1 отд. кав. бригаду).

2-я русская армия ген. Самсонова, развертывавшаяся в районе Ломжа - Остроленка - Новогеоргиевск, числила в своем составе, справа налево, VI, XIII, XV, XXIII (в составе одной 2 пех. дивизии) и 1 арм. корпуса (сначала в районе Августова и II корпус, переданный потом в 1 армию), 1-ю стр. бригаду и 4, 6 и 15 кав. дивизии, из которых одна действовала на правом фланге, а две на левом.

Командующим 2 армией был назначен ген. от кавалерии Самсонов, который перед началом войны пять лет подряд занимал должность командующего войсками Туркестанского Военного Округа и был очевидно далеко недостаточно знаком не только с условиями северо-западного театра военных действий, но и с оперативным планом, разработанным рус-

ским генеральным штабом в 1912 году. Последнее с очевидностью усматривается из соображений ген. Самсонова, представленных им Главнокомандующему Сев.-Зап. фронтом ген. Жилинскому 7 июля за № 2915.

Чертеж 5.

В этом интересном документе излагается план войны против Германии, при чем главным операционным направлением считается Варшава—Берлин.

«Для наступления по левому берегу Вислы на Берлин может быть назначена 2-я армия в составе XIII, XV, XXIII

и I армейских корпусов»—читаем мы в докладе, и далее: «2 армия должна развернуться на линии Сохачев—Петроков».

«Для обеспечения наступления в Германию со стороны Восточно-Прусской (очевидно германской) армии может быть назначена 1 армия в составе II, VI, III, IV и XX армейских корпусов».

«1-я армия должна наступать с фронта Гродно-Белосток-Малкин в меридиональном направлении в обход линии Мазурских озер с запада». (В.-Уч. Архив. Дело 2-й армии № 13—129).

В конце доклада даются расчеты сосредоточения корпусов 2-й армии на левом берегу Вислы.

Казалось, командующий армией должен еще до объявления войны точно знать свою задачу по плану развертывания; мало того, целым рядом пограничных полевых поездок и военных игр он должен условия выполнения этой задачи тщательно изучить.

Между тем, уже после того, как войска 2 армии прибыли в район своего развертывания, Самсонов составляет план наступления на Берлин, который совершенно не входил в расчеты русского генерального штаба и, наоборот, был им совершенно справедливо отвергнут. Подобная неосведомленность о плане войны высшего командования и, значит, незнакомство с условиями выполнения предстоящей задачи не могли, конечно, содействовать успеху операции [1]).

7 авг. (26 июля) ген. Самсонов предлагал еще наступать на Берлин по левому берегу Вислы, а 9 авг. (28 июля) он получил директиву главнокомандующего Сев.-Зап. фронтом № 2, согласно которой его армия должна была наступать «с линии Августов—Граево—Мышинец—Хоржеле на фронт Летцен—Арис—Руджаны—Ортельсбург, направляя главные

---

[1]) Ген. Самсонов, по должности нач-ка штаба Варшавского в. о., которую он занимал в течение 1905—7 г.г., имел возможность ознакомиться с местными условиями. Одно время он считался кандидатом на должность команд. в. этого же округа. Этим отчасти объясняется его назначение на должность к-щего 2 армией Новому же плану, с которым Самсонов, возможно, до того не был знаком, он не сочувствовал, и это сразу же расстроило всю дальнейшую оперативную работу Жилинскому в Вост.-Пруссии, которая могла привести к победе только при строго согласованной работе 1 и 2 армий. В течение всей недолгой операции Самсонов стремился вести свою армию в сев.-зап. направлении, к Висле, чтобы ударить по глубокому тылу отступающих в воображении Жилинского немцев и опереться на единственную желдорогу Млава — Новогеоргиевск, а Жилинский тянул 2 армию к северу, чтобы сомкнуть внутренние фланги 1 и 2 армии.

Начальник штаба 2 армии ген. Постовский, в течение 5 лет (1908—1913 г.), занимавший должность ген. кварт. штаба Варшавского в. о., не мог быть чужд вопросам, связанным с ведением войны на западном театре. Предложенный Самсоновым план действии составлял, видимо, один из вариантов планов штаба Варшавского в. о. до 1912 года.

Прим. ред.

силы от линии Мышинец—Хоржеле на фронт Руджаны—Пассенгейм и далее к северу во фланг и тыл линии озер».

Эта задача была, очевидно, для ген. Самсонова неожиданной. Насколько просто и ясно была определена задача 2 армии, настолько затруднено было ее выполнение объективными условиями района военных действий до восточно-прусской границы.

Современная война требует надлежащей подготовки театра военных действий как в тактическом, так и техническом отношениях.

Район развертывания 2 армии не был заблаговременно обеспечен достаточной сетью железных дорог, достаточным разветвлением и оборудованием станций. Наступая на север от линии р. Нарева, армия должна была более чем на 100 *км* оторваться от единственной пролегавшей в этом районе железной дороги Остроленка—Пасека—Вышков.

При отсутствии заблаговременно заложенных баз и складов и необходимости все питание базировать на подвозе—снабжение армии должно было неминуемо попасть в чрезвычайно тяжелые условия.

Но более того,—весь район к северу от р. Нарев был в сущности бездорожным. Шоссе отсутствовали совершенно, за исключением одного Рожаны—Маков—Прасныш. Остальные сплошь грунтовые дороги пролегали по песчано-лесистой местности, быстро размывающейся во время дождей.

В военно-дорожном отношении район был совершенно не подготовлен, и это ложится тяжелой ответственностью на генеральный штаб, не позаботившийся в мирное время о соответствующих работах, вызываемых принятым планом развертывания [1]).

Подобные условия естественно потребовали от войск проявления большой энергии еще до перехода государственной границы, к северу от которой обильная сеть шоссе не создавала каких-либо трудностей для движения.

Между тем, бодрость частей 2 армии пала в значительной степени еще до выступления в поход. Непосредственно перед началом наступления линейные полки должны были нести тыловую службу по охране железных дорог и сборных пунктов. К тому же мобилизованные корпуса оставались в далеко неполном составе и должны были выступить в поход, не насчитывая иногда целых полков (XV, VI корпуса), а XXIII корпус даже целой дивизии.

[1]) На это не было времени, так как только в сен. 1913 г. при свидании Жоффра с Жилинским были окончательно намечены направления для наступления 1 армии на Гумбиннен и 2—на Нейденбург. До плана войны 1912 г., когда главное направление действий русских армий было на Берлин, весь район по правому берегу р. Нарев, в целях оборонительных, содержался умышленно в бездорожном состоянии.

Прим. ред.

Все эти условия, выявившиеся уже в период развертывания, малая осведомленность командующего армией о предстоящей ему задаче и условиях ее выполнения, необорудованность театра военных действий, недопустимое мотание предназначенных к наступлению войск тыловой службой и их далеко неполный боевой состав—могли, конечно, иметь только отрицательное значение.

17 (4) авг. 2 армия развернулась на 210 *км* фронте от Правдзинскена до Новогеоргиевска (чертеж 4). Справа налево части располагались: II корпус (с 22 (9) авг. подчиненный I-й армии)—Правдзинскен—Райгрод; 4 кав. дивизия—Кольно; VI корп.—Ломжа; XIII корпус—Остроленка; XV корпус—Рожаны—Щелков—Залуже; XXIII корпус—2 див.—Новогеоргиевск, 3 гв. див.—Домброво; I корпус с 1-ой стр. бригадой—Новогеоргиевск; 15 и 6 кав. дивизии—Цеханов.

Итак, в то в время, когда первая армия вела передовые бои, вторгаясь в Восточную Пруссию,—вторая находилась только на линии своего развертывания, откуда ей оставалось до прусской границы, в среднем, не менее 3-х переходов по плохим песчаным дорогам. Таким образом, тесное взаимодействие обеих армий в смысле их совместного вторжения в Вост. Пруссию не было обеспечено с самого начала. Вторая армия неминуемо запаздывала. Конечно, при энергичном руководстве и надлежащей подготовке войск, а главное, при менее энергичном противнике — этот факт, сам по себе, не являлся опасным.

Военная история дает нам другой пример подобной операции отдельных армий по внешним операционным линиям—это Богемская кампания 1866 года. Три прусские армии были развернуты на таком расстоянии друг от друга и взаимодействие их было по ходу операции столь затруднено, что их удалось соединить — и то благодаря энергии командования — лишь на поле сражения под Кениггретцом, и, тем не менее, победа была достигнута.

Русское командование должно было исходить в своих оперативных расчетах из факта превосходства германской армии, уяснение чего должно было составлять непременную задачу генерального штаба и, в частности, его разведывательного органа еще в мирное время. Поэтому, в своем плане русское командование должно было особенно тщательно соблюсти условия тесного взаимодействия двух отдельно наступающих армий—а этого сделано не было.

Во всяком случае, 20 (7) августа, когда первая русская армия сравнительно успешно сражалась с 8 германской армией под Гумбинненом, вторая армия не успела еще перейти своими корпусами восточно-прусскую границу. Начав свое наступление 18 (5) авг., она к вечеру 23 (10) авг., т. е. в тот день, когда Гинденбург и Людендорф прибыли

в Мариенбург и отдавали свои первые распоряжения о подготовке наступательной операции, достигла линии Ортельсбург (VI корпус) — Едвабно (XIII корпус) — Нейденбург (XV корпус) и Сольдау (I корпус) (чертеж 5).

Этот фронт был 2 армией занят с боем лишь на участке XV корпуса, который у Орлау-Лана имел свое первое боевое столкновение с оборонявшимся здесь XX герм. корпусом.

Между тем, I-я русская армия, считавшая себя победительницей под Гумбинненом, оставалась на поле сражения, потеряв всякое соприкосновение с отходившими германцам и до 22 (9) авг. включительно бездействовала. Армия, которая должна была возможно скорее обогнуть линию Мазурских озер с севера, дабы своим левым флангом войти в связь с соседней армией, оставалась двое суток в бездействии, имея перед собой отступавших германцев!—и это по причине полной неосведомленности о противнике и направлении его отступления... в то время, когда в распоряжении командования находилось 5 $^1/_2$ кав дивизий.

Лишь 23 (10) авг. 1 армия снялась с места и, мало осведомленная об обстановке перед своим фронтом, сделала маленький переход, достигнув на линии реки Ангерапп фронта Пеленингкен-Даркемен.

Итак, к исходу 23 (10) авг. новое командование 8 армии находилось перед фактом следующей оперативной обстановки: 2 русская армия успела лишь перейти границу Вост. Пруссии и достигла фронта указанного выше; она еще не ввязалась в серьезный бой с оставленным против нее XX корпусом. 1 армия, очевидно, удовлетворенная делом под Гумбинненом, двое суток бездействовала и лишь на третий день продвинулась на незначительный переход. Все это не говорило в пользу активности и энергичности противника.

Между тем, совершенно неожиданное бездействие Ренненкампфа и медленное продвижение армии Самсонова изменило и в представлении ген. Притвица создавшуюся обстановку: он уже не считал положение своей армии столь безнадежным. Под давлением офицеров своего штаба у него зародилась собственная мысль о возможности повернуть отступавшие колонны на юг и сосредоточить свои силы, согласно указаниям графа Мольтке, против 2 русской армии, пытаясь ее разбить ранее, чем она успеет соединиться с армией Ренненкампфа. 22 (9) авг. ген. Притвиц отказался от своего первоначального решения отойти за Вислу, но, не успев еще предпринять какие-либо шаги к перегруппировке армии против Самсонова, получил извещение об отозвании с поста командующего и вышеприведенную директиву из главной квартиры о приостановке отступления на 23 (10) авг. На следующий же день он сдал командование ген. Гинденбургу.

Основываясь на этом последнем намерении Притвица, некоторые немецкие критики отрицают его первое решение отойти за Вислу, которого он якобы никогда не принимал. Они далее утверждают, что Гинденбург был бы бессилен провести свой маневр без подготовительных мероприятий Притвица. Надо полагать, что эти критики были приближенными единомышленниками ген. Притвица и заинтересованы в его защите. Изложенные факты, ныне документально установленные, говорят противоположное. Г. Притвиц прервал к вечеру 20 (7) авг. Гумбинненское сражение и решил отойти за Вислу. 22 (9) авг. он, правда, изменил свое решение, склонившись к возможности проведения активной операции против Самсонова; он, однако, не успел для этого ничего предпринять. Приостановка отступления I рез. и XVII арм. к. и перенесение пункта выгрузки I арм. к-са в Деутш-Эйлау были исполнены, согласно директиве из главной квартиры, а не распоряжению ген. Притвица. Перед суровым судом военной истории облик последняго не меняется: это облик морально нестойкого и оперативно несмелого начальника; изменение первоначального решения говорит лишь о его неуравновешенности и моральной неустойчивости. В условиях оперативной обстановки 23 (10) авг. для проведения наступления против Наревской армии требовались другой характер и другая сила воли. Эти моральные качества оказались у нового командования.

ГЛАВА VI.

Оперативный план нового командования.

> «Никакой оперативный план не может простираться далее первого столкновения с противником».
>
> *Мольтке.*

Холодный прием встретили в Мариенбурге Гинденбург и Людендорф; они явились сюда как бы людьми с другого света. Приказ Притвица об отступлении успел в моральном отношении сделать свое дело. Над штабом 8 армии и всей окружающей средой властвовало настроение моральной подавленности.

Новый план контр-маневра, к коему 22 (9) авг. склонился Притвиц, не был принят настолько категорически и решительно, чтобы сразу изменить настроение и внести

резкий перелом. Чувствовалось, что это—попытка, которую Притвиц решил использовать, но которой он не придавал значения решающего и единственно возможного плана обороны Вост. Пруссии.

Новое командование стало, прежде всего, перед необходимостью изменить господствовавшую моральную обстановку. Мы уже говорили о том, что перед Гинденбургом не могла стать стратегическая альтернатива отхода за Вислу или принятия боя в Вост. Пруссии. Само назначение его было обусловлено проведением активной операции против наступающих русских армий и означало резкий переход 8 армии от отступления к наступлению. В этом смысле назначение Гинденбурга и Людендорфа и было понято всеми командующими генералами, а затем и войсками. Та решимость и уверенность, с коими явилось новое командование, еще более внедрило во всю окружающую среду сознание значения отозвания Притвица. Короткие, точные и не допускавшие никаких колебаний приказания Гинденбурга ясно указывали на резкое изменение в плане действий 8 армии, и в отношении морального перелома вскоре оказали свое влияние. Этому в значительной мере помогло личное общение нового командования с командированными из штабов корпусов офицерами генерального штаба, а частью и с самими командирами корпусов. Ген. Франсуа, войска коего уже перевозились к назначенному им пункту выгрузки Деутш-Эйлау, вечером 23 (10) авг. лично представился Гинденбургу и имел с ним продолжительную беседу. В ген. Франсуа, как и в прочих командующих генералах, Гинденбург нашел особенно горячего и решительного сторонника необходимости наступательного образа действия.

Итак, первый фундамент для подготовки наступательной операции—подъем морального настроения, водворение спокойствия и внедрение стойкости и воли к победе—был вскоре и без затруднения заложен, ибо для этого в войсках имелись все потенциальные факторы.

Несравненно труднее была вторая, чисто оперативная, задача. Положение и планы противника могли, в большей степени, считаться выясненными; определилась также его чрезвычайная медлительность. Последний фактор был особенно существенен в данной обстановке; он, между прочим, уж давно фигурировал в оценке русской армии, официально даваемой Разведывательным бюро германского Генерального штаба, сводка коего в 1913 году гласила: «Передвижение русских войск совершается теперь, как и раньше, крайне медленно. Быстрого использования благоприятной оперативной обстановки от русского командования ожидать так же трудно, как быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Для этого слишком велики

препятствия при издании, передаче и выполнении приказов. Поэтому германское командование может при столкновении с русскими войсками расчитывать на возможность таких маневров, которых оно не позволило бы себе с другим противником».

Теперь, после того как ужасная катастрофа армии Самсонова стала достоянием истории, мы можем объективно оценить это мнение германского генерального штаба о русской армии: оно, несомненно, поразительно верно: оно подмечает именно наиболее характерные черты — медлительность, бездеятельность, нерешительность, налагавшие свой тяжелый отпечаток на всю старую русскую военную систему и имевшие решающее значение в гибели армии Самсонова.

Хотя при разработке своего оперативного плана командование 8 армии могло и должно было этот фактор принять в расчет и действительно приняло, тем не менее, решение атаковать Наревскую армию было чрезвычайно серьезно и ответственно и требовало совершенно исключительной силы воли. Сам Людендорф говорит о нем: „Намерение принять бой с Наревской армией было построено на расчете медлительности действий русского командования; несмотря на превосходство сил противника, оно было глубоко обосновано твердой волей к победе; тем не менее, оно было делом величайшей ответственности и трудности“.

К вечеру 23 (10) авг. расстояние между левым флангом первой армии у Даркемена и правым флангом второй армии у Ортельсбурга исчислялось в 125 *км*, т.е. пять переходов. Двигаясь энергично друг другу навстречу, русские армии могли у Бишофсбурга сомкнуться своими внутренними флангами на третий день. Своими наружными флангами они могли бы тогда начать захождение, дабы замкнуть германские силы в районе Алленштейна. Через три – четыре дня положение 8 армии могло стать критическим. Сосредоточение своих сил Гинденбург намечал именно в районе Алленштейн-Бишофсбург. Таким образом, германские войска могли быть в этом районе атакованы с фронта и тыла через три дня. Если бы Ренненкампф двинулся вперед на следующий же день после Гумбинненского сражения, эта угроза, в смысле уменьшения срока соединения флангов русских армий еще значительно усугубилась бы.

Итак, германское командование стояло перед колоссальными трудностями. Ясно, что, исходя из одного приведенного оперативного расчета, никакое сосредоточение против армии Самсонова было вообще невозможно; и тем не менее оно было осуществлено. Требовалась совершенно исключительная решимость, почти граничащая с авантюризмом, но авантюризмом, основанным на сознании своего превосходства и на необычайно сильной воле к победе, чтобы при подоб-

ном положении, уступая в силах, решиться на проведение активной операции.

Вспомним теперь ген. Притвица в бою под Гумбинненом: его положение было несравненно легче, ибо русские армии находились друг от друга на бóльшем расстоянии. Притвиц счел тогда положение 8 армии в Восточной Пруссии угрожающим и решил отходить за Вислу. Гинденбург и Людендорф, находясь в более трудных условиях, не допускали колебаний в принятии наступательного оперативного плана против 2 армии, и основным фактором, объясняющим их решение и действия, была моральная сила.

В своих воспоминаниях Людендорф рассказывает, что оперативный план наступления против армии Самсонова был создан в дни 24—26 (11—13) авг. И это именно так. Оперативный план командования 8 армии тем и отличается, что нельзя указать момента, часа и дня, когда он был бы создан, как таковой. Этот план был сплошной динамикой и эволюцией: в нем не было ни одного статического момента. Он был наилучшим образцом учения Мольтке «стратегия есть система подпорок». Далее мы увидим, что каждый новый оперативный фактор вызывал новое распоряжение германского командования. Тем не менее, краеугольные камни оперативного плана были заложены уже вечером 23 (10 авг.), но эти камни предопределяли лишь план, идущий не далее первого боевого столкновения. В разработке своего оперативного плана германское командование должно было исходить из некоторых частных факторов оперативной обстановки, к коим принадлежали:

1) Сосредоточение XX арм. к-са с самого начала на южной границе Вост. Пруссии.

2) Выделение Привислинскими крепостями сборных отрядов в район Страсбург-Лаутенбург и

3) Сосредоточение в этом же районе (Деутш-Эйлау) 1-го арм. к-са.

Группировка XX арм. к-са определяла его значение, как центра, сдерживающего наступление 2-й русской армии с фронта. Группа войск, сосредоточивавшаяся в районе Деутш-Эйлау-Лаутенбург, занимала фланговое положение по отношению к 2 рус. армии, левый фланг коей простирался не далее Сольдау.

Эти два фактора в основных чертах намечали весь остов оперативного плана.

Сдерживая наступление противника с фронта, XX корпус должен был сыграть роль того щита, под покровом которого остальные части 8 герм. армии совершали свою перегруппировку и, сосредоточившись в районе Деутш-Эйлау-Лаутенбург, могли нанести свой удар в левый фланг наступающей Наревской армии. Однако, задача XX корпуса за-

ключалась не только в пассивном сдерживании; он играл, вместе с тем, роль той руки, которая брала противника за горло и должна была, хотя бы своим отступлением, поставить его в такое положение, чтобы другая рука могла нанести наиболее ощутительный удар—это именно та роль, которую Фош в своих «Принципах войны» приписывает авангарду. Значение XX корпуса было в этом отношении велико.

Таким образом, эти частные оперативные факторы обусловливали остов плана, который вечером 23 (10) авг. в общих чертах созрел в уме германского командования.

В своих основах этот план заключался, таким образом, в решительном наступлении против Наревской армии и сдерживании наступления Ренненкампфа.

План атаки Наревской армии определялся в общих чертах в виде сдерживающего центра (XX корпус) и атакующего правого крыла (1 армейский корпус и сборные отряды). Наибольшее затруднение встречал этот план в использовании XVII арм. и I рез. корпусов. Возможность привлечения последних для совместной атаки Наревской армии зависела всецело от действий Ренненкампфа; в случае быстрого продвижения последнего эти корпуса неминуемо ввязались бы в бой на северном участке Вост.-Прусского театра военных действий; наоборот, медлительность Ренненкампфа могла дать возможность сосредоточить их к югу и привлечь к совместному наступлению против Самсонова. Так как днем 23 (10) авг. эта возможность была еще проблематична, то германское командование приняло принципиальное решение наносить главный удар из района Деутш-Эйлау-Лаутенбург в левый фланг наступающей армии Самсонова.

Необходимо отметить, что этот план существенно расходился с предположениями графа Мольтке в том отношении, что последний предлагал атаковать Наревскую армию по кратчайшему направлению на Бишофсбург, т. е. в ее правый фланг, исходя, очевидно, из соображений наименее длительной перегруппировки.

Этот расчет был бы, конечно, верен, если бы корпуса Самсонова успели достичь высоты Алленштейна; в этом случае, конечно, нельзя было бы думать о каких-либо перегруппировках; надо было действовать немедленно и по кратчайшему направлению, каким, действительно, являлось Бишофсбургское,—в правый фланг Наревской армии.

К 23 (10) авг. обстановка была, однако, несколько иной. Своим правым флангом Наревская армия достигла лишь Ортельсбурга, так что немедленная атака в этом направлении была невозможна. Между тем, головные эшелоны 1 арм. корпуса уже прибывали в Деутш-Эйлау; в районе Лаутенбурга успели сосредоточиться сборные отряды ген. Унгерн.

Левый же фланг армии Самсонова достиг к этому времени Сольдау. Таким образом, атака именно этого фланга совпадала с наикратчайшим направлением наступления и могла быть в сравнительно кратчайший срок осуществлена.

Но, главное,—армия Ренненкампфа достигла уже линии реки Ангерапп; она могла ее беспрепятственно форсировать ибо никаких арьергардов на ней оставлено не было. Проводя главный удар против правого фланга Наревской армии на Бишофсбург, германское командование ставило бы результат решения в наибольшую зависимость от действий Рененненкампфа. Малейшее продвижение последнего могло сорвать операцию и, более того, привести к окружению оперирующих в районе Бишофсбурга германских войск. Именно в целях обеспечения своему главному удару условий независимости от первой русской армии и предоставления ему наибольшей оперативной свободы—германское командование, пользуясь уже начавшимся сосредоточением своих войск в районе Деутш-Эйлау-Лаутенбург, переносит центр тяжести наступательной операции на правое, наиболее отдаленное от Ренненкампфа крыло, придавая наступлению XVII арм. и I рез. корпусов, все же привлеченных к атаке Наревской армии, второстепенное значение.

В случае дальнейшего продвижения Ренненкампфа, эти корпуса были бы, естественно, оставлены на севере, но тем самым наступление против Наревской армии не должно было прекратиться; хотя и значительно уступающими силами атака ее левого фланга должна была, а главное—могла и в этом наихудшем случае продолжаться.

Такой план германского командования был безусловно правилен.

Итак, принципиальное решение было принято уже вечером 23 (10) авг., и того же дня были отданы руководящие директивы для сосредоточения.

ГЛАВА VII.

Сосредоточение 8 герм. армии и первое боевое столкновение со 2 русск. армией.

(Чертеж № 5).

> „Чтобы достигнуть великой цели на войне, нужно отважиться и на великий риск".
>
> *Клаузевиц.*

Перегруппировка 8 германской армии для перехода в наступление против армии Самсонова состояла в следующем.

В районе Гильгенбург-Орлау сосредоточился XX арм. корпус, включивший в свой состав и 70 ландв. бригаду. К правому его флангу примкнул отряд ген. Унгерн. Уступом за левым флангом сосредоточилась подчиненная корпусу 3 рез. дивизия, которая, не успев принять участие в Гумбинненском сражении, была еще по распоряжению ген. Притвица 21 (8) авг. погружена в Ангербурге в эшелоны с назначением на Алленштейн, куда успела полностью прибыть 23(10) авг. Эта дивизия служила в это время единственным обеспечением левого фланга XX к—са и была тем более необходима, что правый фланг наступавшей Наревской армии был значительно отброшен к востоку, касаясь Ортельсбруга.

Эта группа войск должна была сыграть роль щита, первым принимавшего на себя удар противника, давая тем самым возможность, под своим прикрытием, сосредоточиться остальным частям 8 армии. Вместе с тем, в задачу этого щита входило также привлечение на себя всех сил противника, дабы, связав их своими боевыми действиями, сделать удар главной группы еще более решительным. От искусной и стойкой обороны XX арм. корпуса, которому в продолжение нескольких дней предстояла борьба с численно превосходившим его в несколько раз противником, зависела вся возможность сосредоточения и последующей атаки 8 армии.

Под защитой этого корпуса началось сосредоточение остальных частей армии. На правом крыле они, в сущности, исчерпывались одним 1-ым арм. корпусом. Его первые эшелоны уже выгружались в Деутш-Эйлау, но подвоз все же задерживался неблагоприятными условиями железнодорожного транспорта. Вместе с выделенной из Привислинских крепостей 5 ландв. бригадой ген. Мюльмана, сосредоточившейся в районе Страсбурга, этот корпус предназначался для нанесения решительного удара в левый фланг Наревской армии. Таким образом, сосредоточение правого крыла 8 германской армии было к 23(10) авг. уже в стадии исполнения.

Значительно труднее была эта перегруппировка на левом крыле, которое представлялось возможным составить лишь из частей XVII арм., 1 рез. корпусов, кав. дивизии и Кенигсбергской ландв. дивизии. Но эти части находились в непосредственной близости к армии Ренненкампфа; они успели оторваться от последней на расстояние лишь одного перехода и составляли против нее единственный заслон.

Армия Ренненкамфа наступала хотя и медленно, но верно. Своим правым флангом она вскоре уперлась бы в форты Кенигсбергской крепости, по направлению к которым и отступала Кенигсб. ландв. дивизия; но ее центр и левый фланг могли беспрепятственно продвигаться в зап. и юго-зап. направлениях.

Тем не менее, Гинденбург решился эти два корпуса повернуть на юг и, фланговым маршем мимо левого фланга первой русской армии, сосредоточить для удара по правому крылу армии Самсонова. Это был тяжелый и ответственный шаг, — когда поздно вечером 23(10) авг. новое командование подписало приказ о движении этих двух корпусов на юг. В известной обстановке этот шаг мог быть решающим для участи всей операции; в нем заключалась доля великого риска.

В 23 часа 23 (10) авг. XVII арм. и 1 рез. корпуса получили приказ выступить — первый на Бишофсбург и второй на Зеебург. 1 рез. корпусу была подчинена отходившая из Летцена 6 ландв. бригада. Маршруты корпусов пересекались, перекрещивание колонн было, однако, избегнуто. Под прикрытием 1 рез. к-са и 1 кав. дивизии XVII к-с должен был выступить фланговым маршем прямо на юг, и лишь после того, как он миновал высоту 1 рез. к-са, последний должен был выступить сначала в западном направлении и затем уже повернуть на юг на Зеебург. Прикрывая отход обоих корпусов, 1 кав. дивизия должна была отойти из района Гердауэн в Шиппенбейль, оставаясь здесь единственным заслоном против левого крыла армии Ренненкампфа и, значит, единственным обеспечением тыла XVII арм. и 1 рез. к-сов. (см. схему № 1).

Таким образом, в ночь на 24 (11) авг. фронт против Ренненкампфа был почти оголен. Против армии, имевшей к этому времени в своем составе 4 пех. к-са и 5 с ½ кав. дивизий, были оставлены: Кенигсбергская ландв. дивизия, занявшая фронт на реке Дейме от Куришской гавани до реки Прегель, и 1 кав. дивизия в районе Шиппенбейль. Из состава последней была в следующие дни еще выделена одна бригада, направленная на Зеебург, так что против армии Ренненкампфа здесь остались лишь две кав. бригады.

Вот все, что отныне обеспечивало со стороны Ренненкампфа 8 германскую армию, сосредоточивавшуюся против Самсонова в трех группах:

Первая группа — сдерживающий противника центр из усиленного XX арм. к—са; справа от него в районе Деутш-Эйлау-Страсбург вторая группа—ударное крыло из 1 арм.к-са и отр. ген. Мюльмана: наконец, третья группа из XVII арм. и 1 рез. корпусов только выступала на поле сражения. (См. черт. № 6). Три перехода оставалось ей до выхода на линию XX арм. к-са, а продвижение Ренненкампфа могло во всякое время заставить их снова повернуться фронтом на сев.-восток. Таким образом использование этой группы не могло быть предрешено и всецело зависело от обстановки. Между тем, задача 1 арм. к-са заключалась в атаке левого фланга

Наревской армии с целью ее обхода — «эта оперативная идея, — говорит ген. Франсуа — переданная мне лично ген. Гинденбургом вечером 23(10) авг.,—оставалась руководящей в действиях 1 арм. корпуса на всем протяжении операции».

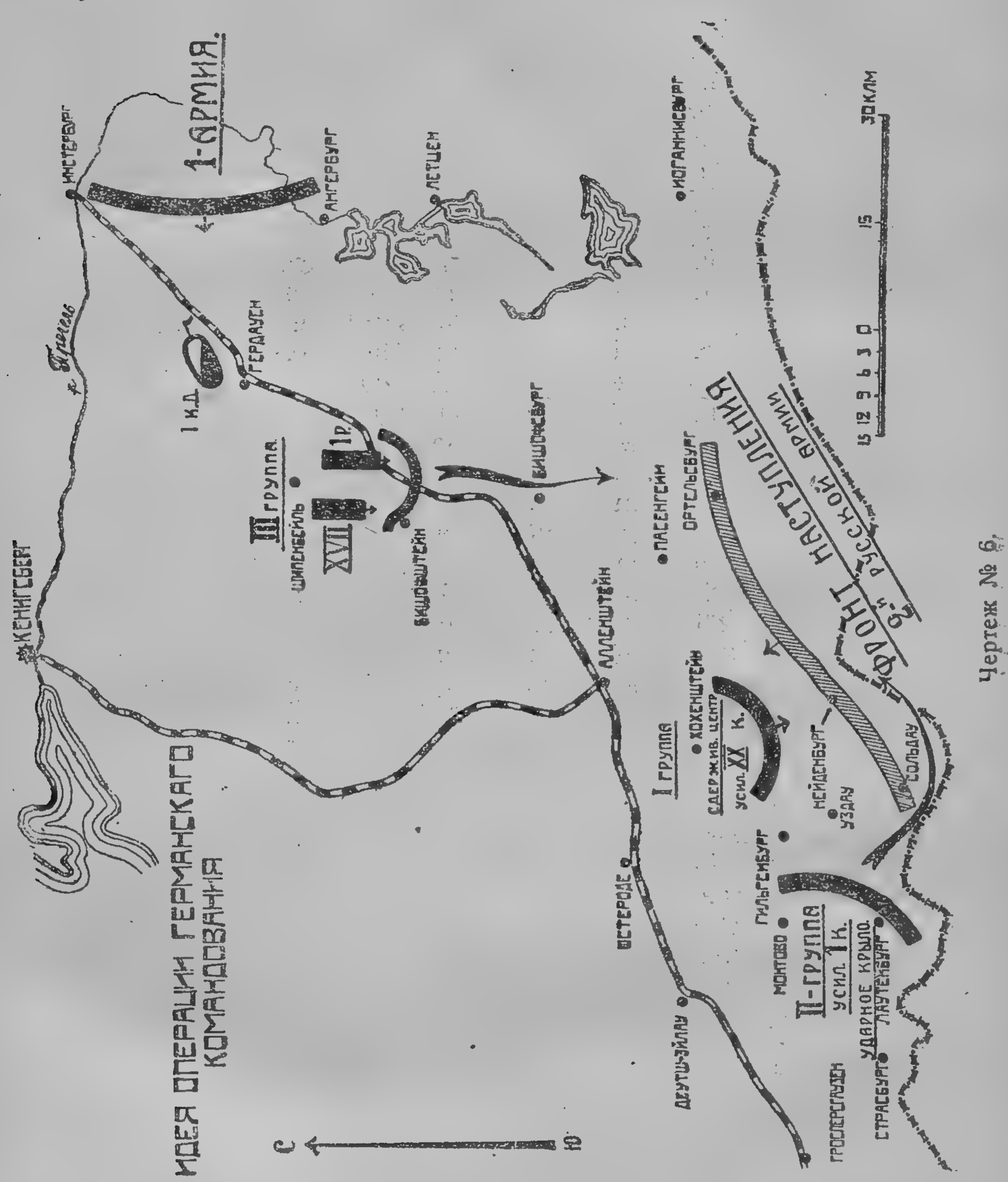
Отдав все распоряжения к вышеизложенному сосредоточению, Гинденбург поздно вочером 23(10) авг. доносил в главную квартиру: «принято решение сосредоточить армию 26(13) авг. к XX корпусу для охватывающего наступления».

Указанный в этом донесении срок обусловливался временем, необходимым для перевозки 1 арм. к-са и подхода XVII арм. и 1 рез. к-сов. Срок этот был минимальным и вынуждал войска последних двух корпусов к огромным переходам, особенно тяжелым вследствие утомления бойцов от напряжения в предыдущие дни. 1 кав. дивизия сделала например, в три дня с 19 по 21(6—8) авг. 190 *кил.* Между тем, и этот короткий срок сосредоточения ставил в весьма трудные условия XX арм. корпус, который вместе с отрядом Унгерна и 3 рез. дивизией должен был прикрыть фронт от Нейденбурга до озера Спирдинг протяжением в 100 *кил.*

Командир корпуса, ген. Шольц, оценивший сначала противника в три корпуса, предполагал было действовать наступательно; вскоре он, однако, отказался от этой мысли и занял своим корпусом оборонительное положение на линии Гильгенбург-Лана-Орлау, намереваясь здесь дать отпор наступавшему противнику. Необходимо отметить, что при этом положении левый фланг XX к-са был далеко не обеспечен и мог быть обойден со стороны Вилленберга.

Правда, в Алленштейне уже успела сосредоточиться 3 рез. девизия, но до выхода на линию XX к—са ей оставалось более 40 *км.* Правый фланг XX к—са был в этом отношении более обеспечен. В районе Лаутенбурга он охранялся отрядом Мюльмана, а в Деутш-Эйлау сосредоточивались войска I арм. корпуса. День и ночь сюда прибывали через каждые 25 мин. эшелон за эшелоном; их пускали вопреки установленным правилам железнодорожного движения. В продолжение 5-ти минут прибывшие войска должны были очищать поездной состав, дабы освободить путь для уже подъезжавшего следующего эшелона. Работа железнодорожного транспорта оказалась здесь отлично приспособленной к военной обстановке, к тому же столь напряженной. Прибывшие головные полки 1 арм. к-са — (1 и 3 грен.) были тотчас же направлены по указанию штаба армии в район Лебау, дабы, в случае необходимости, находиться ближе к XX к-су. Это распоряжение вызвало, между прочим, большое недовольство со стороны ген. Франсуа, желавшего для выполнения поставленной ему задачи иметь свой кор-

пус сосредоточенным в кулаке. Опасение Франсуа было, однако, напрасно, ибо Людендорф указал командиру XX корпуса, что на эти полки он ни в коем случае не может рас-

Чертеж № 6.

считывать, ибо они предназначались не для обороны, а для наступления.

Все это имело место уже 23 (10) авг., и тем не менее положение XX к-са оставалось тяжелым: до 26 (13) авг. он был предоставлен своим собственным силам; три дня он

должен был держаться против значительно превосходившего его противника. Между тем, именно в этот день 23 (10) авг. имело уже место первое боевое столкновение XX к-са с наступавшей Наревской армией.

В полдень 23 (10) авг. цеппелин, разведывавший направление Нейденбург—Млава, донес, что южнее Орлау он был встречен огнем русской пехоты, находившейся в крупных колоннах на марше к Нейденбургу. О подходе крупных сил противника сообщало также бежавшее с границы местное население. Действительно, на Нейденбург наступал XV русский корпус.

Таким образом, стало очевидно, что левому флангу XX корпуса,—именно его 37-й дивизии,—предстоит боевое столкновение. Под натиском передовых отрядов противника сторожевое охранение 37 дивизии в полдень отошло на выбранную оборонительную позицию на линии Лана—Орлау. В 14 ч. русские открыли артиллерийский огонь по всему фронту 37-й дивизии и в 15 ч. перешли в наступлени. Наиболее горячий бой завязался вдоль шоссе Нейденбург—Хохенштейн; с переменным успехом он продолжался здесь до 23 часов; в итоге германцы все же удержали свои позиции. Менее удачно обстояло дело для германцев на крайнем левом фланге XX к-са у Орлау. Позицию удалось удержать, но к вечеру 23 (10) авг. германцы увидели свой фланг обойденным крупными силами противника—это был XIII-й русский корпус. 3 рез. дивизия была еще слишком далеко, чтобы подоспеть на помощь, и потому ген. Шольц решил в ночь на 24 (11) авг. оттянуть свой левый фланг на Хохенштейн, освободив его от охвата. XX корпус именно не отошел всем фронтом на север, а совершил отступательное захождение левым флангом назад почти на 90° вокруг оси, коей являлся Гильгенбург. Тем самым корпус переменил направление своего фронта с южного на юго-восточное. Тактически такой маневр был весьма труден, в особенности для 37 дивизии, которой пришлось по внешней дуге пройти после боя наибольшее расстояние. С точки зрения всей обстановки, он был весьма целесообразен и искусно задуман. Отходя не на север, а на запад и выстраиваясь фронтом на юго-восток, XX корпус, во-первых, не отступал на армию Ренненкампфа, что было наиболее важно; тем самым он обеспечивал операции условия наибольшей оперативной свободы. Он занимал, далее, фланговое положение по отношению к фронту наступавшей на север Наревской армии и получал, таким образом, наравне с I корпусом возможность охвата ее левого фланга. Если бы Наревская армия продолжала наступать прямо на север, она неминуемо подставила бы свой левый фланг сильному противнику. Но если бы,—как это чаще бывает—отступающий XX корпус мог увлечь

за собою части Наревской армии (что в действительности и случилось), то последняя подставила бы свой правый фланг и тыл XVII армейскому и I резервному корпусам, спешно наступавшим с севера.

Этот искусный маневр XX корпуса—отход, связанный с переменой фронта, сыграл затем крупную роль в поражении армии Самсонова.

24 (11) авг. застает 8 германскую армию в начальной стадии ее сосредоточения для перехода в наступление. Оголяется фронт против Ренненкампфа. На правом крыле сосредоточивается ударная группа, к левому крылу подводятся XVII арм. и I рез к-са. Центр — усиленный XX корпус— только что выдержал бой с атаковавшим его противником у Лана—Орлау и, обойденный с востока, отошел своим левым флангом на Хохенштейн, выстраиваясь фронтом на юго-восток.

В то же время Наревская армия наступает; у Лана—Орлау она имела 23 (10) авг. успех. Но, чтобы уяснить себе обстановку на русской стороне, обратимся к ее освещению.

ГЛАВА VIII.

Наступление 2 русской армии генерала Самсонова

(чертеж № 5 и схема № 1).

„Теория учит также расчитывать на моральные факторы“.

Клаузевиц.

Гумбинненское сражение и отступление германских корпусов в ночь на 21/8 авг. дало повод русскому командованию заключить о полном отходе якобы разбитого противника к Висле. Первой армии это не помешало двое суток оставаться в бездействии. Ренненкмпф даже доносил: „разбив корпуса германцев, победоносно гоню... и т. д.“ Вторая же армия получила 21/8 авг. указания спешно наступать на север, дабы отрезать германцам пути отхода к Висле.

23/10 авг. застало Наревскую армию на пятом переходе от начала наступления с линии развертывания.

Согласно приказа глав-щего сев.-зап. фронтом Жилинского, 2 армия должна была наступать на фронт Руджаны—Пассенгейм и далее Растенбург—Зеебург „во фланг и тыл линии озер“.

Между тем, левофланговый первый арм. корпус был Самсоновым нацелен на Млаву—Сольдау, т. е. левый фланг второй армии значительно отклонился к западу. Это обстоятельство вызвало сразу недовольство Жилинского, считавшего, кроме того, продвижение 2 армии слишком медленным и вялым. 23/10 авг. в день боевого столкновения XV корпуса у Орлау Самсонов просил официально об изменении направления; он полагал более целесообразным наступать на фронт Алленштейн—Остероде, мотивируя это следующими соображениями:

1) „Движение на фронт Остеродэ—Алленштейн не уклоняет армии от поставленной ей задачи: отрезать противника от путей отступления к Висле. 2) Движение в этом направлении даже более обеспечивает возможность ее выполнения, т. к. выводит армию глубже в тыл противника. Вместе с тем это движение не может не отразиться не успехе действий I армии, т. к. угрожает тылу противника, находящегося против нее. 3) При направлении армии на фронт Растенбург—Зеебург (не менее трех переходов) противник, находящийся против I армии, может отойти раньше, нежели 2 армия успеет отрезать его от Вислы. При направлении на Остероде—Алленштейн 2 армия имеет более шансов обрушиться на него с тыла и фланга. 4) В случае необходимости движения впоследствии на запад в сердце Германии, это очень легко сделать с фронта Алленштейн—Остероде и очень трудно с фронта Растенбург—Зеебург. 5) При направлении на фронт Алленштейн—Остероде армия может базироваться на жел. дорогу от Млавы, что необходимо для правильной организации ее тыла“.

Генерал Жилинский с предложением Самсонова не согласился, хотя в основе его лежали весьма веские и субъективно правильные соображения. Если немцы действительно отступали к Висле, как это полагало русское командование, то ясно, что пути их отхода надо было перехватить западнее, иначе можно было промахнуться и ударить в пустое место.

Правда, перенесение направления наступления более к западу должно было увеличить срок соединения 1 и 2 армий. Но в данном случае это было уже не так важно, ибо основная задача заключалась, по мнению русского командования, в перехвате путей отхода германцев. Обе армии были достаточно сильны, чтобы иметь возможность вести самостоятельный бой, тем более, с отступающим и потерпевшим неудачу противником; а само их положение по отношению друг к другу таило в себе для 8 германской армии неминуемую катастрофу. Наоборот, отодвижение направления наступления 2 армии более на восток на фронт Растенбург—Зеебург как бы расправляло охватывающие

крылья русских армий, давая возможность немцам беспрепятственно уйти на запад. Наконец, рассуждая с германской стороны, перенесение направления наступления 2-й армии к западу поставило бы в более затруднительное положение сосредоточивавшееся в районе Деутш—Эйлау—Лаутенбург правое крыло Гинденбурга, которое, тем самым, лишилось бы преимущества своего флангового положения и могло быть потревожено еще до окончания своего сосредоточения.

Правда, в этом случае правый фланг 2 армии, естественно, отделялся от линии озер и становился под угрозу охвата со стороны направленных на юг XVII арм. и 1 рез. герм. корпусов.

Как бы то ни было, предложение Самсонова было отклонено; между тем, в действительности, его армия и без того касалась своим левым флангом меридиана Млавы, чем только увеличила фронт наступления.

Таким образом, вся операция 2 армии развивалась при крупном несогласии между командованиями фронта и армии.

Это не могло, конечно, создать устойчивого морального состояния высшего командования, основанного на взаимном понимании своей основной оперативной задачи. К тому же ген. Жилинский, очевидно, сам не остановился на определенном решении. Того же 23 (10) авг., только что отклонив предложение Самсонова, он сам изменил направление наступления 2 армии, приказав наступать на фронт Зенсбург—Алленштейн, т.-е., именно западнее, —однако, не настолько, насколько предлагал генерал Самсонов. Это приказание было, очевидно, компромиссом. Наконец, после успешного боя у Лана-Орлау, когда выяснилось, что XX герм. корпус отступил не прямо на север, а скорее на запад, генерал Жилинский разрешил, по вторичному предложению Самсонова, изменить направление наступления 2 армии на фронт Алленштейн-Остероде.

Таким образом, 2 армия меняла направления своего наступления в сущности три раза: первое направление, назначенное главкомом, было сразу изменено Самсоновым, который растянул свой фланг значительно западнее, чем это ему было указано. Второй раз оно было изменено 23 (10) авг. в несколько западном направлении и, наконец, в третий раз, после боя у Орлау, оно было нацелено на фронт Алленштейн-Остероде. Эти изменения направлений были, однако, чисто теоретичны [1]); они сводились лишь к изменению

---

[1]) Несогласие в направлениях между командармом и главкомом сыграло роковую роль—привело к растяжке фронта, ибо Жилинский обязал Самсонова направить VI корп. с 4 кав. див. на Зенсбург—Растенбург, в то же время I корпус был привязан к Сольдау распоряжением Верх. Глав-щего. *Прим. ред.*

разграничительных линий на карте под незначительным углом; по сути же в объективном положении дел ничего не изменялось. При переходе через границу 2 армия имела свой левый фланг у Сольдау; там он и оставался до своего отхода.

Изменить направление движения целого фронта армии далеко не легко; во всяком случае, одно изменение разграничительных линий на карте для этого далеко не достаточно.

Имело бы смысл наступать на фронт Алленштейн-Остероде по перпендикуляру наперерез прямо с юга и, тем самым, перехватить пролегавшую здесь коммуникацию по кратчайшему расстоянию. Но, находясь на линии Ортельсбург-Нейденбург, изменить направление своего наступления на фронт Алленштейн-Остероде—было заведомо бесцельно, ибо отныне наступление должно было вестись под углом и неминуемо запоздать с своевременным захватом коммуникации германцев, — не говоря уже о трудности тактической организации такого марша, требовавшего захождения всей армии своим правым плечом. Этот марш должен был, кроме того, привести к неминуемому отставанию право-флангового корпуса, коему предстояло пройти наибольшее расстояние, и, значит, к неравномерному вступлению корпусов в бой, как это и случилось с XIII-м корпусом.

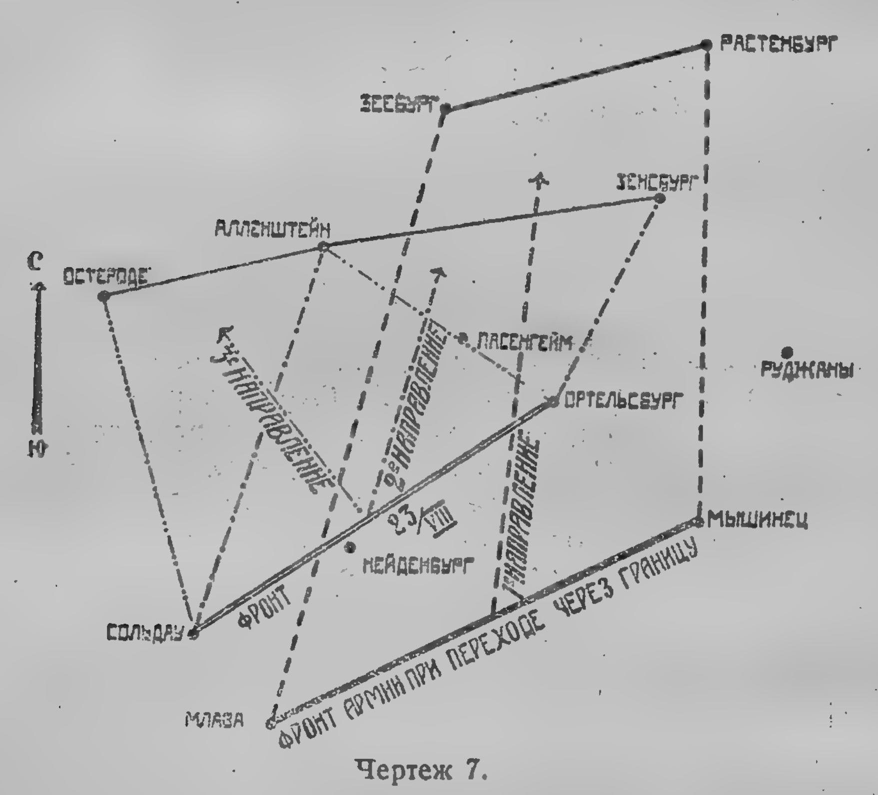
Первоначальное направление наступления армии имеет чрезвычайно важное значение; его редко удается изменить; но когда такое изменение и возможно, оно должно, во всяком случае, осуществляться на значительном расстоянии от объекта действий, иначе оно все равно не достигает цели.

Чертеж № 7 показывает всю практическую бесцельность изменения операционных направлений 2 армии и их полное несоответствие тем фронтам, которые она занимала в данное время.

Итак, не сказавшись реально на действительном изменении операционного направления 2 армии, последнее направление ее наступления имело все же своим последствием оторванность, примерно, на два перехода правофлангового VI корпуса, имевшего задачу наступать от Ортельсбурга на Бишофсбург. В этом факте не таилось, в сущности, ничего отрицательного: VI корпус имел ответственную задачу обеспечения правого фланга 2 армии, который, как мы уже знаем, был действительно угрожаем. Таким образом, оставление VI корпуса на путях к Бишофсбургу оправдывалось действительной обстановкой. Другое дело, что эта обстановка была ген. Самсонову совершенно не ясна и оставление им VI корпуса на путях к Бишофсбургу имело в своей основе, скорее, вошедшее в систему обеспечение фланга вообще при всякой обстановке.

Итак, 2 армия, имея вполне определенную и ясно поставленную задачу, не имела, однако, определенного конкретного плана ее выполнения.

Все ее действия, частные направления ее корпусов, линия ее фронта, наконец, изменения направлений ее наступления — все это говорило о какой-то неопределенности и неясности тех средств, коими может и должна быть выполнена поставленная оперативная задача. Отсутствие взаимного понимания между высшим командованием усматривалось здесь вполне отчетливо и не обеспечивало нормальных условий для проведения операций. Но оно шло гораздо дальше и граничило с явной неприязненностью отношений между Жилинским и Самсоновым.

Чертеж 7.

Достаточно привести несколько выдержек из телеграмм:

„Возможно энергичнее развейте операцию“. „Ранее обращал ваше внимание и ныне крайне не одобряю растянутое положение фронта и разброску ваших корпусов вопреки данной вам директиве“. „Данную вами диспозицию признаю крайне нерешительной и требую немедленных и решительных действий“. „Наступление армии шло вообще значительно медленнее, чем я предполагал“. Все это сви-

детельствует о напряженности существовавших отношений. Последние же говорят, в сущности, о том, что либо высшее командование совершенно не сговорилось о конкретном плане проводимой операции, либо ген. Самсонов явно не соответствовал своему назначению, — но тогда надо было прибегнуть к радикальной мере и отозвать его.

Мольтке воздержался от хотя бы одного, упрека или выражения своего неудовольствия по адресу ген. Притвица; но увидя, что последний действует несоответственно взглядам главной квартиры, его отозвал. Жилинский на такой шаг не решился; вместо этого обращался с Самсоновым так, как это не подобает по отношению к генералу и командующему армией.

Какую глубокую разницу усматриваем мы здесь в германском и русском институтах отношений между лицами высшего командования!

Вполне естественно, что моральное состояние ген. Самсонова должно было быть весьма напряженным и нервным, что впоследствии сыграло, очевидно, немалую роль в его трагической гибели.

Жилинский и Самсонов мысленно взваливали друг на друга вину за какую-то невязку в операции. Трудно, в сущности, указать, в чем эта невязка заключалась. Задача была поставлена, армия наступала. 23 (10) авг. она имела даже успех в бою у Орлау—и тем не менее во всей сознательной ее части ощущалась какая-то неопределенность и неуверенность, – это передают сами участники операции.

Причина такого морального состояния заключалась в отсутствии у всего командного состава отчетливого плана действий, ясно поставленных ближайших задач, которые, очевидно, не получили своего точного оформления и в представлениях Жилинского и Самсонова.

Чем глубже продвигалась 2 армия в Вост. Пруссию, чем чаще менялись ее направления, тем более выявлялось это отсутствие представления о своей ближайшей задаче, внедряя в сознание зачатки неуверенности и деморализации.

Весьма характерной является в этом отношении присланная на имя начальника штаба 2 армии 23 (10) авг. телеграмма начальника 6 кав. дивизии. Эта телеграмма гласила:

— „Первой директивой дивизии дана задача восточнее линии Млава-Гильгенбург; второй и третьей—западнее этой линии. Только что полученной телеграммой 6302 снова район изменен восточнее. Для выполнения директивы пришлось отказаться итти севернее Сольдау и, не успев собрать разведывательных эскадронов, перешел Грушки, где теряю время на устройство переправы. Выполнение новой задачи, изменяющей третий раз район действий, будет задержано отозванием уже высланной разведки Лаутенбург-Лоебау".

Необходимо отметить, что первая директива, о которой говорится в телеграмме, была отдана 16 (3) авг., вторая 20 (7), третья 21 (18), а телеграмма 6302—22 (9) авг.

Приведенная телеграмма начальника 6 кав. дивизии дает богатый материал для суждения о всей обстановке, в коей проводилась операция 2 армии. Это есть в сущности обстановка оперативного хаоса.

Еще до начала боевых столкновений штаб армии три раза меняет направление кавалерийской дивизии; ясно, что в штабе не уточнили и не осознали своей задачи; тем менее может ее осознать начальник кав. дивизии.

Наоборот, эти, друг другу противоречащие, директивы сбивают с толку, лишают возможности понять, чего же хочет командование армии; заставляют терять уверенность в своем начальнике, а следовательно, сомневаться и в самом себе — такова неразрывная цепь эволюции и психики, приводящая к деморализации.

Не во всех частях неуверенность в своей задаче вылилась в подобные телеграммы, но обстановка была одинакова во всей армии. Если командование последней не уяснило себе задачи для 6 кавалерийской дивизии, то это было верно и для всех остальных частей. Это наилучшим образом иллюстрирует директива № 3, приказывавшая корпусам (XVи I), —„приступить к подготовке операции для овладения районами Нейденбург-Сольдау"—и это в то время, когда корпуса непосредственно приблизились к объектам, коими надо было овладеть. Такая редакция директивы говорила, конечно, о чрезвычайной нерешительности и не могла не оказать соответствующего влияния на моральное состояние получивших ее командиров.

Отсутствие моральной бодрости господствовало в армии Самсонова с первых же дней ее вступления в Вост. Пруссию.

Один из участников операции пишет: „На 7-й день марша боевой подъем сменился усталостью, обозы отстали, хлеба нет; кормимся местными средствами. Начинается нервность и раздаются вопросы: куда идем в глубь лесов и почему не видим противника".

По мере дальнейшего продвижения это моральное состояние сменилось сначала неуверенностью в своей задаче, затем растерянностью и, наконец, подавленностью: — дальнейшая ступень есть уже деморализация. Зачатки ее обнаружились уже 23 (10) авг., когда 2 дивизия XXIII к-са, наступавшая слева от ввязавшегося в бой у Орлау XV корпуса, по просьбе последнего, развертывалась на линии Ковнаткен-Тальгейм; под влиянием крика «кавалерия» в дивизии произошла паника; пехота начала стрелять друг в друга, при чем оказалось 10 убитых, 60 раненых и много испорченных повозок.

Вся обстановка наступления способствовала быстрому моральному разложению войск.

Чрезвычайная нервность командования явилась, в значительной мере, следствием неудовлетворительной постановки разведки. Конница, имевшаяся в достаточном количестве, не была подготовлена к несению разведывательной службы, и войска остались без всяких сведений о противнике.

В штабах корпусов и дивизий царила полная неосведомленность не только о том, что делается впереди, но и о том, что происходит у соседей. Об общем положении на фронте не знал ни один из корпусных командиров. Армейское командование сообщало лишь цели дневных переходов соседей; все остальное, а главным образом, задача Ренненкампфа и местонахождение его армии, держалось почему-то в секрете, очевидно, по причине чрезвычайной неопытности штабных офицеров в службе генерального штаба.

Вследствие негодной организации связи, дневные приказы прибывали в штабы корпусов, а тем более в самые части, чрезвычайно поздно. Часто войска узнавали задачу своего дневного перехода только к 10 часам; выступали не ранее полудня и потому лишь с наступлением позднего вечера достигали—по плохим песчаным дорогам—места ночлега. Организация технической связи оставляла желать много лучшего. Телефонный кабель и аппараты имелись в очень ограниченном количестве. А радиосвязь использовалась неумело и без кода, благодаря чему германские радио перехватывали многие русские передачи оперативного характера. Известно, что они перехватили директиву Самсонова на 25 (12) авг.

Наконец, тыл совершенно не был организован: армия оторвалась на значительное расстояние от железной дороги, а колесный подвоз отсутствовал. Уже при переходе через границу явилась необходимость прибегнуть к неприкосновенным запасам. Между тем, в Вост. Пруссии не было никаких местных средств продовольствия. Все эти условия в значительной мере отягощали моральное состояние войск, естественно, вызывая упадок их сил.

Генерал Самсонов это понимал и еще 22 (9) авг. телеграфировал Жилинскому:

«Необходимо организовать тыл, который до настоящего времени организации еще не получил. Страна опустошена; лошади давно без овса, хлеба нет. Подвоз из Остроленка невозможен». (Архив. Дело 2 армии № 13, 129).

Корпусам же 23 (10) авг. было приказано: «при исполнении операции войскам довольствоваться преимущественно местными средствами», из чего можно судить о том, что какая-либо организация питания и подвоза полностью отсутствовала.

Психология массы — трудно постижимая вещь. Впечатление минутно выявившейся растерянности командира или где-либо обнаружившейся неорганизованности военного аппарата — словно электрический ток распространяется по войсковой колонне, оставляя в рядах свой тяжелый, трудно изгладимый отпечаток. А таких впечатлений было в колоннах Самсоновских корпусов слишком много.

Итак, в то время, когда в настроении 8-й германской армии происходил резкий перелом в сторону укрепления в ней воли к победе, в русской армии медленно распространялось настроение моральной неуверенности, таившее в себе зачатки деморализации.

Все это произошло еще раньше завязки решительных боев, в которые корпуса 2-й армии вступили уже надломленными, хотя они до сих пор не имели ни одного даже незначительного неуспеха. Наоборот, первое боевое столкновение XV корпуса с XX германским кончилось отходом последнего. Этот незначительный боевой эпизод, стоивший, XV корпусу 50 офицеров и 2500 солдат, был русским командованием переоценен и истолкован, как крупный успех. Жилинский прислал даже Самсонову поздравительную телеграмму.

Способность приходить в восторг от незначительных успехов, не утруждая себя объективной здравой оценкой событий, и затем так же быстро падать духом, лишь только положение становилось более серьезным — эта моральная неустойчивость и неспособность к объективной оценке были неизменно присущи русскому командованию.

Очевидно, удовлетворившись достигнутым успехом, 2 армия после боя у Орлау — Франкенау значительно замедляет темп своего наступления. К вечеру 24 (11) авг. она достигла лишь линии Рильбен—Гайслинген (VI кор.) Едвабно — Омулеофен (XIII кор.), Орлау — Франкенау — Михалькен (XV кор.), Скоттау — Липпау XXIII кор.) и Уздау (1 кор.). В тот же день 3 гв. дивизия прибыла в Млаву. Что же касается конницы, то на правом фланге 4 дивизия заняла 24 (11) августа Зенсбург, а на левом фланге 6 кав. дивизия овладела районом Уздау—Гардинен и 15 кав. дивизия районом Зелюнь. Пехотные корпуса заняли указанную линию без сопротивления со стороны противника. К вечеру 25 (12) авг. корпуса армии находились на линии: Бишофсбург (VI кор.), Куркен (XIII кор.), Орлау—Франкенау (XV кор.), Уздау (I кор.). (Схема № 1).

Таким образом, в течение двух суток центр армии топтался, в сущности, на месте: XIII кор. сделал, например, лишь 10—15 *км*, а XV и XXIII и того меньше.

Как Ренненкампф остановился на двое суток после сражения у Гумбиннена, так и Самсонов остановился на

те же двое суток после боя у Орлау. Какое-то „фатальное“ совпадение, которое может дать повод к заключению, что у русского командования вошло в систему отказываться от преследования и оставаться на поле сражения, довольствуясь достигнутым успехом. Центральные корпуса, таким образом, двое суток бездействовали; тем не менее, от них поступали жалобы на утомление и просьбы разрешить дневку; последние вызывались, однако, скорее отсутствием подвоза и полным истощением возимых при войсках запасов.

БЕЗИДЕЙНЫЙ ПЛАН ОПЕРАЦИИ 1^А^ И 2^А^ РУССК. АРМИЙ, КАК ОН ОСУЩЕСТВЛЯЛСЯ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.
(1^А^ АРМИЯ ИЗБРАЛА СВОИМ ОПЕРАЦИОННЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ ГУМБИННЕН-КЕНИГСБЕРГ, 2^А^ СОВЕРШАЛА ЗАХОЖДЕНИЕ ПРАВЫМ ПЛЕЧОМ.)

Чертеж 8.

Между тем, в эти дни 24 (11) авг. ген. Самсонов получает первые сведения о сосредоточении германских войск в районе Гильгенбург—Лаутенбург. Нельзя было не уяснить себе всего значения этого фактора для обеспеченности левого фланга армии. Если полученные сведения не давали еще повода заключать о серьезной угрозе обхода последнего, то они, во всяком случае, предопределяли охватывающее положение обнаруженной группировки противника по отношению ко всему фронту наступления Наревской армии; значение этого для дальнейшего сохранения последней своей оперативной свободы было, конечно, чрезвычайно велико.

Самсонов это понял и поручил 24 (11) авг. 1 армейскому корпусу взять на себя обеспечение левого фланга

армии, оставаясь в районе Сольдау. Это решение было принято Самсоновым, очевидно, под влиянием полученной им 23 (10) авг. от Жилинского телеграммы, которая гласила:

«Германские войска после тяжелых боев, окончившихся победой над ними армии Ренненкампфа, поспешно отступают, взрывая за собой мосты. Перед вами, повидимому, противник оставил лишь незначительные силы. Поэтому, оставив 1 корпус в Сольдау и обеспечив левый фланг

ЦЕЛЕСООБРАЗНЫЙ ПЛАН ОПЕРАЦИИ 1-й и 2-й РУС. АРМ.
{1-я АРМИЯ ЗАХОДИТ ПРАВЫМ ПЛЕЧОМ, 2-я — ЛЕВЫМ ПЛЕЧ.}

Чертеж 9.

надлежащим уступом (курсив наш), всеми остальными корпусами энергично наступайте на фронт Зенсбург—Алленштейн, который предписываю занять не позже 12 (25) августа. Движение ваше имеет целью наступление навстречу противнику, отступающему перед армией генерала Ренненкампфа с задачей пресечь немцам отход к Висле № 3004» (Архив. Дело № 13, 123).

С оставлением 1 корп. в Сольдау стратегическое положение можно было уже сейчас признать, по меньшей мере, неудобным.

Вся линия фронта наступления принимала форму выпуклой дуги, при чем эта последняя должна была в дальнейшем еще больше изгибаться к северу. 1 корпус получил оборонительную задачу и должен был оставаться на месте; между тем, центральные корпуса продолжали наступление в северном и северо-западном направлениях. Таким образом, фронт наступления оставался своим левым флангом на месте, а центром продолжал выдаваться, совершая захождение правым плечом. Наступавший на правом фланге центра XIII корпус должен был при подобных условиях оторваться от соседа справа—VI корпуса и, описывая своим движением наибольшую дугу, висеть правым флангом в воздухе—как это в действительности и случилось.

Получалось какое-то нескладное построение всей линии фронта; опасность, которая в нем таилась, заключалась в том, что малейший неуспех на флангах должен был поставить 2 армию сразу в критическое положение, грозя ей обходом и окружением. Центр армии, наступавший на фронт Хохенштейн—Алленштейн, отрывался от своих фланговых корпусов и оказывался, в случае неустойки последних и занятия Ортельсбурга и Нейденбурга, под серьезной угрозой перехвата всех коммуникаций на юг.

Угроза окружения 2 армии таилась в ее положении уже с 25 (12 авг.).

Единственная возможность исправить это положение и выравнять линию фронта заключалась в обеспечении левого фланга не обороной на месте, а решительным наступлением на фронт Гильгенбург-Лаутенбург, дабы продвигать свой левый фланг, наравне с центральными корпусами [1]).

Более того, весь центр тяжести операции надо было отныне перенести на левый фланг, что вполне позволяли усиленный состав 1 арм. корпуса и действовавшие слева от него две кавалерийские дивизии. Если бы такой план был принят, в положение охватывающего стали бы не германцы, а русские; вместе с тем было бы и расстроено сосредоточение правого крыла армии Гинденбурга.

С 24 (11) авг. весь стратегический смысл операций Самсонова становится совершенно непонятным и по меньшей мере несообразным.

2-я армия должна была перехватить пути якобы отступавших на запад германцев; она должна была, очевидно, далее отбросить их на север, и, по возможности, на северо-восток на войска Ренненкампфа и таким образом окружить и уничтожить. Необходимо было захождение 2 армии левым

---

[1]) 1 арм. корпус был придан 2 армии для обеспечения операции со стороны Торна, при чем Верх. Глав. не разрешил выдвигать его далее Сольдау. Последовавшее 21 (8) авг. разрешение выдвигать его и далее этого пункта до Самсонова не дошло. *Прим. ред.*

плечом, дабы совместно с захождением армии Ренненкампфа правым плечом привести к окружению противника,—между тем Самсонов совершал почему-то захождение правым плечом, тем самым, отбрасывая германцев от армии Ренненкампфа на запад, помогая им, в сущности, выбраться из тяжелого стратегического положения. (см. чертежи №№ 8 и 9).

Такое наступление 2 армии было стратегически совершенно непонятно и таило в себе грозные возможности. Что же касается войск, выполнявших этот маневр, то как раз в то время, когда они приближались к противнику, должны были вот-вот с ним ввязаться в серьезные бои и, значит, сохранить максимум энергии—их физические и моральные силы оказывались на самом деле как будто на исходе.

Грозный призрак поражения встал перед армией Самсонова еще до начала решительных боевых столкновений.

ГЛАВА IX.

Перед началом германского наступления.

(24 (11) и 25 (12) августа).

(Схема № 1).

> „Если кто-либо ищет скорого решения и стремится к уничтожающей битве, тот должен развивать операцию на фланге и еще лучше на обоих флангах".
>
> *Шлиффен.*

Бездействие Самсонова после боя 23 (10) авг. у Орлау—Франкенау в значительной степени облегчило сосредоточение 8 герм. армии для перехода в наступление.

Тем не менее, положение на германской стороне оставалось напряженным. Был дорог каждый час. Армия Ренненкампфа, словно туча, готовая разразиться грозой во всякую минуту, висела на востоке. «Никто не знал, с какой тревогой в душе я в эти дни смотрел на Неманскую армию»,—рассказывает в своих воспоминаниях Людендорф. Между тем, сосредоточение протекало далеко не гладко: задерживался подвоз 1 арм. корпуса по железной дороге, XVII арм. и 1 рез. корпусам предстояли еще огромные марши.

Однако, решение было принято и проводилось в жизнь.

24 (11) авг. 1 арм. корпус продолжал свое сосредоточение в Деутш-Эйлау, 5 ландв. бригада ген. Мюльмана находилась в районе Страссбурга; на следующий день она должна была начать продвижение на Лаутенбург. XX корпус, отошедший на линию Гильгенбург—Хохенштейн, устраивался на новой позиции. Г. Шольц ожидал дальнейшего наступления противника, но таковое не обнаруживалось; это дало ему возможность тщательно оборудовать новую позицию и удлинить свой угрожаемый левый фланг войсками ген. Унгерн (6 эрз.-батал., 1 эск. и 4 батареи) и 70 ландв. бригадой. Эти части расположились на уступной фланговой позиции у Мюлена фронтом также на восток. Наконец, уступом слева от этой оборонительной позиции сосредоточивалась в районе Райхенау 3 рез. дивизия ген. Моргена, предназначенная уже для проведения наступательной операции. Таким образом, центр германской армии,—тот щит, который первым принимал на себя удар Самсоновских корпусов и должен был связать их боевыми действиями,—упрочил свое положение и усилился численно. Он, правда, открывал 2 армии как будто свободный доступ в северном направлении, но фланговое по отношению к последнему положение имело несравненно большие выгоды для ликвидации такого движения русских. Тем не менее, еще в продолжение двух дней этому корпусу предстояла трудная боевая задача; он должен был быть готовым сдерживать наступление превосходящих его сил противника. На левом же крыле 1 рез. и XVII арм. корпуса усиленными маршами наступали на юг, первый на Шипенбейль, второй на Фридланд.

Такова была оперативная обстановка на фронте 8 герм. армии 24 (11) августа; в боевом отношении это был день затишья, но затишья перед грозой, тучи которой уже собирались.

24 (11) авг. мы встречаем Гинденбурга и Людендорфа в Танненберге в штабе XX корпуса, куда командование армии прибыло, дабы иметь личное общение с частью, уже выдержавшей бой с противником. На пути к Танненбергу Людендорфу была вручена перехваченная радио-телеграмма штаба 2 русской армии. Радиограмма была не зашифрована и содержала сведения колоссальной важности; она, в сущности, раскрывала все наступление 2 армии и содержала указания войскам на ближайшие дни. Перед германским командованием раскрылась теперь вся обстановка и с глаз его спала та завеса, которую во всякой операции создают скудные и неясные сведения о противной стороне. Особенно важное значение приобретали в радио-телеграмме сведения о фланговых корпусах Наревской армии,—VI и I,— в особенности о последнем, которому ставилась задача по обеспечению левого фланга армии на высотах у Уздау.

Полученные сведения вызвали тотчас же соответствующие оперативные распоряжения Гинденбурга. 1 рез. к-су было после полудня 24 (11) авг. приказано атаковать наступающий от Ортельсбурга на Бишофсбург VI русск. корпус, где бы он ни находился. Одновременно XVII арм. корпусу было указано, что в этой операции рассчитывается на его энергичное содействие, при чем это последнее не освобождает его, однако, от наблюдения совместно с 1 кав. дивизией за левым флангом Ренненкампфа. Эта задача была весьма трудной и, в сущности, неопределенной; она требовала действия нв две различные стороны—на север против Ренненкампфа и на юг против VI рус. к-са; с точки зрения теории тактики, она, пожалуй, не выдерживает критики. Но в том-то и дело, что война не знает чистой теории; так было безусловно нужно и так должно было быть выполнено. Макензен принадлежал к числу тех командиров, которые это прекрасно понимали. 1 рез. корпусу было приказано наступать навстречу противнику не по кратчайшему пути, который вел через Бишофштейн, а обходным путем через Зеебург: это было сделано с целью выиграть у VI русск. корпуса фланг и, кроме того, иметь возможность базироваться на Гутштадт и, тем самым, не зависеть от северных железных дорог, находившихся уже под угрозой конницы Ренненкампфа.

Таким образом, левофланговые корпуса 8 армии получили уже вечером 24 (11) авг. вполне определенное назначение, ставившее, правда, пока лишь ближайшую боевую задачу. Что должны были делать эти корпуса по завершении последней, указано не было, да и не могло быть—это всецело зависело от обстановки. Во всяком случае, уже в этот момент—вечером 24 (11) авг.—у Людендорфа возникла мысль, что если этим корпусам удастся разбить VI русск. корпус и двинуться далее на юг на Ортельсбург—Виленберг, то они, в случае удачного наступления 1 арм. корпуса на Узлау—Нейденбург, могут привести к полному окружению армии Самсонова. А пока что—эти корпуса получили определенный боевой стимул, столь необходимый всякой наступающей части; они знали, куда они должны итти и зачем итти, знали и то, что итти нужно очень спешно.

Переходы этих корпусов были весьма тяжелы. Чтобы избегнуть перекрещивания с двигавшимися с востока на запад беженцами из местного населения, ген. Белов (комкор 1 рез.) приказал своим дивизиям следовать по проселочным дорогам, где движение было меньше. XVII корпус следовал за 1 рез. на удалении одного перехода и совершал трудный фланговый марш мимо левого крыла Ренненкампфа на расстоянии не более 2-х переходов от последнего; он мог всегда ожидать атаки неприятельской конницы. Привалы и ночлеги были весьма коротки. Лишь высокая выучка войск и пра-

вильная тактическая организация марша позволяли совершать такие переходы. Заметим, что местность, через которую проходили войска, словно вымерла; она была сплошь оставлена населением, что тягостно действовало на войска, молча проходившие через еще так недавно цветущие селения. Однако, это настроение было далеко отлично от того, которое теми же войсками владело в памятную ночь на 21 (8) авг., когда ген. Притвиц отдал приказ об общем отходе. Моральный кризис был пережит. Войска чувствовали и знали, что они не отступают, а идут в бой; и это сознание сильной над собой воли, которая отступление превратила ныне в наступление, безусловно укрепляло их моральное настроение.

К вечеру 25 (12) авг. 1 рез. корпус достиг уже Зеебурга; к южной конечности Лаутернского озера прибыла также подчиненная ему 6 ландв. бригада из Летцена. Корпус был готов к бою с двигавшимся ему навстречу противником и вошел в связь с XVII корпусом относительно совместных действий. Ген. Макензен дал свое полное согласие и, дабы поспеть в бой, прошел со своим корпусом в один день 50 *км*, достигнув к вечеру 25 (12) авг. Бишофштейна.

В германском государственном архиве мы находим интересную заметку о состоявшемся после полудня 25 (12) авг. разговоре по прямому проводу между штабом армии и командованием XVII к-са; сохранившийся разговор, неизвестно кем переданный из штаба армии, гласит: „Завтра противник достигает своим левым крылом Норденбурга (здесь речь идет о левом крыле Ренненкампфа), его конницу следует ожидать еще западнее. Один корпус противника занял Бишофсбург. XVII и I резервный корпуса его атакуют; весьма важно их тесное взаимодействие. Одна кавалерийская дивизия противника у Зенсбурга. Летцен, форт Бойен без перемен" [1]. В этом разговоре уже не упоминается о задаче XVII к-са по наблюдению за Ренненкампфом. Между тем, для этого Макензен выделил сначала одну пехотную дивизию; 25 (12) он, однако совершенно оголяет фронт перед левым крылом Ренненкампфа. С полным сознанием германское командование решается на этот ответственный оперативный шаг. Таким образом, левое крыло, несмотря на серьезность положения, 25 (12) августа находилось в стадии своего энергичного наступления на юг.

Тактически труднее обстояло дело на правом крыле и, главным образом, потому, что сосредоточение происходило здесь в непосредственной близости к противнику и могло быть всегда потревожено ранее своего окончания. 24 (11) авгу-

---

[1]) Archivrat v. Schaefer „Zur Schlacht bei Tannenberg".
Тоже у Delbrück „Zur Schlacht bei Tannenberg".

ста конкретный план наступления на правом крыле не получил еще никакого разрешения. Вечером этого дня Гинденбург мог только донести в главную квартиру: „Решил удерживать позицию XX корпуса, ибо отступление равносильно поражению. Сосредоточение I арм. корпуса задерживается. I рез. и XVII арм. корпуса сосредоточиваются к левому крылу. Настроение решительное, хотя наихудший исход не исключен“. Это живое, полное сознания ответственности, слово командующего армией содержало мало оптимистичного, за исключением, очевидно, сильной воли довести операцию до конца.

Дабы принять определенное решение относительно наступления своего правого крыла, Гинденбург и Людендорф прибыли утром 25 (12) авг. из Танненберга в Монтово, где был расположен штаб I арм. к-са. Здесь обстановка была такова: корпус целиком еще не успел прибыть; его перевозка совершалась вообще в тяжелых условиях. Начавшись 22(9) авг. она протекала под давлением обстановки на фронте армии ген. Ренненкампфа.

Первоначальные пункты погрузки Инстербург, Тапиау и Велау оказались в течение 23 (10)—24 (11) авг. уже под угрозой передовых частей 1-й русской армии, почему к 25(12)-му августа вся погрузка была перенесена в Кенигсберг. Части корпуса спешно сосредоточивались сюда походом, при чем часть из них, правда незначительная (два батальона пехоты), была из Тапиау перевезена в Кенигсберг по р. Прегель на семи частных пароходах.

Остатки I-го корпуса 25 (12) августа грузились еще в Кенигсберге и могли полностью свою отправку из этого пункта закончить лишь на следующий день. К тому же отсутствие достаточного количества порожняка и загруженность железнодорожных линий и узлов эшелонами многочисленных беженцев несомненно затрудняли правильное движение.

Все это требовало исключительно энергичной работы железнодорожной администрации и кенигсбергской железнодорожной комендатуры.

Воинские эшелоны следовали по двум направлениям: на Мариенбург-Деутш-Эйлау и Коббельбуде (южнее Кенигсберга) — Вормдит-Морунген-Остероде. На последней одноколейной ветке было приостановлено всякое другое движение, причем эшелоны двигались лишь в одном направлении, проходя без остановки все разъездные станции.

Не взирая на технические требования железнодорожного транспорта, скорость движения эшелонов на обоих направлениях была доведена до 40 километров в час, а пропускная способность основной магистрали Кенигсберг-Ма-

риенбург должна была быть доведена до 60 пар поездов в сутки, чего, правда, в действительности достигнуто не было.

Нижеследующие таблицы характеризуют перевозку I-го корпуса:

1. Направление Кенигсберг-Мариенбург-Д. Эйлау. Проследовало через Мариенбург:

Число и месяц	Часы	Количество эшелонов
23 августа	0,30—8,30	8
„	8,30—16,30	1
„	16,30—24,00	6
24 августа	0,30—8,30	12
„	8,30—16,30	11
„	16,30—24,00	12
25 августа	0,30— 8,30	9
„	8,30—16,30	10
„	16,30—24,00	9
28 августа	0,30— 8,30	3
„	8,30—16,30	12
	Итого	93

2. Направление Кенигсберг-Коббелбуде-Морунген-Остероде.

Число и месяц	Проследовало через морунген Часы	Количество эшелонов
До 25 августа	16,30	3
25 августа	16,30—24,00	12
26 августа	0,30 — 8,30	13
„	8,30—16,30	11
	Итого	39

К 25 (12) августа из артиллерии корпуса успели прибыть лишь 6 легких батарей, т.-е. только половина; тяжелая артиллерия, артиллерийские парки, обозы и корпусная конница находились еще в пути.

Для ускорения сосредоточения корпуса принимались исключительные меры, в виде перенесения пунктов выгрузки в Монтово и Рибно—станции, находившиеся от линии передовых частей противника на расстоянии не более 5—6 километров.

В остальном обстановка не внушала особых опасений, ибо подчиненная ген. Франсуа 5 ландв. бригада заняла 25 (12) авг. после небольшого боя Лаутенбург и вышла таким образом, на одну высоту с батальонами I к-са.

По первоначальной идее командования армии, назначение правого крыла, ядром коего являлся 1 арм. корпус, заключалось в стратегическом охвате левого фланга Наревской армии. Когда, однако, последний распространился до Сольдау, и из перехваченной радио-граммы и данных войско-

вой разведки выяснилось, что на линии Уздау фронтом на северо-запад окапывается 1-й русский арм. корпус, имеющий задачу обеспечения фланга армии,—охват последнего стал, очевидно, невозможным. При разрешении новой оперативной проблемы возникла даже мысль сосредоточить I корпус значительно юго-западнее, для того, чтобы все же выиграть фланг противника. Но для этого требовалось время, которым, как раз, нельзя было располагать.

В этих условиях Людендорф предложил Гинденбургу, не теряя времени, атаковать I рус. корпус, отбросить его на юг и, прорвав таким образом русский фронт, быстрым маршем двинуться затем на Нейденбург—Вилленберг, чтобы выйти во фланг и тыл Наревской армии. В сущности, при сложившейся обстановке другого исхода и не оставалось: чтобы достичь стратегического охвата, необходимо было сначала совершить тактический прорыв. Таким образом, приходилось «брать быка за рога» и начинать дело с фронтальной атаки.

Тогда же утром 25 (12) авг. Гинденбург приказал ген. Франсуа на следующий день в 4 ч. утра атаковать Зеебен и высоты у Уздау, отбросить русский корпус на Сольдау-Млава и затем, оставив против него незначительный заслон, усиленным маршем двинуться на Нейденбург-Вилленберг, дабы отрезать Наревской армии пути отступления на юг. В самой возможности отбросить I рус. корпус от фланга 2 армии, которую он обеспечивал, и таким образом начать движение в ее фланг и тыл—сказалась еще раз вся неправильность построения линии фронта наступления Самсонова. Часть, обеспечивающая фланг, должна, в случае неуспеха, отходить на этот последний, дабы дать ему возможность своевременно оттянуться. Если же обеспечиваемый фланг расположен по отношению к обеспечивающей его части так, что последняя может быть отброшена от него, открывая противнику возможность его беспрепятственного обхода, то теряет всякий смысл самое обеспечение. Именно так был расположен фронт Наревской армии по отношению к обеспечившему ее левый фланг I корпусу. Фронт армии был обращен на северо-запад, и туда же был обращен фронт I корпуса. Ясно, что в случае неуспеха, последний должен был отходить от обеспечиваемого им фланга на юг, отрываясь от всего фронта армии и открывая брешь, через которую мог проникнуть противник в восточном направлении.

Итак, I прус. к-ус получил утром 25 (12) авг. свою определенную боевую задачу; она оставалась руководящей во всех его действиях. «Стремление выйти во фланг и тыл Наревской армии жило неуклонно во всем командном составе корпуса»—говорит ген. Франсуа. Задача эта была трудна, ибо корпус не успел еще полностью сосредоточиться. Между тем, Гинденбург, несмотря на это, настаивал на начале на-

ступления с рассветом 26 (13) авг., хотя Франсуа предлагал оттянуть начало отступления на сутки. Не встретив сочувствия, он ответил: «Если вы приказываете, я, конечно, атакую, но войскам придется драться штыком». Тут же было условлено, что как только скажется успех I к-са, начнет наступать XX корпус. На этом решении переговоры командования армии с ген. Франсуа кончились.

В сознании трудности осуществления принятого решения, Гинденбург и Людендорф возвращались после полудня 25 (12) авг. в штаб армии в Ризенбург. Вечерние сведения сделали это сознание еще более тяжелым. Русские подвозили от Млавы на Сольдау подкрепления:—эта была I стр. бригада, вызванная Самсоновым из Новогеоргиевска. Ген. Франсуа, указывая на усиление противника в районе Сольдау, доносил, что без надлежащей поддержки артиллерии, которая целиком еще не прибыла, атака пехоты навряд ли будет успешной. Командование армии прекрасно знало, что Франсуа является одним из самых решительных и отважных прусских генералов, и тем не менее объективная обстановка, требовавшая немедленных действий, не позволила отсрочить наступление. Назначенный срок 26 (13) авг. был оставлен в силе.

Итак, исходное положение 8 германской армии накануне перехода в наступление было таково: бригада ген. Мюльмана находилась в районе Страсбург—Лаутенбург в соприкосновении с конными частями 6 и 15 русск. кав. дивизий. I арм. корп. был сосредоточен южнее Монтово и противостоял 1 русск. к—су, окопавшемуся в районе Уздау фронтом на сев.-зап. Севернее него был расположен XX корпус, занимавший фронт от Гильгенбурга до Хохенштейна; на своем южном фланге он имел предназначенную для содействия I к—у 41 дивизию; на северном фланге—37 дивизию. Слева в районе Мюлена сосредоточились ландверные войска ген. Унгерна. Наконец, в районе Рейхенау оставалась в резерве 3-я рез. дивизия. Кроме того, в район Остероде—Бисселен ожидались первые эшелоны отправленной по распоряжению главной квартиры из Голштинии ландв. дивизии ген. ф. д. Гольца, которая должна была, таким образом, увеличить боевой состав 8 армии еще на одну дивизию.

Наконец, на левом крыле 1 рез. корпус, как уже указывалось, достиг Зеебурга, где соединился с 6 ландв. бригадой, а XVII корпус достиг района севернее Лаутерна. 1 кав. дивизия была на путях от Гердауэн в Шипенбейль.

Что же делал в это время Ренненкампф? Его взоры были, казалось, обращены, главным образом, на Кенигсберг. К вечеру 25 (12) авг. он достиг своим левым флангом линии Норденбург—Ангербург, т. е., еще не обогнул линии озер; между тем, фронт перед ним был здесь совершенно оголен.

Самсонов, как мы уже знаем, в дни 24 (11) и 25 (12) был не более деятелен, так что сосредоточение 8 армии происходило без помехи со стороны противника, хотя совершалось в непосредственной его близости на правом крыле, где две русские кавалерийские дивизии имели полную возможность расстроить подвоз первого корпуса.

Мы видели, что сосредоточение германцев происходило далеко не гладко; первый корпус должен был даже перейти в наступление без части своей артиллерии. Были и другие затруднения в тылу: это, главным образом, огромная масса беженцев, которая собралась за XX корпусом и создавала в ближайшем его тылу чрезвычайную сумятицу; несколько полевых жандармов едва могли здесь водворить кое-какой порядок.

Вечером 25 (12) авг. мы видим 8 герм. армию закончившей свое сосредоточение и получившей задачу с рассветом следующего дня начать свое наступление против армии Самсонова. Это наступление слагалось из действий трех групп: а) I арм. к—са на правом фланге, б) усиленного XX к—са в центре и в) I рез. и XVII арм. корпусов на левом фланге. Однако, главные боевые события должны были разыграться на флангах. Согласно заветам Шлиффена, здесь искалось решение уничтожающей битвы.

Завершился и второй акт восточно-прусской операции. Этот акт был богат своим содержанием; он может быть озаглавлен „От отступления к наступлению". Он является высоким образцом организации победы и оформления оперативного замысла. С рассветом 26 (13) авг. должен был начаться третий акт восточно-прусской операции и показать, как этот замысел был проведен в жизнь.

ГЛАВА X.

Переход 8 армии в наступление.

[26 (13) августа]. (Схема № 2).

„... задаваться целью важной и решительной и достигать ее с энергией и настойчивостью".

Клаузевиц.

С рассветом 26 (13) авг. началось наступление 8 герм. армии на правом крыле. Для непосредственного руководства наступлением корпусов Гинденбург и Людендорф переехали с полевым штабом из Ризенбурга в Лобау и находились, таким образом, от линии фронта на расстоянии всего одного перехода.

В четыре часа утра 1 пех. дивизия, развернувшаяся на левом фланге своего корпуса, перешла в наступление на Зеебен; в дальнейшем она должна была атаковать Уздау. Ей приходилось особенно тяжело, ибо она числила в своем составе лишь 7 батал. и 4 лег. батареи,—все остальное еще не успело сосредоточиться. 2 пех. дивизия наступала правее на Гросскошлау и далее на Грос-Тауэрзе. 5 ландв. бригада ген. Мюльмана должна была в 7 час. начать наступление от Лаутенбурга на Гейнрихсдорф-Борхерсдорф. Самая атака неприятельской линии была назначена в 12 часов. Однако, пробил уже первый час, когда 1 корпус только вошел в боевое соприкосновение с противником. На линии Зеебен-Гросскошлау были расположены лишь передовые заставы 1 рус. корпуса, которые после незначительного сопротивления отошли на основную оборонительную позицию на высотах у Уздау. В 15 часов Зеебен и Гросскошлау были уже в германских руках, но далее русские оказывали упорное сопротивление; особенно сильно сказался их артиллерийский заградительный огонь, затруднявший германцам развертывание для атаки позиции у Уздау. До позднего вечера здесь продолжался, главным образом, артиллерийский бой, но в общую атаку 1 прусскому корпусу перейти в этот день не удалось.

Таким образом, 26 (13) авг. правое крыло не выполнило поставленной ему задачи. Несколько более благоприятно обстояло в этот день дело у ген. Мюльмана, который занял Гейнрихсдорф.

В центре XX корпус получил приказ Гинденбурга перейти в наступление своим правым флангом для содействия 1 корпусу. Однако, на его левом фланге выяснилось наступление русских. В направлении на Хохенштейн последние проявляли усиленную разведывательную деятельность. Опасаясь за свой левый фланг, ген. Шольц приказал 3 рез. дивизии развернуться по обоим сторонам дороги Рейхенау-Хохенштейн. Также и 35 рез. дивизия, выделенная из Торна вместе с отрядом ген. Унгерна в составе одной 20 ландв. бригады ген. Шметтау и включенная ныне в состав XX корпуса, получила приказание развернуться на его левом фланге в районе Мюлена; слева к ней примкнул отряд ген. Унгерна. Таким образом, на своем левом фланге XX корпус не только не перешел в наступление, но, наоборот, развернул все свои силы для встречи ожидаемого наступления русских. Лишь в центре он несколько продвинулся вперед в юго-вост. направлении, потеснив кое-где передовые отряды наступавших русских колонн.

2 рус. армия, действительно, наступала в этот день по новому направлению на фронт Алленштейн—Остероде. Ей было приказано выйти XIII-м корпусом на линию Доротен-

Келярен, XV-м корпусом на линию Шенфельд-Гусенофен, XXIII-м корпусом на линию шоссе Рейхену-Хохенштейн. Лишь 1 корпус, как мы уже знаем, должен был оставаться на месте для обеспечения левого фланга армии; слева же от него 6 и 15 кав. дивизии должны были наступать на фронт Страсбург-Лаутенбург. На правом фланге VI-му корпусу и 4 кав. дивизии было приказано оставаться в районе Бишофсбурга. Таким образом, все движение центральных русских корпусов становилось по отношению к расположению XX герм. корпуса фланговым, при чем XIII корпус вовсе не имел перед собой противника.

Русский источник (Цихович) указывает, что день 26 (13) авг. ознаменовался на всем фронте боями с перешедшими в наступление германцами. Если считать боями стычки передовых отрядов, то это верно. Но во всем остальном эти сведения не соответствуют действительности. Людендорф даже не считает 26 (13) авг. первым днем наступления германцев. Если бы XV и XXIII русские корпуса хотели достичь указанных им линий, то они безусловно должны были ввязаться в серьезные бои с левым флангом XX герм. корпуса. Но они сблизились с противником уже только к концу дня. XV корпус был на марше потревожен слева частями 20 ландв. бригады ген. Шметтау и занял фронт Хохенштейн-Паульсгут. 2 дивизия XXIII корпуса была остановлена центром XX корпуса на линии Ваплиц. Одному XIII корпусу удалось беспрепятственно достигнуть района Алленштейна, не доходя до этого пункта на 10 кил.; германских войск здесь нигде не оказалось.

Между тем, почувствовав противника слева, откуда, к тому же, последовала частная атака 20 ландв. бригады, центральные корпуса (XV и XXIII) повернулись фронтом на запад. XX герм. корпус, очевидно, сыграл свое значение проводника для русских колонн, чем в значительной мере выполнил свою задачу. Теперь фронт Самсоновской армии был своим центром обращен уже прямо на запад; объективный ход оперативных событий дал ей, таким образом, новое четвертое направление. Такое перестроение фронта предопределялось оставлением на месте левофлангового 1 корпуса и расположением XX германского корпуса. Движение 2 армии должно было естественно превратиться в захождение правым плечом и захождение невольное, а значит и непредвиденное, в итоге чего правый заходящий фланг (XIII корпус) оказался висящим в воздухе; отныне операция потеряла всякое стратегическое построение. Но генерал Самсонов это мало сознавал. Да и самое такое построение фронта явилось для него случайным; он его не предвидел и 26 (13) авг. был занят, главным образом, своим левым флангом. В сущности, только с этого дня Самсонов стал

принимать непосредственное участие в наступлении своих корпусов; до этого времени он находился на большом расстоянии от них в Остроленке.

В этом отношении на ген. Самсонова оказала очевидно должное влияние телеграмма начальника штаба Сев.-Зап. фронта ген. Орановского от 19 августа за № 230. Она гласила:

«В целях надежной связи Главнокомандующий приказал места расположения штабов менять возможно реже, оставляя их на месте в течении целых периодов операции».

Обыкновенно под связью принято разуметь средство, облегчающее управление войсками; в данном случае выходило, очевидно, наоборот.

Весьма характерное явление в русской системе управления войсками. В то время, когда Гинденбург находится начала своего прибытия в Восточную Пруссию в непосредственной близости к войскам, разъезжая по корпусам и лично организуя наступление, ген. Самсонов остается в Остроленке, руководя отсюда вторжением своих корпусов на территорию противника; только через сутки узнает он о бое XV корпуса у Орлау. В четыре часа пополудни 26 (13) авг., т. е. тогда, когда в положении армии можно было очень уже мало изменить, ген. Самсонов, наконец, прибывает со своим полевым штабом на автомобиле в Нейденбург.

Тут не безинтересно заглянуть в дневник бывшего при штабе 2 армии английского представителя ген. Нокса, который подробно останавливается на описании этого, как ему кажется, решительного дня. Генерал Нокс был все время непосредственно при Самсонове и прибыл с ним в Нейденбург; его описание, тем более, как тогдашнего союзника России, имеет большой интерес.—„В 6 часов вечера—пишет генерал Нокс—Самсонов обедал со своим штабом за приятной беседой. Все были в хорошем настроении и говорили о предстоящем захождении всей армии левым плечом, дабы отбросить германскую армию на Рененкампфа. (И это говорилось в то время, добавим мы, когда как раз левый фланг 2 армии находился на месте, а сама она совершала захождение не левым, а правым плечом). Говорили и о многих других приятных вещах. Неожиданно в комнату вошел один из дежурных офицеров штаба и подал начальнику штаба армии ген. Постовскому переданную по прямому проводу записку к-ра 1 к-са ген. Артамонова, в которой последний просил кого-либо из командования армии немедленно подойти к аппарату. В переговорах с Самсоновым, Артамонов передал, что он атакован [атаки 26 (13) авг., в сущности, еще не было] двумя-тремя германскими дивизиями, и что, по сообщениям летчика, еще одна дивизия двигается ему

во фланг со стороны Лаутенбурга. Он просил поддержки со стороны 2 дивизии XXIII корпуса. Это сообщение,—кончает ген. Нокс,—сильно подействовало на Самсонова и его штаб".

Впервые за всю операцию Самсонов стал перед необходимостью тут же и немедленно реагировать на создавшееся положение тем или иным решением. В такие минуты в решениях полководца сказывается все его оперативное творчество, все его искусство и сила характера.

В стратегической обстановке появился новый весьма важный оперативный фактор, заключавшийся в угрозе левому флангу армии. В этих условиях, перед Самсоновым возникала альтернатива: продолжать ли наступление центральными корпусами на север или это наступление приостановить, ибо малейшая неустойка корпуса Артамонова грозила обходом всей армии. Пожалуй, теперь Самсонов должен был понять, насколько нецелесообразно построен его фронт наступления, когда от одного корпуса зависит участь всей операции.

Самсонов был поставлен перед трудной и ответственной задачей. Он сначала колебался, продолжать ли наступление; но затем, по совету своих штабных офицеров, решил: усилив 1 корп. 3 гв. пех. дивизией, 1 стр. бригадой, тяжелым артилл. дивизионом и 6 и 15 кав. дивизиями с задачей прочного обеспечения левого фланга армии, продолжать наступление на фронт Алленштейн-Остероде. Таким образом, вся операция попрежнему оказалась зависящей от одного левофлангового корпуса. Весь вопрос заключался лишь в том, окажется ли 1 корпус достаточно стойким для выполнения своей ответственной задачи; его боевой состав был, во всяком случае, достаточен, чтобы сдержать наступление германцев.

Но в стратегическом отношении такое пассивное разрешение возникшего оперативного вопроса не улучшало общего положения армии; завися от одной фланговой части, оно все же страдало крупным стратегическом недочетом.

Между тем Самсонов имел возможность свою операцию перестроить и изменить положение своей армии. Эта возможность заключалась в перенесении центра тяжести на левый фланг, но не только в смысле его усиления, а в смысле его активного способа действий. Обеспечение фланга армии надо было осуществить не обороной корпуса, хотя бы и усиленного (что не избавляло армии от ненормального и угрожающего положения), а решительным наступлением всеми возможными силами с задачей уничтожения наступавшего с линии Гильгенбург-Лаутенбург противника.

Наступление левым флангом во что бы то ни стало, хотя бы ценой перехода к обороне в центре,—было един-

ственным решением в условиях объективной обстановки для ликвидации той угрозы, которая тяготела над армией в силу одного ее положения. Наступать на левом фланге могли: 1 корпус, 3 гв. дивизия, 1 стр. бригада, 2 дивизия XXIII к-са и 6 и 15 кав. дивизии, т. е. силы вполне достаточные и, во всяком случае, превосходившие силы германского правого крыла Однако, у Самсонова возможность такого разрешения оперативной проблемы даже не возникала; разговор шел лишь о том, наступать ли дальше на север или нет. Очевидно, Самсонов слишком плохо уяснил себе все значение своего левого фланга.

Как бы то ни было, только наметившееся и не успевшее еще развиться наступление 1 герм. к-са сильно обеспокоило русское командование и заставило его усилить левый фланг армии полутора дивизиями. Это оперативное мероприятие имело решающее значение для участи 2-й армии. Инициатива перешла сразу на сторону германцев. Едва только последние перешли к активным действиям, как Самсонов всецело им подчинился. Такое незаметное подчинение воле противника является иногда поворотным пунктом во всей операции: таким поворотным пунктом оно и явилось в наступлении 2-й русской армии 26 (13) авг. Но в этот день как та, так и другая стороны еще не сознавали этого в полной мере. Самсонов не видел еще всей страшной угрозы в создавшемся положении; а германское командование с величайшим напряжением нервов ждало следующего дня, так как 26 (13) авг. 1-й герм. корп. и центр XX к-са имели лишь кое-какой местный успех: они несколько продвинулись вперед.

Этот день не дал никакого решения и даже более— надежды на него; он был одним из самых тяжелых для германского командования. Наступление на правом крыле, в сущности, не удалось; операция затягивалась, а между тем время не ждало. Казалось, еще один день неразрешенного исхода боя,—и его проведение станет вообще невозможным. Едва только начавшись, операция 8 германской армии достигла 26 (13) авг. своего кульминационного пункта, который мог быть уподоблен кризису болезни.

Следующий день должен был во что бы то ни стало склонить чашу весов на ту или другую сторону. Вечером 26 (13) авг. Гинденбург отдал свой второй приказ о наступлении, начинавшийся словами: „Сегодняшний день не дал решения. Завтра 27 авг. в 4 часа корпуса атакуют с величайшей энергией". 1-й корпус и подчиненная ему бригада Мюльмана должны были сбить 1 рус. корпус с его позиции у Уздау, отбросить его на юг и затем начать движение во фланг и тыл армии Самсонова на Нейденбург. XX корпус должен был своими крайними право-фланговыми частями

атаковать Уздау с севера и тем содействовать 1 корпусу. 41 див. должна была наступать на Ваплиц с юга; слева от нее одна ландв. бригада, 3 рез. и 37 дивизии должны были атаковать фронт Ваплиц-Хохенштейн. Голштинская ландверная дивизия фон-дер-Гольца должна была по выгрузке сосредоточиться в районе Остероде-Бисселен.

Таковы были распоряжения германского командования на 27 (14) авг.

Между тем, в то время как наступление правого германского крыла не привело 26 (13) авг. ни к каким результатам,—на левом крыле, коему германское командование не могло придавать решающего значения—в виду близости армии Ренненкампфа—разыгрались события, имевшие едва ли не большее значение для развития всей операции, чем даже успех на правом крыле, если бы он сказался уже 26 (13) авг. Это был бой XVII арм. и 1 рез. к-сов с VI рус. к-сом. Напомним, что эти два корпуса получили еще 25 (12) авг. задачу спешно двигаться на юг и вступить здесь в бой с противником, где бы он ни находился.

Приказ XVII к-су, отданный 25 (12) авг. в 23 часа 50 м. в Гр. Швансфельд, гласил: „Наступление трех неприятельских корпусов против XX корпуса отбито. У Бишофсбурга находится, повидимому, один русский корпус, передовые части которого заняли гр. Бессау; у Зенсбурга, повидимому, конница противника. XVII корп. наступает завтра на Бишофсбург с целью совместно с 1 рез. к-сом и находящейся у Лаутенбурга 6 ландв. бригадой атаковать русский корпус. Корпус наступает по одной дороге: в голове 36 дивизия, за ней вслед 35 дивизия“.

Во исполнение этого приказа XVII корпус выступил на раннем рассвете 26 (13) авг. из района Бишофштейна в направление на Бишофсбург, где, по имевшимся сведениям, должен был находиться VI рус. корпус. 1 рез. корпус сосредоточил к 10 ч. утра обе свои дивизии у Зеебурга; подчиненная ему 6 ландв. бригада Крамера была подтянута к его левому флангу у Шарингкен.

Восточнее Лаутернского озера 36 пех. дивизия, шедшая в авангарде XVII к-са, столкнулась в 8 ч. утра с окопавшейся 4 див. VI рус. к-са. Развернувшись прямо из походной колонны, германская дивизия перешла немедленно в атаку, не ожидая подхода другой 35 дивизии, которая должна была охватить противника с востока. Первые шаги 36 дивизии были успешны; но упорное сопротивление русских вскоре приостановило ее дальнейшее продвижение. Силы дивизии, потерпевшей значительные потери, пришли к концу, а последовавшие контр-атаки русских поставили ее в 17 часов в весьма тяжелое положение. Между тем 35 дивизия все еще не показывалась на поле сражения, ибо

шла на значительном расстоянии. В этой обстановке ген. Макензен, бывший при 36 дивизии, обратился к 1 рез. к-су с просьбой немедленно притти на помощь. 6 ландв. бригада и часть 36 рез. дивизии 1 рез. корпуса под командованием ген. Кругэ (комдива 36 рез. див.) были тотчас же через Клейн-Бессау направлены во фланг и тыл русской дивизии. Ген. Бéлов не счел нужным поддержать Макензена большими силами и продолжал с другой частью своего корпуса движение на юг в направление на Киршдорф, обходя Дадейское озеро с запада. Ген. Кругэ атаковал 4 рус. дивизию во фланг сначала тремя батальонами и тремя батареями, шедшими в авангарде, а затем развернул для атаки и остальные силы своего отряда: 4 батальона и 3 батареи, которые подоспели уж только к вечеру.

Объединенным ударом этих частей во фланг и частями XVII к-са с фронта 4-й рус. дивизии было нанесено решительное поражение. По свидетельству германских официальных источников, наибольшая доля в успехе здесь принадлежала 6 ландв. бригаде, получившей в этом бою свое первое боевое крещение. Отметим, что на ее вооружении не было ни одного пулемета, а артиллерия, состоявшая из двух легких батарей, имела орудия старых образцов. Эта бригада понесла наибольшие потери, исчислявшиеся более чем в 30 офицеров и несколько сотен солдат, что для трехчасового боя составляет значительный процент. Для освещения морального настроения этой части небезинтересно отметить, что после боя, уже когда стемнело, ген. Крамер собрал на недавнем поле сражения свою бригаду и, в присутствии более 1000 русских пленных, беседовал с солдатами, благодаря их за отличное поведение в бою. Присутствовавшие при этом передают о необычайно высоком моральном подъеме 30—40-летних пруссаков, коими была укомплектована бригада.

Принимавшие в бою у Бессау участие войска 36 рез. дивизии еще в ночь с 26 (13) на 27 (14) ушли на присоединение к своему корпусу на Киршдорф. 6 ландв. бригада и XVII арм. корпус заночевали на поле сражения. Интересно отметить, что только в эту ночь после боевого успеха рассеялся слух, будто ген. Макензен покончил с собой после неудачного боя с Ренненкампфом 20 (7) авг.

С русской стороны в бою принимала участие лишь одна 4 дивизия VI к-са. 16 дивизия двигалась на Алленштейн, куда, согласно приказа Самсонова, должен был итти весь VI корпус; успев пройти уже 12 верст, она была возвращена, получила на обратном марше даже третье приказание—и в итоге участия в бою не приняла. Также и 4 кав. дивизия не оказала никакого влияния на исход боя, бездействуя в районе Зенсбурга. Весь бой разыгрался, между про-

чим, для VI корпуса неожиданно. В северном направлении, откуда последовал удар германцев, никакой разведки не велось: начальник штаба 4 дивизии полк. Сербинович мотивировал это тем, что «никаких указаний о необходимости установить даже наблюдение в этом направлении не получалось» (!); 4 дивизия отступила с поля сражения в большом беспорядке: войска смешались с обозом, и дело не обошлось без паники, повлекшей за собой перестрелку между своими же частями. 4 дивизия потеряла в этом бою 73 оф., 5.283 солд., 16 ор., 18 пул. и 37 зар. ящиков.

В итоге весь VI корпус отступил в ночь на 27 (14) авг. сразу на линию Гейслинген. Об этом отступлении командир корпуса ген. Благовещенский донес Самсонову лишь на следующий день в 14 ч.[1]); соседние же корпуса, вследствие отсутствия связи, и вовсе не знали об этом.

О неуспехе, постигшем VI корпус в бою у Бессау, полк. ген. штаба Разгонов, бывший при 2 армии, писал 27 (14) авг.:

„Неудача в бою объясняется чрезвычайной пассивностью, допустившей явный охват обоих флангов, что сразу и выявило кризис в течении боя... Бой ведется корпусом на самых старомодных началах, на загромождении резервов в тылу и высылке оттуда частей пакетами. Корпус пока еще не растрепан, но и в беспорядке; необходимы энергичные меры, дабы окончательно не испортить дело". (Архив. Дело XIII корпуса № 13, 133).

Итак, на левом крыле 8 армии разыгрались 26 (13) авг. весьма важные события:—право-фланговый корпус Самсонова потерпел поражение и отступил на юг, обнажая правый фланг Наревской армии. Правда, корпус этот еще не был совершенно уничтожен. Еще 26 (13) авг. германский летчик сообщил ген. Белову, что южнее Бишофсбурга обнаружена оборонительная позиция русских, где можно было ожидать оборону отступившего VI к-са. Белов решил 27 (14) авг. атаковать эту позицию с запада совместно с XVII корпусом, который должен был ее атаковать с фронта. Таким образом, на следующий день германские корпуса решили покончить с правым флангом Самсонова, дабы

---

[1]) Привожу интересную характеристику к-ра корпуса ген. Благовещенского: «Командир корпуса ген.-от-инф. Благовещенский провел всю жизнь в канцеляриях. Во время Японской войны был дежурным генералом штаба армии, составил руководство для адъютантов—какие и в каких случаях следует выдавать литеры для бесплатного проезда по железным дорогам воинских чинов. Большой формалист; все основывает на букве закона; ни одной бумаги не подпишет, если внизу не проставлена справка: ст. . . . . св. В. З. 1869 г. . . . . изд. . . . . прим. и т. п. Военного дела не знает и им не интересуется. Кроме „Инвалида" ничего не читает».

Военный сборник О. Р. В. З. Прага. № 4, 1923 г. стр. 163. *Патронов.* Действия VI-го корпуса и главные причины неудачи 2-й армии.

иметь затем открытый путь для движения во фланг и тыл русским. Их действия требовали тем большей спешности, что происходили в удалении от Ренненкампфа, не превышавшем двух переходов. Их тыл был в районе Шипенбейля прикрыт лишь одной 1 кав. дивизией, да и то 1 ее бригада получила 26 (13) авг. приказание наступать через Рессель на Зенсбург; таким образом, против всего левого фланга 1 рус. армии оставались лишь две кавалерийские бригады.

Что же делал в этот день Ренненкампф? Он продвинулся своими главными силами на линию Даммерау-Алленбург-Гердауэн-Бартен-Розенталь. На правом крыле его конница вошла в соприкосновение с Кенигсбергской ландв. дивизией на реке Дейме. Однако, не было ни одного намека на то, что Ренненкампф стремится согласовать свои действия с Самсоновым; он обращал, как будто, все свое внимание на Кенигсберг.

Итак, левое крыло 8 герм. армии могло на следующий день продолжать выполнение своей боевой задачи. А разрешение ее могло привести к величайшим последствиям. Объективно германский план операции оформился 26 (13) авг. определенно и ясно; теперь становилось очевидным, что он выливается в охват обоих флангов со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно возможности окружения. Охват этот требовал сначала тактического прорыва, который становился особенно необходимым на правом крыле; здесь он 26 (13) авг. не дал еще никакого разрешения. Зато на левом крыле тактический успех уже определился; еще один напор—и XVII корпус мог начинать свое движение во фланг и тыл армии Самсонова. Правда, ему надо было для этого пройти еще значительное расстояние. I герм. корпус находился в этом отношении в более благоприятных условиях; его прорыв выводил германцев сразу во фланг и тыл противнику, почему тактический успех на фронте I рус. корпуса должен был немедленно и самым решающим образом сказаться на участи всей операции,—правое крыло было в этом отношении стратегическим ключом к победе. Вот почему и после успеха XVII арм. и I рез. корпусов германское командование продолжало главное значение придавать правому крылу; с непреклонной настойчивостью и твердой энергией оно ожидало здесь 27 (14) авг. решения.

ГЛАВА XI.

Прорыв левого крыла 2 русской армии.

(27 августа).

(Схема № 3).

«Стратегия—это система подпорок... это развитие первоначальной руководящей мысли в соответствии с постоянно меняющимися обстоятельствами, это искусство ведения дела под гнетом тяжелых условий».

Мольтке.

Рассвет 27 (14) авг. открыл собою один из самых решительных дней в операции 8 герм. армии. В 4 ч. утра части I герм. арм. корпуса и подчиненная ему в этот день 20 ландв. бригада ген. Шметтау возобновили свою атаку позиции русских у Уздау. I дивизия и бригада Шметтау повели наступление на Уздау, 2 дивизия—на Таурзе; последняя встретила наиболее сильное сопротивление, равно как и бригада ген. Мюльмана, наступавшая на крайнем правом фланге на Борхерсдорф. Разгоревшийся здесь горячий бой был сначала для германцев неудачным. Они терпели большие потери, а в одном батальоне 2 дивизии произошла даже паника. Попав под сильный фланговый огонь, батальон бросился назад и распространил панику глубоко в тыл. Остатки его собрались у Монтово, что дало повод для возникновения слуха о поражении всего I корпуса. Слух этот возымел свое действие и был причиной поспешного отступления обозов; он дошел также и до Лоебау, где помещался штаб армии, и был рассеян лишь после вмешательства последнего.

Таким образом, на крайнем правом фланге, где представлялась возможность тактического обхода русской позиции у Уздау, бой до полудня велся безрезультатно и не давал никакого решения. Эта обстановка довела напряжение нервов на германской стороне до крайнего предела.

Успешнее шли, однако, дела на левом фланге 1 корпуса. От I дивизии уже в 8 ч. утра поступило сведение о взятии Уздау. Командование 8 армии получило это сообщение как раз в тот момент, когда выезжало из Лоебау в Гильгенбург, чтобы непосредственно руководить наступлением правого крыла. Сообщение это оказалось, однако, преждевременным и ввело в заблуждение самого командира корпуса ген. Франсуа, который тотчас же на автомобиле выехал в Уздау, но, подъезжая к последнему, был обстрелян русскими. Совместно с 20 ландв. бригадой 1 дивизия взяла Уздау лишь 3 часа спустя, т.-е. в 12 часу.

Русские оставили местечко пылающим. Тщательно оборудованные окопы полной профили сохранили горячие следы недавней обороны своих защитников. Оказывая сначала сильное сопротивление, I рус. корпус стал после полудня отходить уже довольно беспорядочно, очевидно, сам не сознавая того, что он тем решает судьбу всей операции. Этот момент заслуживает наибольшего внимания, ибо он уподобляется моменту стратегического приговора.

В ходе боевых событий трудно, а подчас невозможно, зафиксировать тот момент, который определяет поворотный пункт в операции. Но таким именно моментом является отступление I рус. корпуса.

Русские источники говорят о том, что уже в 7 ч. утра в частях I корпуса распространился слух о якобы отданном командиром корпуса приказании отступать; обстоятельство это осталось и по сие время невыясненным. Во всяком случае, установлено, что левый фланг I к-са—22 пех. дивизия, утром успешно отражавшая все атаки 2 герм. дивизии и бригады ген. Мюльмана, стала отходить по приказанию следующего содержания: «Начальнику дивизии. Командир корпуса приказал немедленно отступать на Сольдау. 10 ч. 40 м. Офицер связи 22 пех. дивизии поручик Струзер». Трудно уяснить себе, каким образом офицер связи дивизии может отдавать приказание от имени командира корпуса. Поручик Струзер показал, что услышал передачу этого приказания с телефонной станции штаба I корпуса. Генерал Артамонов впоследствии отрицал отдачу такого приказания. Является, однако, установленным и то, что в 14 час., когда корпус уже отходил, генерал Артамонов доносил, что его войска держатся, как скала [1]).

Становится очевидным лишь одно, что подобная система управления войсками в решительный момент боя грешит самыми элементарными требованиями строгой централизации командования и ясности и точности отдаваемых приказаний.

Как бы то ни было, I рус. корпус, очевидно, не сознавал всей колоссальной ответственности своего боевого задания. Оборона позиции у Уздау до последней возможности, очевидно, не оценивалась им, как выполнение своего непременного долга. Дивизии сочли возможным оставить

---

[1]) Один из современников дает этому генералу следующую небезинтересную характеристику: «Командир I-го арм. корпуса Артамонов был хорошо известен в Петроградском военном округе еще в мирное время, как обращающий при посещении войск главное внимание на то, достаточно ли икон имеется в казармах и знают ли солдаты молитвы. Вообще это был человек, преследующий исключительно цели личной карьеры, ханжа, не пользующийся ни малейшим уважением среди подчиненных».

Военный Сборник О.Р.В.З. Прага № 4. 1923 г., стр. 172. *Патронов.* Действия VI-го корпуса и главные причины неудачи 2-й армии.

свои позиции по одному приказанию, переданному офицером связи, не проверив его и не понимая, очевидно, тех страшных последствий, которые влечет за собой отход хотя бы на одну версту. В этом боевом акте моральный фактор имел опять первенствующее значение. К вечеру 27 (14) авг. I рус. корпус отступил даже южнее Сольдау, оставив севернее этого пункта лишь арьергард из пяти полков разных дивизий и пяти легких батарей под командованием начальника 3 гв. дивизии ген. Сирелиуса.

О происшедшем ген. Артамонов донес в штаб армии вечером 27 (14) августа в следующих выражениях:

«После тяжкого боя корпус удержал Сольдау (казалось, следовало бы сказать—отступил к Сольдау. Г. И.). Противник занимает охватывающее положение, но остановлен. Связи все нарушены. Потери огромны, особенно офицерами. Настроение войск хорошее. Войска послушны, проявили выдающуюся выносливость, оставаясь без горячей пищи и воды больше двух дней.

Держать у Сольдау большие силы затруднительно. Удерживаю город авангардом из остатков разных полков. Для перехода в наступление необходим прилив новых сил. Все прибывшие уже понесли большие потери. Приведу все части корпуса в порядок ночью и перейду в наступление. № 123». Подписано Генерал Артамонов. (Архив. Дело № 13, 136).

I герм. корпус достиг к вечеру 27 (14) авг. своим левым флангом Борхерсдорфа; правый фланг его был западнее Сольдау. Само по себе боевое событие, разыгравшееся на правом крыле 8 герм. армии 27 (14) авг., не было крупным ни в отношении интенсивности боя, ни в отношении достигнутых тактических результатов. Решительного поражения левому флангу Самсонова нанесено не было. В этом отношении день 27 (14) авг., как и предыдущий, также не дал ожидаемого решения. Далее мы увидим, что германское командование было даже склонно изменить под влиянием этой обстановки направление нанесения главного удара. Тем не менее, события, разыгравшиеся у Уздау, имели величайшее значение и определили собой поворотный пункт во всей операции.

В том и заключалось непрочное и, более того, грозное положение армии Самсонова, что малейшая неустойчивость ее левого фланга грозила, благодаря построению линии фронта, величайшей катастрофой.

I рус. корпус не удержался на своей позиции у Уздау и отступил на юг, удаляясь, таким образом, от фронта армии, фланг коей он должен был обеспечивать. Как на это указывалось уже выше, такое отступление корпуса было предопределено всем построением фронта наступления; но тем

самым корпус потерял возможность выполнять свою задачу по обеспечению фланга армии. Теперь эта задача могла быть разрешена уже только решительным наступлением. Но если русское командование не отважилось на него 26 (13) авг., то после поражения и отхода I корпуса оно было еще менее возможно. Корпус отступил, правда, не на много. Но самое положение левого фланга было таково, что ему достаточно было уступить противнику Уздау и отойти на 4-5 *км.*, чтобы путь на Нейденбург во фланг и тыл всей армии Самсонова оказался свободным.

Правда, ген. Франсуа не обладал еще той оперативной свободой, которая позволила бы ему, оставив незначительный заслон против Сольдау, двинуться со всеми силами на Нейденбург. Русские не были еще здесь уничтожены. А на своем левом фланге русская конница сама угрожала тылу бригады ген. Мюльмана, выходя на железную дорогу Страсбург-Лаутенбург и севернее.

Тем не менее, между отступившим 1 рус. корпусом и дравшейся от него справа 2 пех. дивизией XXIII корпуса, с которой 27 (14) авг. не было никакой связи, оказался значительный прорыв, оставлявший дорогу от Уздау на Нейденбург свободной.

Судьба операции на правом германском крыле в стратегическом отношении решилась. Лишь исключительная энергия русского командования и готовность войск могли решительным наступлением изменить эту судьбу. Но ждать наступления от в известной степени деморализованного 1 рус. корпуса было тщетно. В лучшем случае от него должно было требовать стойкой обороны в районе Сольдау; но и этого, как мы увидим далее, не случилось. Для германцев возникла стратегическая возможность движения во фланг и тыл армии Самсонова; становился на очередь лишь вопрос о его тактическом выполнении.

Лично Людендорф считал сражение после падения Уздау выигранным. Для такого оптимистического суждения было, конечно, еще мало основания. Множество оперативных факторов могло еще изменить положение в худшую для германцев сторону, а главное — Ренненкампф одним движением мог смести все достигнутые 27(14) авг. лишь обозначившиеся успехи германцев. Но опытное военное восприятие и прозорливый стратегический взгляд не ошиблись. Стратегическая оценка Людендорфа была безусловно верна: Уздау был ключом операции. «Наревская армия была теперь тактически прорвана» — говорит Людендорф по поводу взятия Уздау, и это было именно так. Русский левый фланг был не обойден, а отброшен на юг фронтальной атакой; он откололся от всей линии фронта армии, между ним и последней образовался теперь прорыв, открывавший

германцам свободный доступ во фланг и тыл остальным корпусам Самсонова.

Иногда приходится слышать разсуждение о том, была ли операция германцев против 2 рус. армии обходом или прорывом [1]). В такой постановке это рассуждение является чисто теоретическим и уподобляется доктринерской погоне за формой операции и желанию всякую операцию подогнать под определенную форму. Полководец, который бы заботился о том, чтобы всякая его операция протекала в определенной форме прорыва, обхода или проч, был бы плохим полководцем. И германское командование менее всего заботилось о соблюдении какой-либо из этих форм. Им безусловно руководила идея стратегического обхода левого фланга русской армии; эта идея лежала в основе всей операции. Но когда она начала выполняться, оказалась, что право-фланговый германский корпус выходит не во фланг русской армии, а на фронт ее фланга. Тогда потребовалась фронтальная атака, — тактический прорыв, дабы стал возможным стратегический обход. Последний оставался, однако, руководящей идеей операции. Тактический прорыв был в операции 8 германской армии лишь средством для выполнения стратегического обхода.

Итак, на правом крыле германцы достигли 27 (14) авг. значительного успеха; далеко не так обстояло однако дело в центре. Здесь велись в этот день бои с несравненно большим напряжением и ожесточенностью; они, однако, не имели решающего исхода ни для той, ни для другой стороны. XX корпус имел перед своим левым флангом сильного противника, который еще накануне занял Хохенштейн. Центральные корпуса русской армии имели приказ продолжать здесь наступление на фронт Остероде - Алленштейн. На левом фланге XX корпуса ландверная бригада Унгерна с трудом сдерживала части XV русского корпуса у Мюлена; она была усилена одной бригадой 3 резервной дивизии, оставшейся в резерве в районе Дробница.

В 10 час. утра русские начали в районе Мюлена наступать, открыв сильный артиллерийский огонь. Германцы, в общем, удержались на своих позициях, но и здесь дело не обошлось без паники, последовавшей благодаря распространившемуся слуху о занятии русскими Мюлена. Слух этот вызвал даже целый ряд оперативных распоряжений ген. Шольца (комкора XX): 37 пех. дивизия была остановлена в своем наступлении и двинута на левый фланг. Слух оказался, однако, ложным, и дивизия участия в бою здесь не приняла. Лишь на правом фланге XX корпуса дела об-

[1]) Профессор Свечин в противовес Циховичу утвержает, например, что эта операция была прорывом. Г. И.

стояли благоприятнее. Здесь 41 див. вела успешное наступление на Комионткен; слева от нее, почти без боя, продвигалась 37 пех. дивизия, до отозвания ее в район Мюлена. Перед ней уже к полудню, в сущности даже не приняв боя, стала отступать на Липпау-Нейденбург 2 пех. дивизия XXIII русского корпуса, увеличив таким образом образовавшийся прорыв между лево-фланговым корпусом и центром армии Самсонова.

Итак, 27 (14) авг. не дало в центре никакого решения: XX корпус, хотя и перешел в наступление, но оставался еще тем щитом, который принимал на себя главный удар противника в то время, как 1 корпус должен был выполнить свою задачу движения во фланг и тыл. Слева от XX корпуса район Алленштейна был германцами не занят; между тем, сюда наступал целый русский корпус (XIII), коему на всем протяжении операции было, вообще, суждено больше гулять, чем драться. Корпус этот, не зная участи своего соседа справа (VI к—са), занял после полудня Алленштейн, направив часть своих сил (2 бр—ду 1 пех. дивизии) на Хохенштейн на помощь XV к—су, по просьбе последнего. О занятии Алленштейна германское командование узнало, между прочим, лишь от комиссара военных сообщений Вост. Пруссии, который на бронепоезде подъехал чуть ли не к самой станции этого пункта, желая перенести сюда выгрузку эшелонов ландверной дивизии Гольца. Увидя Алленштейн занятым противником, он его обстрелял и скрылся, что, между прочим, заставляет судить о беспечности командования XIII корпуса, который по занятии Алленштейна даже не распорядился выделить вперед авангард и подорвать железную дорогу. Занятие Алленштейна не могло быть безразлично для германского командования, хотя оно и не было связано с каким-либо боевым неуспехом; вся 8 армия, и без того рассредоточенная, оказалась ныне разъединенной целым корпусом противника, который, занимая Алленштейн, находился между ее правым крылом и центром (I и XX к—са) и левым крылом (I рез. и XVII арм. к—са).

При активных и энергичных действиях русское командование могло это положение использовать в целях решительного наступления сначала на одно крыло, а затем на другое; но для этого требовалась большая моральная сила. Если она отсутствовала, то такое положение было, наоборот, неблагоприятным; целый корпус болтался в районе, свободном от противника, в то время, когда на фронте всей армии велись серьезные бои. Во всяком случае занятием Алленштейна прерывалось железнодорожное сообщение с лево-фланговыми корпусами, что несомненно усугубило положение 8 германской армии. I рез. и XVII арм. к—са были теперь предоставлены своим собственным силам и дей-

ствиям. Между тем им было суждено сыграть едва ли не более значительную роль в операции 8 герм. армии, чем 1 герм. корпусу.

27 (14) авг. успех германцев нигде не оказался с такой очевидностью, как именно на фронте этих двух корпусов. VI рус. корпус, потерпевший накануне поражение у Бессау, не принял боя с наступавшими на него XVII и 1 рез. герм. корпусами и в 18 час. отступил в беспорядке, граничавшем с паникой, южнее Ортельсбурга, предоставляя, таким образом, германским корпусам свободную возможность движения во фланг и тыл армии Самсонова с востока. Лишь теперь германское командование могло расчитывать на возможность привлечения этих корпусов к решающим пунктам поля сражения. Сейчас же по получении сообщения о полном отходе VI рус. к—са, оно приказало 1 рез. к—су еще 27 (14) авг. достичь района Патрикен - Грос - Пурден - Прейловен и, оставив заслон у Пассенгейма, быть готовым на следующий день, смотря по обстановке, наступать либо на Алленштейн, либо южнее этого города. XVII корпус должен был достичь района Едвабно; достиг, однако, лишь района Менсгут, где имел незначительное столкновение с отходившими частями VI рус. к—са. Он же взял на себя, по предложению генерала Белова, выставление заслона у Пасенгейма.

В то же время, уход 1 рез. и XVII арм. корпусов на юг открывал левому флангу Ренненкампфа полную возможность для беспрепятственного продвижения в тыл всей 8 герм. армии. Против Ранненкампфа были отныне в районе Лаутерн-Гроскоэллен оставлены лишь 6 ландв. бригада, незначительный отряд из XVII корпуса и, наконец, две бригады 1 кав. дивизии. Эти ничтожные силы имели против себя армию из 4 пех. корпусов и 5½ кав. дивизий. На протяжении всей операции участь германцев не ставилась в такую непосредственную зависимость от действий Ренненкампфа, как именно в этот день 27 (14) авг. Казалось—теперь или никогда. Далее операция должна была развиваться с головокружительной быстротой, как это в действительности и случилось. Через день-два действия 1 рус. армии, хотя бы и энергичные, могли быть уже запоздалыми.

Что же делал 27 (14) авг. Ранненкампф? Прежде всего, вследствие плохо налаженной связи, штаб 1-й армии вовсе не был ориентирован в положении 2 армии.

Он получил, однако, указание от ген. Жилинского, который, очевидно, понял всю серьезность сложившегося положения, понял, что германцы не отступили, а сосредоточились против Самсонова, которого и атакуют. Его телеграмма от 27 (14) авг. за № 3020 гласила: „Окажите содействие 2 армии своим движением возможно далее вперед своим левым флангом на Бартенштейн и выдвижением к стороне Бишофсбурга своей

кавалерии. VI корпусу приказано двигаться от Щепанкен на Пассенгейм". Последняя фраза является, конечно, горьким заблуждением и свидетельствует о том, что штаб фронта вовсе не был осведомлен об участи VI корпуса, который, как мы уже знаем, находился 27 (14) авг. в полном отступлении. Что же касается сути этого приказания, то оно лишь в малой степени разрешало задачу помощи 2 армии. Когда же Ренненкампф, в его развитие, приказал своему левому флангу наступать 28 (15) авг. на фронт Прейссиш-Эйлау—Бишофштейн,— то эта помощь, в сущности, свелась на-нет, ибо направление сюда двух корпусов был ударом по воздуху и весьма мало тревожило тыл 8 герм. армии, которая базировалась на Деутш-Эйлау-Мариэнеердер, т. е. на путях к западу, а не к северу. Что же касается конницы Ренненкампфа, то она была направлена на Ландсберг, и лишь одна дивизия—на фронт Зеебург-Бишофсбург. Однако, оставленные здесь германские силы были достаточны, чтобы сдержать ее.

Конечно, лишь крутой поворот всей 1-й армии на фронт Зеебург-Бишофсбург мог иметь действительное значение для оказания помощи 2 армии. Но Ренненкампф был, очевидно, слишком увлечен идеей обложения Кенигсберга, против коего он, в общем, держал два корпуса, т. е. половину своих сил. Имея с 27 (14) авг. указания содействоватъ 2 армии, Ренненкампф предпринял с этой целью оперативные шаги, явно паллиативные и не дающие нужных результатов.

Германское командование не лишалось свободы действий против 2-й русской армии; оно продолжало ее атаку, достигнув 27 (14) авг. первых положительных результатов. Возможность стратегического обхода, открывшаяся в этот день на правом крыле, еще с большей очевидностью представилась и на левом крыле. Стратегический прогноз обхода обоих флангов центра армии Самсонова и окружение ее приобретали при таком положении большую долю вероятности.

Тем не менее, германское командование считало этот день недостаточно оправдавшим возложенные на него надежды. Главное,—наступление на правом крыле все же не дало окончательного решения; русские были здесь отброшены, и дорога на Нейденбург открылась, но свобода движения во фланг не была достигнута, ибо противник продолжал удерживаться у Сольдау. Между тем, время не ждало: пожалуй, ни в одной операции оно не имело столь решающего значения, как в описываемой. Ведь армия Ренненкампфа могла во всякий час вынудить германцев к спешному, а возможно, и едва ли выполнимому для лево-фланговых корпусов отходу. Кризис боя достиг своего высшего напряжения. В этих условиях, учтя всю сложившуюся обстановку и ставя под знак вопроса возможность свободного движения 1 корпуса на следующий день во фланг и тыл Самсонову, германское командование

решает после полудня 27 (14) авг. изменить свой план операции, в смысле перенесения направления главного удара на Ваплиц, дабы здесь отрезать центральным русским корпусам пути отступления от Хохенштейна на Нейденбург. 1 корпусу ставилась задача отбросить удерживавшегося у Сольдау противника на Млаву. Таким образом, весь центр тяжести операции переносился теперь на север в район Хохенштейна, и решающее значение уделялось XX корпусу. Пользуясь большим промежутком, образовавшимся между центральными и лево-фланговым русскими корпусами, германское командование решило окружение первых достичь не глубоким обходом на Нейденбург, возможность чего не могла быть гарантирована, а непосредственным обходом на поле сражения, примерно, у Ваплица, дабы тем отрезать противнику пути отступления на Нейденбург.

Это решение исходило, прежде всего из расчета дальнейшего движения на юго-запад в тыл центру армии Самсонова 1 рез. и XVII арм. корпусов В отношении же операции на правом крыле оно искало решения в районе Хохенштейна, где сказались наибольшие боевые усилия русских. Это решение могло быть достигнуто и в том случае, если 1 корпус оставался связанным в районе Сольдау, не получая свободы движения на Нейденбург. Если же ему последняя представлялась, то он мог начать свое движение во фланг и тыл центру Самсонова независимо от действий XX корпуса. Таким образом, и в том и другом случае это решение было наиболее целесообразным, не ставя всю операцию в зависимость от стойкости русских в районе Сольдау. Это решение было вызвано сложившейся обстановкой и явилось результатом ее зрелой оценки. На войне всякий новый оперативный фактор должен, как действие, вызывать свое противодействие,—в этом заключается вся диалектика военного дела и все искусство управления войсками. Решение германского командования является в этом отношении поучительным образцом. Германский план операции не был статическим; он развивался вместе с обстановкой, ибо был верен учению Мольтке—„стратегия есть система подпорок“.

Итак, 28 (15) авг. Гинденбург решил главный удар наносить в центре против русских XIII и XV корпусов. С этой целью он уже поздно вечером 27 (14) авг. издал приказ, начинавшийся словами:—„Усиленный XX арм. корпус, ландверная дивизия фон-дер Гольца, 1 рез. и XVII арм. корпуса энергичным наступлением окружают XIII и XV русские корпуса“. С этой целью XX арм. корпус (в первой линии 3 рез. и 37 дивизии) должен был в 4 ч. 28 (15) авг. атаковать Хохенштейн с запада, ландверная дивизия фон-дер Гольца с северо-запада; 1 рез. и XVII арм. к-са должны были возможно раньше выйти на фронт Алленштейн-Едвабно.

„Буде противник из района Алленштейн отступит,—говорилось далее в приказе,—1 рез. корпус должен правым флангом наступать на Стабиготтен; XVII арм. корпус должен в этом случае преследовать противника своим левым флангом на Вилленберг. 1 арм. корпус обеспечивает окружение противника со стороны Млавы".

Таким образом, вечером 27 (14) авг. была поставлена решительная задача окружения центра армии Самсонова. 1 корпусу придавалось меньшее значение. Напомним, однако, что первая задача, ему поставленная и заключавшаяся в ударе во фланг и тыл армии Самсонова, была глубоко усвоена его командным составом и оставалась для него все же руководящей. Энергичного ген. Франсуа было трудно заставить отказаться от движения на Нейденбург, путь к которому был уже свободен. Малейшая неустойчивость русских у Сольдау должна была предоставить ему свободу для начала движения во фланг и тыл противнику, как это и случилось. Идея операции со своей конечной целью окружения была 27 (14) авг. сформулирована не только в представлении германского командования; она определилась и объективно. В этот день у Самсонова были сбиты оба фланга, армия потеряла свои два столпа, без коих стратегическое существование всякой армии становится невозможным. Непрочность положения центральных корпусов становилась при такой обстановке очевидной; на флангах нависали концы тех клещей, которые уже начинали их сжимать в смертельных тисках.

Между тем, в тылу этих корпусов заходящее солнце 27 (14) авг. освещало своими как будто предостерегающими лучами прорезываемый несколькими дорогами Грюнфлисский лес, где суждено было разыграться трагедии гибели армии Самсонова.

Жребий победы и поражения был брошен; судьба сражения решилась, будущность ближайших дней хранила ее лишь в таинственном молчании...

Так закончились первые два дня боев 8 германской армии со 2 русской. Они были, в сущности, лишь боевой завязкой; но носили в себе уже все зачатки развязки, которая началась со следующего дня 28 (15) авг.

Кончился и третий акт ныне уже намечавшейся драмы, раскрыв перед нами картину ее безпрерывного наростания. Он представил нам в сущности лишь боевую завязку и окончательное оформление идеи операции с ее решительной конечной целью.

Рассвет 28 (15) авг. должен был открыть четвертый и последний акт; он раскроет пред нами исполнение окончательного плана операции и содержание разыгравшейся драмы.

ГЛАВА XII.

Русское командование перед началом трагедии 2 армии 28 (15) августа.

(Схема № 4).

«Без твердой решимости ничего великого не делается даже в самой счастливой войне, а в беде и подавно».

Клаузевиц.

Если боевые события предыдущих дней мы рассматривали, главным образом, с германской стороны, дабы выяснить, как эволюционировал германский план операции и как было организовано контр-наступление,—день 28 (15) авг., открывший собой начало трагедии гибели армии Самсонова, мы начинаем описанием событий на русской стороне. Это делается по определенной причине.

Канун 28 (15) авг. оставил 2 рус. армию уже в достаточно серьезном положении. Ее фланги были сбиты, вследствие чего центр находился под угрозой обхода. Сильно вдавшись на север, он был втянут в упорные бои фронтом на запад. Ренненкампф был далеко и радикальной помощи, очевидно, оказать не собирался. При такой обстановке Самсонов, казалось, был вынужден к решительному шагу. Нельзя было терять ни одной минуты.

Однако, как далеко было настроение в штабе русского командования от атмосферы той серьезности и ответственности, глубоким сознанием которых оно должно было быть проникнуто. Посмотрим сначала, какие директивы были отданы штабом 2 армии на 28 (15) авг. Еще не зная об отходе 1 корпуса на Сольдау, генерал Самсонов отдал после полудня 27 (14) авг. приказ № 2, гласивший: «15 (28) августа 1 армейскому корпусу во что бы то ни стало удерживать позицию впереди Сольдау для обеспечения левого фланга армии. XXIII арм. к. (2 пех. и подошедшие части 3 гв. пех. див.) во что бы то ни стало удерживать позицию к западу от д. Франкенау. XIII и XV арм. к-сам под общим начальством ген. Мартоса энергично с рассветом наступать в общем направлении на Гильгенбург-Лаутенбург с целью атаковать противника, находящегося против XXIII и I к-сов., во фланг и тыл. VI арм-у к-су передвинуться в район Пассенгейма". За исключением носящих несколько исторический характер слов „во что бы то ни стало", из содержания этой директивы трудно усмотреть сознание серьезности положения армии, равно как и трудно уяснить себе оперативную идею, положенную в ее основу.

Одной части армии приказано обороняться, другой части наступать, при чем направление наступления совершенно новое на Гильгенбург—Лаутенбург,—фронтом уже не только на запад, а на юго-запад. Напомним, что последнее направление наступления армии было Остероде—Алленштейн, т. е. еще на север. Является, однако, совершенно непонятным, как можно войскам, находившимся на фронте Алленштейн (XIII корпус) — Хохенштейн (XV корпус), приказать наступать на Гильгенбург, ибо три пункта Алленштейн, Хохенштейн и Гильгенбург находятся на одной прямой линии. Нам неизвестно, смотрел ли генерал Самсонов на карту, когда отдавал это приказание; является, однако, очевидным, что это просто стратегическая нелепость. При наилучшем желании корпуса не могли бы выполнить такого маневра и должны были свернуться, в сущности, в комок в районе Хохенштейна с совершенно открытым правым флангом к стороне Алленштейна и совершенно открытым тылом до линии Мазурских озер.

Мы менее всего ищем здесь ф о р м у стратегического построения армии; мы считаем лишь необходимым оценить ту или иную о р г а н и з а ц и ю этого построения: вот эта организация тут именно отсутствовала. Однако, оценивать эту директиву с точки зрения ее стратегической целесообразности, вообще, менее всего возможно, ибо действительная обстановка ни в какой степени не соответствовала тому, что говорилось в директиве; эта обстановка была ген. Самсонову очевидно неизвестна, что ясно проглядывает в приказании VI-му корпусу.

Об отходе I корпуса Самсонов узнал после полудня 27 (14) авг., но ответил на это серьезное событие лишь отстранением от должности командира корпуса ген. Артамонова. Никаких особых оперативных мер принято не было. События же на фронте VI к-са оставались в этот день Самсонову, очевидно, совершенно неизвестными. Таким образом, русское командование вводило 2 армию в боевой день 28 (15) авг., не представляя себе действительно сложившейся обстановки.

Но более всего поражает телеграмма, посланная Самсонову главнокомандующим в полдень 28 (15) авг., т. е. тогда, когда армия была уже на краю своей гибели. Эта телеграмма гласила. «Доблестные части вверенной вам армии с честью выполнили трудную задачу, выпавшую на их долю в боях 25—26 и 27 августа. Приказал ген. Ренненкампфу, который дошел до Гердауэн, войти с вами в связь своей конницей. Надеюсь, что в пятницу 29 (16) авг. совокупными усилиями I, XXIII и XV корпусов вы отбросите противника. 3022“. Какой оптимизм и восторженность, неведомо на чем основанные!

Какая ужасная неосведомленность главного командования о положении тех войск, коими оно руководило!

И это как раз в тот момент, когда от него надо было ждать высшего напряжения своей силы воли и высшего проявления оперативной активности.

Вся операция 2 армии разыгрывалась без непосредственного влияния на нее русского командования, узнававшего о происходящих оперативных событиях задним числом и поэтому лишенного возможности быть действующим фактором, вызывающим события своими оперативными распоряжениями. Такая система управления, оправдываемая иногда под предлогом широкого предоставления инициативы низшим начальникам, объясняется неумением руководить современными массовыми армиями. Именно теперь более, чем когда-либо, требуется строгая централизация оперативной идеи; частная инициатива может быть лишь наилучшим способом ее выполнения в данной обстановке. Если же сражающаяся армия не связана этой единой идеей, если она не чувствует над собой, в лице командования, постоянного объединяющего и направляющего ее к одной цели фактора, она превращается в отдельные разрозненно действующие группы, не могущие объединиться для достижения общей цели и иногда, вследствие этого, гибнущие в то время, когда совместное объединение в бою могло бы их привести к победе.

В подобную бесформенную, ничем не связанную массу превратилась 2 русская армия. Корпуса ее (I и VI-й) отступали с такой безпечностью, как будто это было делом только их самих, а не касалось положения всей армии. XIII корпус, вообще, только гулял и до конца операции не мог найти себе боевого применения, несмотря на то, что рядом с ним XV корпус истекал кровью в тяжелой борьбе. Если бы корпуса руководились сильной, активно участвующей в событиях и старающейся их создавать волей, такие факты были бы, конечно, невозможны. В этом отношении русское командование коренным образом отличалось от германского, которое все время не выпускало из своих рук нити оперативных событий, подчиняя их своевременными и и решительными приказаниями своим оперативным замыслам. Каждый новый оперативный фактор вызывал в германском командовании соответствующее оперативное мероприятие. Именно в этой операции германское командование достигло высшей эластичности своей оперативной мысли, которая неизменно и беспрерывно сопутствовала течению операции, неизменно на нее реагировала и была ее творцом в той степени, в какой вообще может влиять человеческая воля на объективный ход событий.

Итак, в боевой день 28 (15) авг. 2 русская армия вступала, как и в предыдущие дни, без сознания своей единой

оперативной задачи, без сознания господства над ней в лице командования сильной и объединяющей ее воли, без понимания задач своего взаимодействия; а главное вступала с командованием, не осознавшим всей серьезности создавшегося положения. Лишь на рассвете 28 (15) авг. ген. Самсонов получил известие о непосредственной близости германцев к Нейденбургу и полностью уяснил себе положение своего левого крыла. Русские источники не обладают полнотой, которая позволила бы нам судить о том, как протекала с этой минуты оперативная мысль Самсонова. В нашем распоряжении имеется лишь один документ — это телеграмма Самсонова, посланная главнокомандующему в 7 ч. 5 м. 28 (15) авг. и гласившая: «1-й корпус, сильно расстроенный, вчера вечером по приказанию ген. Артамонова отступил к Иллову, оставив арьергард впереди Сольдау. Сейчас переезжаю в штаб XV корпуса в Надрау для руководства наступающими корпусами. Аппарат Юза снимаю. Временно буду без связи с вами».

Первая фраза этой телеграммы констатирует определенный факт, хотя обходит молчанием его значение. Вторая— получает значение следствия, из него вытекающего и содержит определенное решение. В этом отношении телеграмма заслуживает высокого интереса.

Утром 28 (15) авг. перед ген. Самсоновым раскрывается истинное положение его левого крыла. Дорога на Нейденбург во фланг и тыл всей армии свободна; германцы находятся уже в непосредственной близости к Нейденбургу. Что же решает в этих условиях Самсонов?—Ехать на север к впереди дерущимся корпусам, и для чего же? — Чтобы руководить наступлением корпусов. Но каким наступлением, с какой целью и с какими возможностями, если вся армия находилась уже под непосредственной угрозой обхода и окружения? Это остается для нас загадкой, и едва ли находило отчетливый ответ в сознании ген. Самсонова.

В то время, когда рискованное положение армии и угроза ее обхода на Нейденбург выявились со всей отчетливостью, когда надо было немедленно, ради ее спасения, отводить центральные корпуса и с этой целью какими угодно средствами организовать оборону Нейденбурга со стороны Уздау и Сольдау, дабы удержать этот пункт, как лежащий на путях отхода центральных корпусов — в это время вся решимость Самсонова проявляется в том, что он едет для руководства корпусами, дальнейшие наступательные попытки коих становились отныне безцельными и еще более отягчающими их положение.

Конечно, в этом поступке много доблести; командующий армией не желает покидать своих войск и едет к ним. Но ведь, все это происходило в XX веке, а не в наполеоновские

времена. Такое личное геройство является безусловно выдающейся чертой для одиночного бойца; оно не излишне для командующего армией даже в условиях современной войны, но оно не может быть единственным проявлением всей его деятельности. А, ведь, ген. Самсонов утром 28 (15) авг. ничем иным себя не проявил. Новый крупный оперативный фактор не вызвал в нем ни одного нового оперативного решения. Директива от 27 (14) авг., уже совершенно не соответствовавшая обстановке, осталась, в сущности, единственным руководящим указанием для войск 28 (15) авг.

Решение Самсонова можно, конечно, оценивать лишь, как психологический акт, но не акт оперативной решимости полководца, и с психологической точки зрения—это акт отчаяния. Словно капитан тонущего корабля, который, отчаявшись в возможности спасения, оставл ет руль, покидает борт и бросается в воду,—ген. Самсонов, отказавшись от всякого управления войсками и от связи с высшим командованием, бросился в передовые ряды своих войск.

В 8 ч. 28 (15) авг. он выехал на автомобиле с приближенными чинами своего штаба из Нейденбурга в северном направлении на Надрау. В дороге его настигает еще одно зловещее известие: это донесение и д. начальника штаба VI корп. полковника Залесского об отходе корпуса южнее Ортельсбурга. Офицер, привезший донесение, своим личным докладом еще более сгустил краски, передав о беспорядочном отступлении корпуса, которое, как мы уже знаем, произошло еще 26 (13) авг.

Теперь перед генералом Самсоновым раскрылась вся ужасающая картина положения армии: оба фланга были сбиты, а центр находился под угрозой обхода и окружения. Вместе с тем, донесение ком. XV корп. ген. Мартоса говорило о чрезвычайном утомлении войск, жестоких боях у Мюлена и невозможности дальнейшего наступления.

Безнадежность продолжения операции становилась очевидной.

Было 9 ч. 30 мин. Боевой день только начинался; еще можно было, организовав оборону у Нейденбурга из частей 2 пех. вивизии, начать форсированными маршами отводить центральные корпуса. Настал последний срок для решения; история вправе его потребовать от Самсонова в этот час. Но и здесь решения не последовало за исключением частного приказания VI корпусу «удерживаться во что бы то ни стало в районе Ортельсбурга». Заслуживает внимания, что это же приказание к-ру VI кор. далее гласило: «от стойкости вашего корпуса зависит успех наступления XIII и XV корпусов».

Итак, в то время, когда, благодаря новым донесениям, угроза окружения стала очевидной и не могла не раскрыться

даже плохо воспринимающему оперативному рассудку,— ген. Самсонов говорит еще о наступлении своих центральных корпусов. Каким безумным шагом должно показаться это распоряжение команд ющего армией, который, как мы увидим далее, через несколько часов отдал приказ об общем отходе! И в этом последнем его приказе было, в сущности, столько же отчаяния, сколько и в приказании ком. VI корпуса. Выявившиеся во всей своей силе новые оперативные факторы ни чем не вызвали самодеятельности ген. Самсонова. Он предоставил события их объективному течению и проявил полную косность своей оперативной мысли.

Вот что говорит об этом моменте бывший при ген. Самсонове ген. Нокс:—«Прочтя полученное донесение, ген. Самсонов молча погрузился в карту. Затем он вдруг встал и приказал восьми казакам, сопровождавшим его штаб, отдать своих лошадей. Он отвел затем английского генерала в сторону и сказал ему: «считаю своим долгом осведомить вас о том, что положение армии стало крайне критическим. Мое место сейчас при войсках, но вам я советую вернуться, пока это еще возможно, и персдать моему правительству правдивые сведения. Я не могу предвидеть, что принесут ближайшие часы. Но если бы даже суждено было наступить самому худшему, то это не может сказаться на исходе всей кампании...» Отдав затем распоряжение о возвращении всех легковых машин на Вилленберг-Остроленку, ибо Нейденбург находился уже под угрозой, генерал Самсонов сел с семью офицерами своего штаба, во главе с начальником штаба, ген. Постовским, на маленьких казацких лошадей и медленной рысью двинулся в северо-западном направлении к XV корпусу в Надрау.

Между тем, главнокомандующий узнал об отходе I и VI корпусов,и начальник штаба фронта телеграфировал ген. Самсонову: «Главн)командующий приказал отвести корпуса 2-й армии на линию Ортельсбург—Млава, где заняться устройством армии. 2521».

Таким образом, в штабе фронта события оценивались трезво и со всей серьезностью. Время отправления этой телеграммы русскими источниками не устанавливается. Надо, однако, полагать, что оно относится ко дню 28 (15) авг. Но Самсонов ее, очевидно не получил, ибо сам лишил себя с утра этого дня связи с главнокомандующим. Скорее по инерции боевых событий, чем во исполнение какой-либо оперативной директивы, 2 армия продолжала утром 28 (15) авг. сражение почти на всем фронте: I корпус держался своим арьергардом до 9 ч. еще севернее Сольдау. XV и XXIII корпуса приняли утром бой на линии Хохенштейн—Ваплиц—Франкенау. XIII корп. выступил на рассвете из Алленштейна на Хохенштейн на помощь XV корпусу. VI корп., о котором

уже двое суток никто из командиров корпусов ничего не знал, оставался в районе южнее Ортельбурга; он мог быть, в сущности, вычеркнут из боевого состава 2 армии. Что делала в этот день конница 2 армии, остается по сие время невыясненным. Русские источники о ней молчат, немецкие—не упоминают:—очевидно, эта конница бездействовала, как и в первые дни операции.

Быть может, известное влияние на нее оказала телеграмма Начальника Штаба 2 армии генерала Постовского от 21 авг. Она гласила:

«Главнокомандующий приказал: германских железных дорог не разрушать в виду необходимости сохранить их для нашего наступления. № 6249».

Центральные корпуса продолжали 28 (15) августа свое наступление, но бои этого дня были для Самсоновской армии уже не наступательными, а скорее оборонительными. Наступательные попытки центральных корпусов в то время, когда нависшие на флангах армии клещи уже стали сжиматься, германское командование назвало впоследствии «безумными атаками».

В таких условиях началась трагедия гибели армии Самсонова.

ГЛАВА XIII.

Начало конца 28 (15) августа.

(Схема № 4).

> «Главный удар направляют против крыла неприятеля, атакуя его с фронта и фланга или обходя совсем, чтобы атаковать с тыла. Только сбивая его с пути отступления, достигают великих результатов».
>
> *Клаузевиц.*

Тревожно для обеих сторон настал день 28 (15) авг. Тревога одних заключалась в ожидании победы, тревога других—в отчаянии в последней. Германское командование с утра выехало в Фроегенау, ожидая на этом участке решения боя прорывом на Ваплиц, дабы здесь отрезать русским корпусам путь отступления на Нейденбург. Для выполнения этой задачи была предназначена 41 пех. дивизия XX к—са, которая в ночь на 28 (15) авг. сосредоточилась в районе южнее Мюлена, выдвинув свой авангард в восточном направлении. С достижением этой дивизией района Паульсгут—должны были перейти в наступление в северо-восточном направле-

нии прямо на Хохенштейн 3 рез. дивизия и 37 дивизия XX к-са. Ландв. див. фон-дер Гольца должна была из района Бисселен наступать на Хохенштейн прямо с севера: таким образом, в районе между Хохенштейном и Ваплицом русские корпуса должны были быть окружены и прижаты к Ланскерскому и Маранскому озерам. Центральным пунктом сражения сделался, однако, в этот день, вопреки соображениям германского командования, Хохенштейн. Боевые события разгорелись в этом районе уже до восхода солнца.

3 рез. див. заняла исходное положение в районе Гейэрсвальдэ к 3 часам. Густой туман, препятствовавший всякому наблюдению, рассеялся лишь в 7 часов, и только тогда выяснилось, что перед левым флангом дивизии русские оставили имение Яблонкен, бывшее накануне их опорным пунктом. Не ожидая сведений от 41 дивизии, ген. Морген приказал немедленно перейти в наступление. Лево-фланговая бриг. дивизия с двумя легкими батареями неожиданно атаковала правый фланг русского XV к-са и вынудила его к немедленному отступлению на Хохенштейн. Южнее наступала другая бригада, но она встретила сильное сопротивление русских и могла лишь к полудню после ожесточенного боя взять Дроебниц. После полудня дивизия продолжала свое наступление с неослабеваемой энергией на линию Хохенштейн—Лихтейнен, уступом справа от нее наступали на Паульсгут ландв. части ген. Унгерна, а слева—37 дивизия в общем направлении на восток. Севернее Хохенштейна совершенно неожиданно для русских вступила на поле сражения ландв. дивизия фон-дер Гольца.

Таким образом, на участок Хохенштейна против русского XV к-са велся концентрический удар около 4-х герм. дивизий (с севера на юг: ландверная дивизия Гольца, 3 рез. дивизия, 37 дивизия и ландверные части Унгерна). Особенно выгодным оказалось положение ландверной дивизии Гольца, так как она выходила прямо во фланг и тыл русскому XV к-су. Дивизия эта, не закончившая еще своего сосредоточения, наступала в неполном составе, а главное—при малом количестве артиллерии, вследствие чего огневая поддержка пехоты была ничтожна. Ее дебуширование из лесов севернее Хохенштейна прямо в тыл русскому XV к-су было выполненно с большой внезапностью и имело успех; последний оказался, однако, лишь преходящим. Дивизия попала вскоре сама в весьма тяжелое положение. Со стороны Алленштейна ей надвигались в тыл крупные колонны противника: то были спешившие на помощь XV корпусу войска XIII русского к-са ген. Клюева. В итоге—положение голштинских резервистов стало временно даже критическим. Вместе с тем, сказался и неуспех на участке 41 пех. дивизии, наступлению которой на Ваплиц придавалось главное значение. Дивизия не только не смогла

взять Ваплица, но, попав при густом утреннем тумане в огневой мешок, потеряла до 1000 человек пленными и несколько орудий и должна была отступить на Вроново.

Этот успех русских (2 пех. дивизии) был для них единственным светлым моментом в боевой день 28 (15) авг.; но, как тусклая свеча, он зажегся лишь на одну минуту и был тотчас же затушен; безнадежный мрак, распростершийся после этого над армией Самсонова, более уже не рассеивался.

Но, между тем, и положение германцев в центре—именно там, где в этот день ожидалось решение, не обещало успеха; без свежих резервов, которых не было, решение казалось здесь достигнуто быть не может. Это сознание было одним из тяжелых переживаний германского командования: ведь под рукой не было ни одной свободной части; операция проводилась без каких-либо резервов; все было брошено в бой. В этих условиях приходилось единственные надежды все же возлагать на I арм. корпус, действовавший на правом фланге, и I рез. и XVII арм. к-са, действовавшие на левом фланге. Особенно важное значение для исхода боя имел своевременный подход от Алленштейна I рез. к-са, двигавшегося прямо в тыл армии Самсонова. Однако, строить на нем все свои расчеты было неосновательно: корпусу надо было пройти значительное расстояние. Помощь приходилось скорее ожидать от I арм. корпуса. Очевидно, предвидя возможность безрезультатности боев в центре, Людендорф еще в 8 ч. утра 28 (15) авг. указал ген. Франсуа на «необходимость возможно скорее занять Нейденбург и конницей достичь Вилленберга». Эта оперативная идея была и без того руководящей в действиях I арм. к-са. Германское командование переживало, очевидно, тяжелые минуты ожидания.

Но оперативные события изменчивы и преходящи. Одно за другим они выплывают в процессе сражения, и в их умелом и своевременном использовании заключается высшее искусство управления войсками.

В наиболее напряженный момент боя 28 (15) авг. германское командование получило известие, на которое оно мало рассчитывало в этот день: это были события крупнейшей важности на участке 1 арм. к—са. То, что этому корпусу не удалось в продолжении 26 (13) и 27 (14) авг., именно прорыв в направлении на Нейденбург во фланг и тыл армии Самсонову,—тому суждено было осуществиться 28 (15) авг. В сущности, это можно было предвидеть уже накануне, когда 1 рус. корпус отступил, очевидно морально потрясенный, отдав дорогу Уздау—Нейденбург в полное распоряжение противнику. Ген. Франсуа, вообще, плохо мирился с поставленной ему на 28 (15) авг. задачей. Все его стремления были обращены на Нейденбург, где одним ударом можно было решить участь

всей операции. С тем большей энергией и ожесточенностью он начал на рассвете 28 (15) авг. свою атаку против 1 рус. к-са, задержавшегося у Сольдау, ибо его уничтожение являлось средством для осуществления маневра во фланг и тыл центру армии Самсонова.

Уже в 5 ч. утра I пех. дивизия, усиленная бригадой Шметтау, развернулась по обоим сторонам железной дороги Деутш-Эйлау — Сольдау, дабы совместно с войсками Мюльмана, имевшими задачу наступать на Пиерлавкен, атаковать 1 рус. корп. у Сольдау. В 6 ч. 40 м., когда рассеявшийся туман позволил наблюдать за полем сражения, ген. Франсуа отдал приказ о переходе в наступление. 2 див. осталась в корпусном резерве в районе Гр.—Трауерзе. В мыслях Франсуа она была очевидно уже предназначена для движения на Нейденбург. Дивизионная же конница, остановившаяся накануне у Кленскау и усиленная теперь одной батарей и ротой самокатчиков, получила уже с утра приказ наступать через гр. Кослау на Нейденбург, где и отрезать русским пути отступления на юг.

Таким образом, маленькая группа, удовлетворявшая разве составу незначительного разведывательного отряда, должна была на первых порах отрезать пути отступления целой армии. В действительной возможности этого заключался весь трагизм положения последней.

Наступление 1 герм. дивизии ознаменовалось сильным артиллерийским боем у Сольдау, в котором русские принимали сначала активное участие. Вскоре стало, однако, заметно, что они неспособны к стойкой обороне и постепенно оттягивают свои силы на юг. Дело в том, что вновь назначенный командир 1 рус. корпуса генерал Душкевич, очевидно, разделял соображения своего предшественника [1]). Накануне в 19 ч. 15 мин., он доносил о своем намерении отступить на Млаву, мотивируя его „настойчивым наступлением немцев, угнетенным моральным состоянием войск и их усталостью“. Фактически корпус отступал уже тогда в южном направлении, предоставляя генералу Франсуа столь необходимую ему свободу движения на Нейденбург. Лишь только обнаружилось слабое сопротивление русских и их приготовления к отходу, ген. Франсуа сделал из этого тотчас же все необходимые для себя выводы: он отозвал теперь бригаду ген. Шметтау (20 ландв.), предоставив ликвидацию слабо оборонявшегося у Сольдау противника одной 1 пех. дивизии и войскам Мюльмана, а всей 2 пех. дивизии и бригаде

[1]) Артамонов до прибытия ген. Душкевича, бывшего на фронте при своей дивизии, сдал командование корпусом начальнику артиллерии корпуса ген. Массальскому, но фактически продолжал отдавать распоряжения.

Прим. Редак.

Шметтау приказал немедленно начать движение на Нейденбург для осуществления той оперативной идеи выхода во фланг и тыл армии Самсонова, которая оставалась руководящей во всех действиях 1 герм. к-са. 1 дивизия должна была также двинуться на Нейденбург, лишь только противник у Сольдау окажется полностью ликвидированным. С этого момента здесь должны были остаться одни войска ген. Мюльмана.

„Все эти распоряжения были отданы в начале 10-го часа (по документам в 9 ч. 10 м.).

Таким образом, противник у Сольдау еще не был ликвидирован, когда ген. Франсуа большую часть своего корпуса уже двинул во фланг и тыл армии Самсонова. Несмотря на то, что русские проявляли мало стойкости в обороне у Сольдау, 1 герм. див. была поставлена перед ответственной задачей. Ген. Франсуа, однако, без колебания принял решение; он понимал всю важность своего движения на Нейденбург для исхода операции и пожертвовал тактическими интересами своего корпуса в пользу стратегических интересов всей армии. Только глубокое понимание оперативного замысла армейского командования, активность и инициатива сделали действия этого командира столь согласными с планами Гинденбурга и столь соответствующими сложившейся обстановке. Ген. Франсуа был, однако, лишен возможности беспрепятственно выполнить свое решение; слишком изменчиво бывает течение боя. Как раз в то время, когда 2 дивизия и бригада Шметтау должны были выступить на Нейденбург, из штаба армии (Фрэгенау) был получен приказ, сообщавший о неудачах 41 пех. див. у Ваплица и требовавший немедленного направления одной дивизии на Ронцкен на помощь XX корпусу. Приказ кончался припиской: „командующий приказал указанное движение начать немедленно. Обстановка требует спешности“.

По дошедшим до штаба корпуса ложным сведения 41 пех. див. отошла, якобы, даже до Турау, т. е. значительно западнее Вроново. Ген. Франсуа был, таким образом, вынужден одну свою дивизию (2-ю) направить на Ронцкен.

Тем не менее, он не отказался всецело от своего первоначального решения и подтвердил бригаде ген. Шметтау отданное приказание о движении на Нейденбург. 1 дивизия получила дополнительное указание немедленно же по обнаружении отхода русских от Сольдау оставить здесь одни войска ген. Мюльмана и двинуться также на Нейденбург. В 11 ч. 1 пех. дивизия могла уже начать выполнение этой задачи: начавшееся отступление 1 рус. к-са не оставляло более никаких сомнений.

В 13 ч. ген. Франсуа получил через офицера ген. штаба, прибывшего на автомобиле, новый приказ армейского ко-

мандования, который, хотя и оставлял в силе прежнюю задачу поддержки 41 пех. дивизии, придавал, однако, теперь первенствующее значение движению на Лана—Орлау. 1 к-су указывалось вновь на его первоначальную задачу преграждения русским путей отступления на юг, „достижением чего—как говорилось в приказе—корпус мог стяжать себе неоценимые заслуги перед лицом всей армии“. По другому источнику приказ даже гласил: „отныне весь исход операции зависит от 1 корпуса“.

В сущности, за все время развития операции ген. Франсуа усматривал в движении на Нейденбург свою главную задачу. Для выполнения ее им было предпринято все, от него зависящее. Он только считал более целесообразным наступать не на Лана, а на Нейденбург, с целью более глубокого обхода.

В 14 ч. 40 мин. ген. Франсуа получил третий, отданный в 13 ч. 30 мин., приказ армейского командования, согласно ориентировке которого положение в центре изменилось в лучшую для германцев сторону, и центральные русские корпуса начали отступление от Хохенштейна на Ваплищ в юго-восточном направлении. Приказ гласил: „1-й арм. корпус имеет задачу преградить противнику пути отступления на юг, для чего он должен еще сегодня занять своей 1 див. Нейденбург и Мушакен, 2 дивизией Грюнфлис, а конницей и самокатчиками Вилленберг. Следует иметь в виду, что противник, отступающий от Алленштейна, попытается отступить через Вилленберг. Завтра с ранним рассветом 1 корп. должен продолжать энергичное движение на Вилленберг“.

С точки зрения „чистой военной науки“, требующей лишь определения задачи и предоставления полной свободы в выборе средств ее выполнения, этот приказ, как и многие другие, должен быть, пожалуй, причислен к мало удовлетворительным; доктринеры военного дела не преминут в этом смысле и высказаться. Им слишком чужда точка зрения живого, действительного военного дела. А оно таково, что, в интересах цельности осуществление оперативного замысла часто требует строжайшей централизации, требует по духу Шлиффеновской школы управления корпусами и даже армиями, словно батальонами. В данном случае в занятии 2-х—3-х пунктов,—Нейденбург, Мушакен и Вилленберг,—через которые пролегали единственные пути от Алленштейна на юг, заключался весь смысл задуманной идеи окружения противника. Армейское командование предписывает занятие этих пунктов, ясно и конкретно указывая на те оперативные мероприятия, которые должен принять корпус, чтобы достигнуть полного осуществления оперативного замысла в армейском масштабе. Для достижения согласованности в действиях войск и направления их к осуществлению еди-

ной цели, такие детальные указания, быть может и посягающие на компетенцию подчиненных начальников, бывают часто необходимыми. Полководец, избегающий их, грозит превратить свою армию в оперативном отношении в неорганизованную, ничем не объединенную вооруженную массу.

Ген. Франсуа, известный как высокомерный и чрезвычайно самостоятельный командир, не счел указание армейского командования за ограничение своей свободы. В действительной обстановке боя такая постановка вопроса была бы, вообще, нелепой и говорила бы о полной моральной неподготовленности высшего командного состава к выполнению своей задачи.

Итак, до полудня 28 (15) авг. ген. Франсуа успел получить три приказа армейского командования; это явление составляет большой интерес для суждения о системе управления войсками. Оно дает возможность заключать об активном участии командования армии во всех боевых событиях, о беспрерывном учете им новых оперативных факторов и соответствующем реагировании на них. Германское командование крепко держало в своих руках вожжи управления армией, неустанно направляя ее по выбранному пути, обводя ее около препятствий и вновь сворачивая на свободную дорогу.

Как отличается такая система управления от руководства путем издания посуточных директив, когда командиры корпусов в продолжение 24 часов часто оставались без каких либо указаний и должны были действовать на основании одной своей инициативы! Но целесообразное благоразумное проявление последней всегда предопределяет строгую централизацию. Иначе эта инициатива ведет к несогласованным действиям войск и сводится на-нет. Подобные явления ясно усматриваются из действий корпусов 2 армии.

К полудню,—теперь уже по указанию армейского командования,—ген. Франсуа приступил к решительному выполнению той оперативной идеи, которую он лелеял с самого начала своего сосредоточения на правом фланге армии. После полудня его корпусная конница достигла уже Нейденбурга, где атаковала отходившие русские обозы. Командир корпусной конницы подполковник Берринг получил приказ обойти Нейденбург с юга и через Пионткен продолжать движение на Вилленберг. Ген. Шметтау, вступивший в Нейденбург, получил приказание продолжать через Мушакен движение также на Вилленберг; однако, ввиду значительного перехода, отряд заночевал восточнее Нейденбурга. Уже вечером 28 (15) авг. ген. Франсуа прибыл со своим штабом в Нейденбург, стягивая сюда и дивизии своего корпуса.

Желанная цель была достигнута: вместе с тем была решена и участь Самсоновской армии. К вечеру 28 (15) авг.

она была, в сущности, уже окружена, ибо все пути ее отступления на юг были перехвачены.

Между тем, поскольку уже это усматривалось из последнего приказа, полученного ген. Франсуа, обстановка резко изменилась в лучшую для германцев сторону и в центре.

Перелом в обстановке создала здесь 37 пех. дивизия, обеспечившая тыл ландверной дивизии фон-дер Гольца со стороны Алленштейна, откуда подходил XIII рус. корпус. Дивизия Гольца атаковала прямо в южном направлении правый фланг XV рус. к-са на высотах вост. Хохенштейна. Высоты были заняты, и тем самым в значительной степени поколебалась стойкость XV рус. к-са; он начал медленно отходить. В 13 ч. 30 мин. германское командование отдало XX к-су приказ, который гласил: «преследование с линии Вроново-Хохенштейн в направлении на Лана-Куркен». Во исполнение этого приказа ландверные войска ген. Унгерна и 3 рез. дивизия достигли к вечеру 28 (15) авг. без значительных боевых усилий района Гансгорна; южная бригада 3 рез. дивизии достигла даже Паульсгут. Упорные бои вела лишь 6 рез. бригада, вытесняя русских из рощи, западнее Хохенштейна: роща была занята ею на плечах отступившего противника. Одно время здесь возникла весьма спутанная обстановка. В то время, когда 6 бригада уже завладела Хохенштейном, этот пункт был уже с востока обойден ландв. дивизией Гольца, которая, наступая фронтом на юг, перешагнула дорогу, ведущую из Хохенштейна на Шведрих Таким образом, у русских, еще находившихся в районе Хохенштейна (2 бригада 1 пех. дивизии), германцы оказались и с фронта и с тыла. Между тем, и в тыл дивизии Гольца двигались на юг колонны русского XIII корпуса. Лишь вступление на поле сражения 37 дивизии облегчило положение голштинских ландверистов и дало германцам возможность окончательно завладеть районом Хохенштейна и вынудить русских к отступлению.

Большое значение для исхода сражения в этом районе имели, однако, и I рез. и XVII арм. корпуса, коим на 28 (15) авг. была поставлена задача атаковать противника в районе Алленштейна в направлении на запад. Армейское командование считало особенно важным, чтобы атака хотя бы одного I рез. к-са последовала не позже полудня. Оба корпуса наступали с рассветом в западном направлении, — правым флангом I рез. к-са на Алленштейн. Таким образом, они двигались прямо в тыл центральным корпусам армии Самсонова.

Когда ген. Белов на марше узнал об отходе русских из Алленштейна, он тотчас же изменил направление движения своего корпуса на Цасдрос-Стабиготтен, т. е. на юго-запад. Корпус настиг отступавшие части XIII русского корпуса

в районе восточнее Томсдорфского озера. Авангард северной колонны (36 рез. дивизия), наступавшей через Алленштейн, атаковал и рассеял в 13 часов оставленный в последнем незначительный русский отряд—(2 батальона от Дорогобужского и Можайского пех. полков), и, продвигаясь далее в южном направлении, отбросил остальную часть Дорогобужского полка у Доротен. Главные силы 36 рез. дивизии с боями достигли к вечеру района Келярен-Цасдрос. 1 рез. дивизия (южная колонна) атаковала отходившие обозы XIII корпуса на путях к Стабиготтену и продолжала далее движения к этому пункту с незначительными столкновениями. Обе дивизии 1 рез. корпуса заночевали в районе восточнее Томсдорфского озера.

Следовавший уступом за их левым флангом XVII арм. корп. достиг после полудня района Вартенбурга. Приказ армейского командования, переданный здесь ген. Макензену летчиком, давал корпусу новое направление на юг. К вечеру 28 (15) авг. корпус, повернувши круто на Пасенгейм, достиг этого пункта без столкновения с противником.

Итак, день 28 (15) авг. не ознаменовался какими-либо исключительно ожесточенными боевыми событиями. Лишь в одном районе Хохенштейна они носили более упорный характер. Тем не менее, общая совокупность оперативных событий за день окончательно решила участь операции. Решение это, в сущности, назревало с самого ее начала. Настоящее описание именно и ставило своею целью показать динамику и эволюцию военных действий; показать, как постепенно, бесповоротно и неумолимо развитие оперативных событий приводит армию к ее гибели.

После полудня 28 (15) авг. германское командование считало себя победителем. Отданный им в 17 ч. 30 мин. приказ говорил о полном отступлении I рус. к-са на Млаву, о рассеянии XIII, XV и XXIII рус. к-сов в лесах юго-вост. Хохенштейна, о полном уничтожении одной дивизии VI к-са и о полном отступлении остатков его через Ортельсбург на юг. Соответственно этой обстановке германское командование предписывало начать общее преследование: 1 арм. корп. должен был усиленными маршами через Мушакен-Кальтенборн двигаться на Вилленберг-Мышинец, дабы перерезать противнику последний путь отступления на Хоржеле. XX арм. корп. с 3 рез. див. получали направление преследования на Едвабно-Ортельсбург. Ландверные войска ген. Унгерна и Гольца считалось возможным вывести из передовой линии и сосредоточить в районе Хохенштейна,—очевидно, в связи с замышленной операцией против Ренненкампфа. I рез. и XVII арм. к-са также предназначались для этой новой задачи: XVII арм. корп. сосредоточивался на зап. берегу реки Алле в районе Гутштадта, выдвинув

охраняющие части к стороне Зеебурга. I рез. корп. выдвигался на дорогу Алленштейн-Дитрихсвальдэ с авангардом к стороне Вартенбурга. 1 кав. див. должна была оставаться в районе Бишофсбург-Зеебург, разведывая в направлении на Летцен. Тылы 1 рез. к-са базировались при этом на Морунген, а XVII арм. к-са на Прейсиш-Голланд.

Очевидно, в этот день германское командование не только серьезно задумывалось над угрозой со стороны армии Ренненкампфа, но сочло нужным распорядиться о принятии некоторых конкретных против нее мер. К их выполнению нельзя было приступить в тот же день, ибо обстановка, выяснившаяся к вечеру, предостерегала от преждевременного оттягивания войск на север. Бои в районе Хохенштейна окончательно еще не были разрешены: противник продолжал здесь оказывать кое-какое сопротивление. При таких условиях Гинденбург, вернувшись поздно вечером в Остеродэ, изменил свой приказ о перегруппировке против Ренненкампфа, ибо она оказалась еще преждевременной. 1 рез. корп. был одной дивизией подтянут к полю сражения у Хохенштейна, другая его дивизия должна была сосредоточиться восточнее озера Ланскорн в районе Вутринен. XVII арм. корпус был задержан на месте своего ночлега, тыл его обеспечивала у Лаутерна 6 ландв. бригада.

1 кав. див., имевшая еще днем у Рэсселя столкновение с неприятельской конницей, была в 3 часа на рассвете 29 (16) авг. одной бригадой отправлена на Ортельсбург. Полученный ею краткий приказ, между прочим, гласил: ... «Неприятельская армия в беспорядочном отступлении на юг. Необходимо быстрое движение. Конского состава не щадить. Остальная часть дивизии выполняет прежнюю задачу». Главные силы дивизии ночевали западнее Рэсселя. Таковы были распоряжения германского командования в конце дня 28 (15) авг.

Лишь только обстановка выяснила, что противник еще жив и не отказался от сопротивления, германское командование, уже склонившееся к мысли начать стягивание части своих войск против Ренненкампфа, вновь напрягает все свои силы, дабы достигнуть полной и решающей победы над 2 рус. армией, участь коей была и без того решена.

Прошло только три дня от начала германского наступления, а поражение противника было, в сущности, уже совершившимся фактом; более того, армия Самсонова была уже сжата в смертельных тисках. Однако, одной простой победы было недостаточно. Германская доктрина Шлиффена ею не удовлетворялась. Должно было разыграть сражение на уничтожение и дать решающую победу. Эта идея, в сущности, и лежала в основе всего плана операции германского командования. Но только 28 (15) авг. был окончательно выявлен

факт ее достижения и выполнения. Отныне напрягаются максимальные усилия, бросается на поле сражения все, что только возможно, игнорируются все другие задачи,—и все это только для того, чтобы уже достигнутый успех превратить в уничтожающее поражение противника, в его полное окружение, превратить в „Канны“.

Хотя части 1 к-са находились уже недалеко от Вилленбурга, и почти все пути отступления противнику оказывались, таким образом, перехваченными, тем не менее „Канны“ оставались еще под вопросом.

Бой продолжался уже третий день. Считаться и далее с бездеятельностью Ренненкампфа казалось невозможным: ведь, за этот тяжелый для Самсонова день 1 русская армия должна была получить энергичные указания на необходимость скорой и решительной помощи своему южному соседу. И тогда германцам пришлось бы еще разжать когти, все глубже вонзавшиеся в самое сердце армии Самсонова. Возможность полного ее окружения оставалась поэтому проблематичной.

Германское командование это понимало и о достигнутой победе вечером 28 (15) авг. доносило в главную квартиру: «Сражение выиграно. Преследование завтра возобновляется. Окружение северных корпусов, возможно, более не удастся». В этом донесении содержится вся суть происшедших событий—а именно: сражение выиграно—это несомненно; однако, «окружение, возможно, более не удастся»—с этим приходилось считаться.

Подобным же образом оценивал положение сам Людендорф.

О вечере 28 (15) авг. он пишет: «Не оставалось более никаких сомнений, что битва была выиграна. Было, однако, неизвестно, превратится ли она в Канны».

Как бы то ни было, день 28 (15) авг. принес свой окончательный приговор обеим борющимся сторонам.

Армия Самсонова была схвачена в тиски, все глубже и глубже вонзавшиеся в ее тело. Фронт германцев имел к вечеру 28 (15) авг. очертание незамыкавшейся окружности, кончавшейся на севере у Пасенгейма и на юге у Мушакена и глубоко охватывавшей русские корпуса, находившиеся в районе Хохенштейна—Ваплиц. Из этой полуокружности вела ныне на юг лишь одна дорога на Вилленбург; но сжимавшиеся тиски грозили и ее перехватить. Правда, армия Самсонова еще жила и билась, но билась словно жертва в острых когтях неумолимого зверя.

В дальнейшем трагедия должна была развиваться быстро и бесповоротно и показать нам, как схваченная острыми когтями жертва истекла кровью.

Что же происходило в этот решительный день на русской стороне?

Мы знаем, что еще утром ген. Самсонов покинул Нейденбург, дабы взять на себя непосредственное руководство наступлением своих корпусов. Однако, приехав в Надрау, он убедился в безнадежности дальнейшего наступления. Если бы мы могли произвести полный анализ психологии Самсонова в этот день, то, вероятно, нашли бы, что уже утром, уезжая в Нейденбург, он предчувствовал всю неизбежность отступления, а может быть, и гибели. У него не хватило, однако, достаточно сильной воли, чтобы тогда же хладнокровно отдать приказ об отступлении, использовав свое непосредственное участие в столь необходимой для возможности отхода организации обороны Нейденбурга.

Вечером 28 (15) авг. Самсонов отдал приказ об общем отступлении. 2 пех. див. должна была занять позицию у Франкенау, служа боковым авангардом. Под ее прикрытием должен был отходить через Ваплиц-Мондткен на Янов XV корпус. XIII корпус должен был отступать на Куркен-Хоржеле. 1 арм. к-су было тогда же послано приказание перейти в наступление на Нейденбург, дабы освободить здесь пути отступления северным корпусам на юг, а VI корп. должен был удерживаться в районе Ортельсбурга.

Колонны XV и XXIII корпусов начали отступление поздно вечером 28 (15) авг. Однако, так как 2 пех. дивизия отошла от Франкенау к Лана, всякий порядок в движении этих колонн был нарушен, и отступление приобрело все более стихийный характер. XIII корпус получил приказ об отходе в 24 часа 28 (15) авг. и начал его лишь на рассвете 29 (16) авг. Итак, в ночь на 29 (16) авг. центр 2 рус. армии прервал сражение и начал общий отход в юго-вост. направлении. Для центральных корпусов он не явился следствием тактической необходимости, так как русские корпуса не были у Хохенштейна сколько-нибудь серьезно разбиты. Но именно потому, что их заставили драться до последней стратегической возможности, они должны были резко прервать свое до сего времени—хорошо ли плохо ли—веденное наступление и начать общий отход уже не в тактическом, а в стратегическом масштабе. Но главное—этот отход был теперь запоздалым, ибо Нейденбург был уже захвачен, а от Вилленберга, через который проходил последний путь отступления на юг, русские отстояли значительно дальше, чем германцы.

Темной ночью 28 (15) авг. колонны русских корпусов отходили на юго-восток, втягиваясь в лесные пространства. Плохо поддерживаемый порядок вскоре превратил кое-как организованный поход в стихийное отступление измученных, морально надломленных войск, носивших в себе

все признаки полной деморализации. Между тем, на путях отступления их ждало едва ли не большее боевое напряжение: ведь в тылу все пункты были уже в руках противника, и дорога в Россию могла быть куплена лишь ценой новых кровавых усилий.

В то же время в этот критический для Самсонова день армия Ренненкампфа нормальными маршами выдвигалась на линию Фридланд-Шенбрюн-Клинденберг-Шипенбейль-Скандау-Рэссель, откуда она ничем не могла помочь своему гибнующему соседу. Содействие последнему следовало теперь, вообще, признать уже невозможным и запоздалым. Вместе с тем, однако, окончательно решалась участь армии Самсонова и исчезал единственный, казалось столь мощный, фактор, который мог воспрепятствовать превращению достигнутых германцами успехов в «Канны».

ГЛАВА XIV.

Агония 29 (16) августа.

Схема № 5.

> „Решительная победа возможна лишь тогда, когда целью атаки является неприятельский тыл или по крайней мере фланг".
>
> *Граф Шлиффен.*

Рассвет 29 (16) авг. ознаменовал собой начало агонии армии Самсонова. Глубоко обойденная со стороны Нейденбурга, она стремилась теперь лишь к одному,—как бы скорее вырваться из все более сжимавшихся, и грозивших у Вилленберга-Ортельсбурга совершенно сомкнуться, тисков. Весь центр армии превратился теперь в стихийно хлынувшую на юг массу.

Тем не менее, не всюду еще наступила тишина на недавних полях сражения. У Хохенштейна бои подавали признаки жизни; так, во всяком случае, казалось германскому командованию. К вечеру 28 (15) авг. сопротивление русских здесь, правда, заметно ослабело; все признаки их предстоящего отхода были налицо. Отдельные отряды, продолжали кое-где оказывать сопротивление; это казалось германскому командованию тем более серьезным, что силы его войск были также на исходе. В этих условиях ген. Гинденбург решил подтянуть на Хохенштейнское поле сражения I рез. корп. и части XVII арм. к-са., как об этом уже сообщалось в предыдущей главе.

Ген. Белов был со своим корпусом на марше всю вторую половину ночи, двигаясь в тыл русскому XIII корпусу от Алленштейна на Хохенштейн. Своим командирам дивизии он приказал двигаться форсированным маршем и, не дожидаясь особого на то приказания, атаковать противника прямо с похода. В нескольких колоннах, двигаясь по сторонам дороги Алленштейн-Хохенштейн, корпус устремился на доносившийся к нему сквозь тишину ночи шум боя.

Отданный накануне армейским командованием приказ о сосредоточении одной дивизии I рез. корпуса у Вутринена против Ренненкампфа ген. Белов получил лишь на марше. В 6 ч. 30 мин. 29 (16) авг. это приказание было уже отменено. Ген. Белову предписывалось немедленно подтянуть к полю сражения и 36 рез. дивизию, оставив у Вутринена лишь незначительный отряд. При первой возможности эта дивизия должна быть вновь оттянута и сосредоточена южнее Алленштейна фронтом против Ренненкампфа.

В то время, когда армия Самсонова переживала уже свою агонию и могла думать лишь о спасении, германцы напрягали еще большие и последние усилия, дабы достичь полной сокрушающей противника победы. В предвидении последней их энергия продолжала нарастать, хотя, казалось, было уже время подумать об обеспечении своего тыла со стороны армии Ренненкампфа,—тем более, что обстановка теперь не исключала возможности сосредоточения некоторых сил против последней. Но принцип частной победы, как метод достижения максимального и наиболее полного успеха, получил свое решительное применение.

I рез. корп. с рассветом 29 (16) авг. в полном составе спешил к Хохенштейну. Южнее Доротен он имел еще ночью столкновение с арьергардом XIII рус. корп. Утром он атаковал Грислинен, который занял после короткого боя; затем он продолжал наступление на юг в полосе между Хохенштейном и озером Плауциг. Арьергарды XIII рус. к-са оказались здесь в весьма тяжелом положении. С севера их теснили войска ген. Белова, с запада—атаковала 37 див. XX герм. к-са; на востоке озеро Плауциг. Свободной оставалась лишь одна дорога на Шведрих, но и она была вскоре занята вышедшими на нее частями ландв. дивизии Гольца. Все, что находилось в котловине между Хохенштейном и озером Плауциг, попало теперь в руки германцев: здесь сдалось около 7.000 пленных Каширского и Невского полков, одна морт. батарея и многочисленные обозы. Дороги и населенные пункты были последними настолько запружены, что германцам пришлось продолжительное время разбираться в захваченной добыче.

Большая концентрация сил у Хохенштейна породила известный беспорядок и на германской стороне. Хотя, со-

гласно приказания армейского командования, войска ландверной дивизии Гольца и ген. Унгерна не должны были принимать участие в преследовании русских под Хохенштейном и имели задачу сосредоточиться у последнего, тем не менее они были вовлечены в боевые события, что явилось причиной значительной дезорганизации боевого порядка. При наличии отдельных отрядов противника, рассеявшихся по всей местности и оказывавших сопротивление, среди германских войск были также нередки случаи обстрела друг друга. Все это потребовало значительных усилий для водворения порядка.

К полудню 29 (16) авг. длившийся весь предыдущий день бой у Хохенштейна был окончательно завершен. Германское командование рассчитывало отрезать здесь центральным корпусам армии Самсонова пути отхода на юг. Пользуясь своеобразными условиями местности, а, именно—находившимся в тылу русских корпусов озером Плауциг, оно предполагало разрешить участь операции тактическим обходом противника на самом поле сражения в направлении на Ваплиц. Этот план германского командования не удался. В Хохенштейнской котловине были отрезаны арьергарды лишь XIII корпуса; все прочее успело ускользнуть на юг.

Но на линии Нейденбург-Вилленберг отступившие русские корпуса стерегла уже вторая завеса, окончательно отрезавшая им пути отступления на юг. Единственный путь отхода русских пролегал через Шлага-Шведрих-Куркен и, благодаря примыкавшим к этим пунктам озерам, приобретал характер теснины. Однако, весть о занятии Нейденбурга уже распространилась, и потому, несмотря на все неудобства, эта дорога представляла единственную возможность пробраться через Грюнфлисский лес на Вилленберг. На ней теперь столпились остатки трех корпусов (XV, XXIII и XIII). XV-му корпусу была, правда, указана дорога западнее через Ваплиц-Дидрихсдорф-Модткен; однако, эта последняя оказалась к вечеру 28 (15) авг. занятой германцами, почему корпус отклонился на восток на единственно оставшуюся дорогу на Куркен. Но и здесь угрожали уже наступавшие со стороны Ваплица германцы. 3 рез. дивизия наступала одной бригадой из района Гансгорн через Лаутерн на Шведрих и с другой бригадой на Шлага-Куркен. В это время дивизионная конница—ландв. кав. полк полковн. Камеке—был направлен прямо на Шведрих. Теснина последнего была взята с бою, после чего 3 рез. дивизия по пятам преследовала войска XIII рус. к-са на Куркен, который и был ею занят к вечеру того же дня. Многочисленные обозы попали здесь опять в руки германцев. Однако, и тут не удалось перехватить пути отступления главным силам русских корпусов; уже после полудня они успели проследовать через

Куркен и продолжали отступление в юго-восточном направлении, втягиваясь в Грюнфлисский лес, через который пролегали единственные пути на Вилленберг.

Итак, бои в центре были в продолжение 29 (16) авг. полностью завершены.

Тот щит, который должен был выдержать на себе все бремя операции и, казалось, вот-вот согнется под тяжестью падавших на него ударов, выполнил свою задачу до конца. Своими действиями он сковал в районе Хохенштейна главные массы Самсоновской армии в то время, когда нависшие на ее флангах концы стратегических клещей все уже и уже сжимали кольцо окружения, пока к вечеру 29 (16) авг. не замкнули его совершенно у Вилленберга.

В описываемый день события на флангах развивались без всяких осложнений, и соответственно планам армейского командования. Приказ последнего, отданный вечером 28 (15) авг., не был получен в XVII-м корпусе. Ген. Макензен сам донес о своем решении наступать на Едвабно с целью запереть 36 дивизией проходы между Сейвенским и Шоберским озерами в районе Пассенгейма, а 35 дивизией сосредоточиться на путях от Ортельсбурга к Вилленбергу. Получив утверждение этого плана, ген. Макензен выступил со своим корпусом на рассвете 29 (16) авг. в южном направлении. Наступая широким фронтом в четырех колоннах, он достиг в этот день линии озера Косно-Ортельсбург и занял здесь все лесные выходы. Колонна, наступавшая на Ортельсбург, имела столкновение с русской конницей (4-я кав. дивизия), и оттеснила ее совместно с частями I кав. дивизии. Остальные колонны наступали беспрепятственно. Тыл корпуса охраняли у Лаутерна главные силы 1 кав. дивизии. 6 же ландв. бригада была в этот день оттянута к Бишофсбургу.

Таким образом, было сжато кольцо на левом фланге 8 германской армии.

На правом крыле действия I арм. к-са протекали, в общем, так, как это было предположено накануне. На этот корпус выпала доля пожать обильные плоды тяжелых боев в центре. Ген. Мюльман был вновь подчинен непосредственно армейскому командованию и получил приказ обеспечить Сольдау с юга. В занятом Нейденбурге ген. Франсуа оставил лишь два батальона и две батареи. Здесь же он расположился со своим штабом.

Одна пех. дивизия, получившая задачу запереть на линии Нейденбург-Вилленберг все дороги, ведущие с севера на юг, достигла одной бригадой района Данкгейм-Реушведер и заняла таможенный пункт Камерау; вторая бригада сосредоточилась в районе Грегерсдорф-Мушакен-Виэнцковен. Другая дивизия заперла все дороги, ведущие с севера

на линию Бартошкен-Грюнфлис и обеспечила Нейденбург со стороны севера. Передовому же отряду корпуса—войскам ген. Шметтау совместно с конницей 1 к-са—удалось ранним вечером достигнуть Вилленберга, занять его и, тем самым, окончательно замкнуть кольцо, в котором находились остатки Самсоновской армии.

Совершая большие, беспрерывные переходы, войска 1 арм. к-са имели в продолжение 29 (16) авг. многочисленные столкновения с отступавшими русскими колоннами и обозами. Большие массы последних, равно как и пленных, попали в их руки уже в этот день.

Так просто и беспрепятственно совершались 29 (16) авг. события на флангах, принося с собой окончательный приговор над армией Самсонова. Вечером 29 (16) авг. Гинденбург был в полном сознании достигнутой грандиозной победы. Предполагавшееся им окружение у Хохенштейна оказалось лишь частичным; зато занятием линии Нейденбург-Вилленберг оно было достигнуто полностью. Вместе с тем, Канны становились, казалось, совершившимся фактом. Но от своей действительности они были. все же, отделены временем, носящим в себе много изменчивого и неведомого для полководца.

От армии Ренненкампфа потребовались бы, конечно, совершенно исключительные усилия, чтобы спасти остатки армии Самсонова; эти усилия были навряд ли возможны уж по одному расчету расстояния и времени. И тем не менее 29 (16) авг. германское командование было сильно встревожено действиями 1 рус. армии.

В этот день последняя продолжала выдвигаться к западу, выходя беспрепятственно на линию Преусиш-Эйлау-Бартенштейн-Галинген-Бишофштейн. Крупные конные массы корпуса хана Нахичеванского форсировали реку Алле и заняли район Ландсберга. Коменданту крепости Летцен было еще 28 (15) авг. предложено сдаться, что, однако, не имело никакого успеха маленький форт Бойэн продолжал стойко запирать проход между Мазурскими озерами.

Это продвижение 1-й рус. армии вглубь Восточной Пруссии было причиной естественной тревоги германского командования. 29 (16) авг. левофланговые корпуса Ренненкампфа (IV и II-й) отстояли от места бывших боев центральных корпусов армии Самсонова и вместе с тем места их гибели—Грюнфлисского леса,—на расстоянии 70 километров, т. е., при усиленных маршах, на 1½ перехода. Было, конечно, слишком поздно предотвратить поражение армии Самсонова; однако, спасение ее остатков, быть может, могло еще удаться.

Необходимо помнить, что при действиях по внутренним операционным линиям, каковыми в стратегическом масштабе

были действия 8 герм. армии в Восточной Пруссии,—не уничтоженный противник есть противник не побежденный, не предоставляющий полной оперативной свободы, необходимой для атаки неприятеля, наступающего с другой стороны.

Полное уничтожение армии Самсонова, именно «Канны», а не ординарная победа, как говорил Шлиффен—это приобретало для германского командования особенно важное значение. Но для достижения такой решительной победы обстановка требовала теперь значительного обеспечения еще неоконченной операции, дабы она вообще не сорвалась.

Мы уже знаем, что германское командование еще 28 (15) августа было намерено вывести некоторые части из боя, дабы их сосредоточить у Алленштейна фронтом на восток. Однако, неразрешенность боев у Хохенштейна заставила 1 рез. и XVII арм. к-са стянуть к полю сражения, введя в бой все свободные силы. 29 (16) авг. эти войска участвовали в завершении окружения армии Самсонова. К вечеру же этого дня, когда не только полное поражение, но и гибель остатков 2 русской армии стала очевидной, германское командование отдало первые распоряжения для новой группировки своих сил. Это распоряжение легло в основу нового плана операции и новой победы,—теперь уж над 1 рус. армией Ренненкампфа, коей суждено было сыграть такую печальную роль во всей восточно-прусской кампании 1914 г.

В 22 часа 29 (16) авг. германское командование издало общий армейский приказ, в котором объявляло о достигнутой над армией Самсонова победе и в коротких словах выражало свою благодарность войскам.

Далее предписывалось: XVII арм. к-су запереть всю линию Ваплиц (южнее Пасенгейма)—Едвабно-Малга, сосредоточив, однако, свои главные силы юго-вост. Пасенгейма. «Является необходимым XVII арм. корпус сосредоточить на левом крыле армии за линией Алленштейн-Гутштадт»—говорилось в приказе. Также и 1 рез. к-су и 6 ландв. бригаде предписывалось к 30 (17) авг. сосредоточиться в районе Алленштейна и укрепить линию Алленштейн-Вартцаллен. Ландв. дивизия фон-дер Гольца должна была на левом фланге этой линии сосредоточиться уступом за ней, в районе Морунгского озера.

Таким образом, германское командование предписывало к 30 (17) авг. сосредоточение части своих сил против Ренненкампфа на линии Алленштейн-Гутштадт. Остальные войска должны были довершить победу над армией Самсонова. 1 арм. к-су предписывалось продвинуться до линии Малга-Едвабно, оставив в Вилленберге лишь незначительный отряд. XX корпус выделял в резерв армейского командования 41 дивизию; она должна была сосредоточиться в районе Куркена. В армейский резерв

в район Мюлена отводилась также 70 ландв. бригада. 37 дивизия XX к-са получила приказание запереть проходы между озерами Ленау и Сканда. Генерал Мюльман должен был занять Млаву. Наконец, комендант Торнской крепости получил приказание вести усиленную разведку в восточном направлении.

Таковы были распоряжения германского командования на 30 (17) авг.: они предусматривали создание новой, на первое время, оборонительной линии, протянутой к северу и обращенной против Ренненкампфа. Новая группировка сил, оставляя в районе Куркена и Мюлена части XX к-са, имела, однако, в виду и полученные сведения о сосредоточении в районе Варшавы 9 рус. армии, если бы таковая была двинута на север. Кроме того, не следует упускать из внимания, что 29 (16) авг. Гинденбург был уведомлен о назначении на восток двух армейских корпусов и одной кавалерийской дивизии, которые в этот день грузились в Бельгии и в последующие дни должны были прибыть в Восточную Пруссию. Кстати, заметим, что эта переброска, впоследствии столь сказавшаяся на исходе Марнского сражения, была совершена без просьбы о том со стороны Гинденбурга и Людендорфа. Как ныне выясняется, на ней настоял Вильгельм, встревоженный участью своей Восточной провинции и, возможно, внявший просьбе ген. Притвица, который в памятном разговоре с Мольтке 20 (7) авг., действительно, указывал на необходимость резервов.

Итак, вечером 29 (16) авг. германское командование, нисколько не ослабляя сомкнувшегося на линии Нейденбург-Вилленберг-Ортельсбург вокруг остатков армии Самсонова кольца, предпринимало первые шаги к перегруппировке частей своей армии против Ренненкампфа. Одна операция еще не завершена, а другая уже подготавливается—такая беспрерывность оперативной деятельности и неослабевающая энергия должны лежать в основе всяких действий по внутренним операционным линиям.

Германское командование придавало настолько серьезное значение перегруппировке своих частей, что ген. Людендорф сам прибыл к вечеру 29(16) авг. в Хохенштейн, дабы непосредственно отдать все необходимые распоряжения и проследить за правильностью их выполнения. Согласно его указанию, одна бригада 36 рез. дивизии немедленно выступила на Алленштейн, куда прибыла к полуночи. Остальная часть этой дивизии и 1 рез. дивизии заночевали западнее озера Плауциг. 37 див. остановилась на дороге Хохенштейн - Алленштейн. 3 рез. дивизия сгруппировалась в районе Куркен.

Так 29(16) авг. закладывались первые камни для новой операции против Ренненкампфа, который не умел и не смог

согласовать свои действия с наступлением армии Самсонова и должен был теперь один готовиться к бою с уже победившим его соседа противником. Но, вместе с тем, в этот день были сделаны и последние оперативные шаги для превращения достигнутых над 2 русской армией успехов в ее гибель. Части 1 герм. к-са достигли Вилленберга, куда со стороны Ортельсбурга приближались войска ген. Макензена; тем самым, кольцо окружения тесно сомкнулось. Сложившаяся обстановка раскрылась перед русским командованием во всей ее безнадежности и отчаянии. Этот день характеризуется, в сущности, уже отсутствием всякого управления армией со стороны ее командующего ген. Самсонова.

Утром 29(16) авг. мы находим его еще в Орлау, где он объезжал собравшиеся в этом районе войска и, как передают русские источники, благодарил их за службу.

Сердечное отношение к войскам—большая заслуга высшего начальника. Но это отношение ген. Самсонова трудно согласовать с тем суровым критическим моментом, который переживала его армия. Военная история мыслит себе в такие моменты не объезжающего войска и выражающего им свою благодарность генерала, а начальника героическими усилиями спасающего свои войска, используя для этого свое оружие до последней возможности.

Что сделал генерал Самсонов, чтобы спасти остатки своей армии? Он вообще мало сделал за время своего командования; его воля вообще ни в чем и нигде не отразилась на объективном ходе событий; но еще меньше сделал он в эти критические часы.

В 11 час. 30 мин. ген. Самсонов отдал в Орлау приказ, которому суждено было стать последним. Он предписывал форсированным маршем продолжать отход XIII корпусу на Хоржеле, а XV и XXIII на Янов. Движение до Мушакена должны были прикрывать части XV и XXIII корпусов на линии Лана-Бартошкен, дабы иметь возможность эти части отвести в наименее длительный срок. XIII корпусу предписывалось форсированным маршем достигнуть к рассвету района Мушакена и расположиться здесь фронтом на Нейденбург. Общее руководство отходом трех корпусов было возложено на ком. XIII к-са ген. Клюева.

В этом приказе не было, однако, ни единого намека на необходимость объединенных действий остатков трех корпусов, дабы пробиться на юг. Ведь отход состоял ныне не в одном отступательном марше, но и в бое,—бое более тяжелом чем при наступлении. Генерал Самсонов не мог этого не знать, ибо сведения о занятии Нейденбурга и движении германцев на Вилленберг были ему известны. Между тем,—ни единого приказания, организующего объединенный прорыв через линию Нейденбург Вилленберг!

Днем 29(16) авг. ген. Самсонов выехал с офицерами своего штаба из Орлау на Янов, дабы взять снова в руки управление армией.

Вот что рассказывает о его последних часах один из документов, хранящийся в архивных делах штаба 2-й армии:

„16 (29) августа около 1 часа дня ген. Самсонов, послав Клюеву приказание объединить в своих руках управление корпусами на позиции у д. Орлау, выехал со своим штабом по дороге на Мушакен—Янов.

При въезде в лес, что к юго-востоку от д. Орлау, глазам штаба представилась картина, свидетельствовавшая о несомненной панике в тылу. По дороге были разбросаны мешки с хлебом, сухарями, порожние же повозки, на которых их везли спешили в тыл. Вместе с ними спешно отходили и повозки с патронными ящиками, а также отдельные команды боеспособных людей. По приказанию ген. Самсонова, чинами штаба с помощью части казаков конвойной сотни был наведен некоторый порядок: люди были направлены к позиции, патроны и хлеб—в тыл ее.

Командующий армией в это время высказал решение вернуться в д. Орлау для личного руководства войсками на позиции, приказав остальным чинам штаба продолжать движение в прежнем направлении на Янов. Однако, после высказанных ему доводов о необходимости личного руководства всеми корпусами, входящими в состав армии, а не только группой из XIII и XV корпусов, командующий армией, согласившись с этими доводами, решил продолжать движение через Мушакен на Янов.

Вместе с тем, как в эту минуту, так и неоднократно впоследствии, командующий армией высказывал твердое решение покончить с собой, не желая пережить позора поражения армии и влачить, как он выражался, „куропаткинское“ существование.

В лесу выяснилось, что д. Мушакен занята артиллерией и пулеметами противника. Тогда штаб с конвойной сотней свернули на д. Валлендорф, откуда продолжали движение на д. Рентковен и далее на д. Саддек. При выходе из деревни Саддек, ехавший впереди разъезд казаков конвоя был обстрелян пулеметами. Конвой командующего армией состоял из донских казаков, частью второй, частью третьей очереди. При первых же выстрелах казаки немедленно свернули с дороги за кусты. Командующий армией обратился к ним с короткой речью, призывая их к исполнению долга. Полковник Вялов начал их строить, чтобы вести в атаку, но казаки толпой мялись на одном месте, не выражая желания выйти из-за прикрывающих их кустов. Тогда гв. штабс-капитан Дюсиметьер с криком «ура» бросился по направлению к пулеметам. За ним бросились полковник Вялов и часть остальных офицеров штаба. Лишь тогда казаки решились: с громким гиком и криком, с беспорядочной стрельбой в воздух, нестройной толпой понеслись они за офицерами, но, не дойдя шагов 50-ти до пулемета, когда три казака были сбиты с лошадей, они свернули влево в находящийся в этом направлении лесок.

Полковник Вялов, имея помощниками штабс-капитана Дюсиметьера и одного из казачьих офицеров, вновь собрал казаков для вторичной атаки, соединенной с наступлением цепи спешенных казаков с фронта, но генерал Самсонов приказал офицерам штаба оставаться при нем и предоставить руководство атакой казачьим офицерам. Пока казаки готовились к новой атаке, командующий армией решил, свернуть со своим штабом к северу с целью пробраться в направлении на Вилленберг—Хоржеле.

Обойдя д. Канвизен с юга, Самсонов со штабом выехал на шоссе Вилленберг—Канвизен, на котором и остановился в верстах 4-х от Вилленберга. Здесь выяснилось, что Вилленберг также занят отрядом противника с артиллерией.

Таким образом, командующий армией со своим штабом оказывался отрезанным: все направления отхода в тыл были заняты противником. Оставалось либо пробиваться силой, либо пробираться скрытно. От пер-

вого решения командующий армией отказался (курсив наш), так как, не имея под рукой никаких войск, кроме остатка на половину разбежавшейся сотни, рассчитывать на успех открытого прорыва было трудно. «С такой ордой мы не пройдем» — говорил он. (Но, ведь, кроме «орды» позади отступали массы корпусов; их можно было собрать, с ними можно было прорваться. Г. И.).

С другой стороны, представлялось сравнительно не трудным пробраться сквозь неприятельские отряды, расположенные на путях отхода армии, пользуясь темнотой, лесистой местностью, а также и расположением к нам местных жителей поляков.

Командующий армией, остановившись на этом решении, приказал казакам пробираться отдельно от Штаба. (Несомненно такое решение было проще и легче; но разве в данном случае вопрос касался лишь личного спасения. А армия? Г. И.).

В исходе 8 часа вечера командующий армией со своим штабом, отделившись от казаков, перешел пешком в лесок к югу от шоссе Вилленберг—Канвизен, где было решено переждать наступление темноты.

Вместе с ген. Самсоновым находились: ген. Постовский и Филимонов, полк. Вялов и Лебедев, подпол. Андогский, штабс-кап. Дюсиметьер, поруч. Кавершинский, а также есаул Донского войска, фамилия коего неизвестна, и канонир 11 конной батареи Купчик, состоявший при Самсонове вестовым.

С наступлением темноты все вместе двинулись в путь в направлении на Хоржеле. Двигаясь гуськом, преимущественно лесом, направление держали по компасу. Во втором часу ночи дошли до леса, что у д. Каролиненгоф, здесь решили сделать привал и отдохнуть.

После получасового отдыха все встали и двинулись в путь. Ночь была совершенно темная. Ни луны, ни звезд на небе из-за туч не было видно. Все шли друг другу в затылок, причем ген. Самсонов шел обыкновенно в середине. Вследствие темноты приходилось часто останавливаться для проверки по светящемуся компасу правильности направления, причем, все обыкновенно собирались к идущему в голове, где и совещались о дальнейшем движении. Тут же происходила и перекличка. На одной из таких остановок было замечено отсутствие командующего войсками. Немедленно все пошли обратным путем по направлению к месту привала. По пути негромко звали командующего армией, подавали свистки. Таким образом прошли весь путь обратно до места привала, но ген. Самсонова не нашли. Тогда повернули обратно. Снова прошли весь путь до места последней остановки, а затем вторично вернулись к месту привала, но поиски все оставались безуспешными. Тогда решили остановиться у валежника, находившегося около места привала и оттуда продолжать искать группами в разных направлениях, но так как при этом чуть не потеряли друг друга, то поиски было решено отложить до рассвета.

На рассвете снова принялись искать. Бесплодные двухчасовые поиски были прерваны огнем противника, открытым с опушки леса с двух сторон. Пришлось сперва укрыться в лесу, а затем и отойти по указанию местных жителей поляков в том направлении, которое оставалось единственно свободным от немецких патрулей.

Преследуемые огнем то с той, то с другой стороны и обстрелянные пулеметом с автомобиля, крейсировавшего по шоссе, чины штаба подошли к д. Монтвиц, где встретили два эскадрона 6 драг. Глуховского полка и две сотни 6-го казачьего полка, прорывавшихся со штандартами обоих полков к д. Зарембы. Присоединившись к ним, чины штаба и продолжали дальнейшее движение».

Что же стало с генералом Самсоновым?

Отойдя от следовавших с ним офицеров, он темной ночью в 3-ем часу покончил с собой глухим, бесслышным выстрелом из револьвера. Это было в глухом лесу у Каролиненгофа в 4-х верстах юго-западнее Вилленберга.

Генерал Самсонов погиб. В тот момент, пожалуй и еще долгое время спустя, ни один голос не нашел в себе достаточной смелости, чтобы выступить с обвинениями против него, как командующего армией.

Над трупом погибшего солдата принято молчать; таково требование этики воинской чести. Никто не может утверждать, что ген. Самсонов этой чести не заслужил; он был, несомненно, честным и бравым солдатом и свободен, во всяком случае, от того тяжелого позора, которым покрыл себя, например, бежавший от своих войск командир XXIII-го к—са ген. Кондратович. Но для военной истории генерал Самсонов — прежде всего командующий армией. Квалификация его самоубийства, как акта глубокого отчаяния и отсутствия силы воли, дабы героическими усилиями организовать прорыв остатков своей армии, не требует особого доказательства. Для человека такой поступок, конечно, не бесчестен; но со стороны командующего армией он свидетельствует о глубокой неподготовленности к своим высоким обязанностям. На войне есть достаточно возможности погибнуть с честью, и для этого не надо прибегать к самоубийству. Если бы ген. Самсонов нашел в себе достаточно воли объединить войска для организованного прорыва, если бы он вышел с боем из окружения хотя бы с одним полком своей армии, если бы он, наконец, в последнем бою был сражен пулей противника, — история могла бы сказать: да, армия Самсонова потерпела грандиозное поражение; к тому было много глубоких причин; но она все же имела достойного командующего.

Но так не случилось, и так история сказать не может. Наоборот, она говорит: было бы неправильно считать ген. Самсонова и его действия единичными в русской армии: нет, и он и его действия были глубоко типичны. По своему концу они являются, пожалуй, проявлением того самого благородного, что можно было найти в русской царской армии. В подобные критические минуты другие русские генералы поступали иначе: Кондратович бежал от своих войск; в сущности аналогично поступил Ренненкампф, бежавший после сражения под Ангербургом в Ковно; наконец, с первым же выстрелом мортиры, бомбардировавшей эту крепость, бежал комендант ее Григорьев.

Полная неподготовленность к управлению большими вооруженными массами, непонимание самой техники управления, притупленность оперативной восприимчивости и косность оперативной мысли,—все эти черты, так наглядно выявившиеся в действиях ген. Самсонова, были характерны для всей старой русской военной школы. Ген. Самсонов не мог быть в этом отношении исключением; и если он им был, как честный солдат, то разве только в лучшую для себя сторону.

Итак, командующий армией погиб; но в то же время были сочтены часы и остатков его армии, которые теперь превратились в деморализованные массы, утратившие всякое подобие организованной вооруженной силы, имевшей за собой свою историю и свои традиции. Фланговые корпуса 29 (16) авг., в общем, бездействовали. 1 арм. корп. утром получил отданное ген. Самсоновым приказание о немедленном наступлении на Нейденбург. Незначительная часть корпуса (два полка 3 гв. дивизии) выступила, однако, из Млавы, лишь в 18 часов и подошла к Нейденбургу на следующий день, когда остатки самсоновской армии были уже пленены. VI корп. оставался 29 (16) авг. в районе южнее Ортельсбурга, предоставляя частям XVII гер. к-са возможность двигаться на Едвабно и тем запереть восточные выходы из Грюнфлисского леса [1]). Что же касается центральных корпусов, то утратившие всякую веру в свою силу и отчаявшиеся в существовании какого бы то ни было смысла во всем происходящем, они продолжали свой отход, ставший теперь стихийным. После полудня они стали втягиваться в Грюнфлисский лес; молча, словно могила, приняли их лесные пространства. И, действительно, из Грюнфлиского леса остаткам армии Самсонова не суждено было более выйти, ибо все выходы из него были уже заняты германцами.

В 19 час. части XV и XXIII корпусов остановились в двух верстах севернее Мушакена: выходы из леса были уже все под обстрелом противника. XIII-й корпус, утомленный и расстроенный, без единого сухаря, остановился в ночь на 30 (17) у Валлендорфа, где авангард его был также встречен пулеметным огнем. Всюду противник — и всюду огонь. Полное окружение. Наступал конец.

---

[1]) Некоторый свет на роль VI-го корпуса во всей операции, быть может, прольет записка и. д. начальника штаба корпуса полковника Залесского, который еще 25 августа писал в штаб армии полковнику Крымову: «третий день стою в Душы Пущальске. Разведываю свои тылы (!?). Не можете ли сообщить, как долго буду стоять. № 186» (Архив. дело № 13 134).

Г. И.

ГЛАВА XV.

„Канны“, 30 (17) августа.

(Схема № 6)

> «Было дано сражение на уничтожение, и притом—наперекор всем теориям—победа была одержана меньшими силами».
>
> *Шлиффен.*

Настало воскресенье 30 (17) авг.—пятый день сражения; он, казалось, предрешал окончательную и беспрепятственную ликвидацию остатков Самсоновской армии, полное окружение коих было достигнуто уже накануне.

Военное искусство могло в этот день превратиться в ремесло, ибо оно достигло своего высшего предела 29 (16) авг. когда, на линии Нейденбург—Вилленберг—Ортельсбург отступавшим русским корпусам были отрезаны все пути отхода на юг. Стратегически «Канны» были разыграны, оставалось тактически их довершить. Имея перед собой деморализованные и никем не управляемые остатки нескольких русских корпусов, германское командование могло, несомненно, рассчитывать на успешную тактическую развязку, хотя кольцо окружения замыкало на 35-верстном протяжении от Нейденбурга до Вилленберга одна 1 герм. прусская дивизия.

Пятому, и в сущности, последнему боевому дню суждено было, однако, принести германскому командованию новые и под час тяжелые испытания. «Психика полководца—говорит по этому поводу Людендорф—находится под влиянием многих внешних впечатлений. Полководец должен поэтому обладать крепкими нервами».

30 (17) авг. не дало в этом отношении германскому командованию отдыха. Когда на рассвете части I рез. и XVII арм. к-сов приступили к выполнению предписанной им перегруппировки, сосредоточиваясь к Алленштейну, германское командование получило три тревожных донесения: одно сообщало о наступлении армии Ренненкампфа; другое—о наступлении, очевидно, собравшихся частей VI русск. к-са на Ортельсбург, и, наконец, третье, наиболее тревожное, говорило о наступлении крупной колонны противника от Млавы на Нейденбург. Очевидно, русское командование принимало героические меры, чтобы спасти окруженные остатки армии Самсонова и вырвать их из пасти противника.

30 (17) авг. было для германцев днем боя за захваченную добычу, днем боя за «Канны». Стратегическая проблема этого дня сводилась для германского командования

к тому, чтобы окончательно овладеть той добычей, которая была им уже схвачена и которую пытались теперь еще вырвать; — в этом же заключалась при создавшейся обстановке и тактическая проблема Канн. Из полученных сведений наиболее важное значение имело то, которое сообщало о наступлении армии Ренненкампфа, ибо эта последняя могла не только сорвать в сущности уже завершенную операцию против Самсонова, но представляла серьезную угрозу для самих германцев.

Ранненкампф получил 29 (16) авг. два приказания. Первое в 7 часов гласило: «Ввиду тяжелых боев, которые ведет 2-я армия, глав-ком. приказал выдвинуть Вам ей на поддержку два корпуса, а кавалерию направить в общем направлении на Алленштейн». В 11 часов новое приказание говорило: «2-я армия отошла, потому главком приказал приостановить дальнейшее выдвижение выдвинутых вперед двух корпусов».

В итоге встревоженное германское командование имело с востока не наступающую, а, в сущности, оттягивающую свой левый фланг армию Ренненкампфа, ибо в продолжение 30 (17) авг. ее левофланговые корпуса — IV и II — отошли опять на линию Гр.-Шенау – Растенбург. И только крупные ее конные массы продолжали в этот день, по указанию Главнокомандующего, продвигаться вглубь Восточной Пруссии прямо на запад и юго-запад, имея здесь задачу выяснить положение войск генерала Самсонова, о коих в штабе фронта ничего не было известно.

Корпус хана Нахичеванского занял район Вормдит-Гутштадт; его разведывательные эскадроны были уже на путях к Алленштейну. Это обстоятельство, равно как и усиленная деятельность русского XX корпуса на реке Дейме против выдвинутых частей кенигсбергского гарнизона, создавали в штабе 8 германской армии впечатление серьезного наступления Ренненкампфа. Значительную опасность для положения 8 армии представляло собою занятие неприятельской конницей линии Вормдит-Гутштадт и приближение ее к важному железнодорожному узлу Морунген, занятие коего поставило бы германцев в весьма серьезное положение К охране линии Морунген-Алленштейн были привлечены войска ген. Унгерна и переброшенные к тому времени в этот район мелкие части гарнизонов Данцига и Мариенвердера; все эти войска поступили в распоряжение этапного инспектора, получившего специальное задание по обороне тыловых путей армии.

При таких условиях перегруппировка, предписанная германским командованием вечером 29 (16) авг., приобретала значение тем большей важности. Между тем, вести шедшие с юга, где 1 арм. корпус и части XVII корпуса держали

остатки Самсоновской армии в окружении в Грюнфлисском лесу, мало благоприятствовали этому. XVII корпус, предполагавший 30 (17) авг. продвинуться своим левым флангом еще более на юг, дабы у Вилленберга войти в непосредственную связь с войсками 1 корпуса, был отвлечен к стороне Ортельсбурга, где разбитый в предыдущие дни VI рус. корпус, казалось, обладал еще силами, чтобы вновь повести наступление. И, действительно, получив еще 28 (15) авг. последнее приказание Самсонова, командир VI корпуса ген. Благовещенский подтянул 29 (16) авг. свою 16 дивизию к озеру Вальдпуш, готовясь к атаке Ортельсбурга. В 11 ч. 30 (17) авг. он получил, однако, приказание главком. о немедленном сосредоточении к Вилленбергу для содействия ген. Самсонову. 4 кав. дивизия должна была наступать на Пассенгейм. Приказание кончалось припиской: „главком. требует энергичного выполнения поставленной задачи и скорейшего открытия связи с ген. Самсоновым".

Итак, корпус должен был сосредоточиться к Вилленбергу; в этом пункте он мог, конечно, по кратчайшему направлению разорвать кольцо, окружавшее остатки Самсоновской армии. 16 див. корпуса ночевала на 30 (17) авг. южнее Ортельсбурга в 20 *км* от Вилленберга. 4 див. ночевала в районе Фюрстенвальде (т.-е. на расстоянии 20 *км* от 16 дивизии) и находилась от Вилленберга на расстоянии 15 *км*.

После полудня корпус мог сосредоточиться к Вилленбергу, и хотя в это время массовое пленение остатков армии Самсонова уже началось. все же „Канны" могли быть еще разрушены. В 14 ч. ком. VI кор. получил вторичное приказание о немедленном движении на Вилленберг: очевидно, на VI корпусе лежала в этот день огромная ответственность за судьбу окруженных частей армии Самсонова. Но бой под Ортельсбургом был начат с утра и вяло продолжался до 17 часов.

Между тем, Гинденбург, оповещенный о событиях на левом фланге, приказал Макензену решительной атакой немедленно покончить с противником у Ортельсбурга и лишь затем быть готовым к предположенной перегруппировке. Макензен и без того отправилл на Ортельсбург свою 36 пех. дивизию. 35 див. продолжала своим левым флангом движение к Вилленбергу, где частями своей 70 бригады вошла в непосредственную связь с войсками 1 корпуса. 36 дивизия вступила у Ортельсбурга в бой с 16 русской дивизией. В тыл последней была, кроме того, из Вилленберга брошена конница 1 арм. к-са. В итоге, после полудня русские были у Ортельсбурга вынуждены к обороне, а затем и к отступлению. Также и 4 кав. дивизия, не доходя Пасенгейма, была отброшена частями XVII корпуса. Все

признаки моральной неустойчивости были в этот день в VI корпусе налицо; да после его поражения в дни 26 (13)—27 (14) авг. трудно было и ожидать другого, ибо в основе моральных сил лежат глубокие и более или менее устойчивые социальные факторы,—однако, отнюдь не настроение минуты.

Лишь к полуночи корпус, деморализованный и едва ли боеспособный, сосредоточился на линии Липовец-Баркен в 10 *км* вост. Вилленберга. Теперь было, однако, уже поздно: армии Самсонова более не существовало. В ночь на 31 (18) авг. корпус получил приказ отходить на Мышинец и, преследуемый противником, отступил прямо на Остроленку

Так кончилась попытка разорвать германское кольцо у Вилленберга и тем спасти остатки армии Самсонова.

Между тем, в тот же день слабая и редкая цепь 1 герм. дивизии, окружавшей Грюнфлиский лес с юга, выдерживала еще один напор у Нейденбурга. Положение германцев было здесь особенно тяжело, ибо в Нейденбурге, где пребывало и командование I корпуса, находились лишь два батальона пехоты.

Утром 30 (17) авг. военный летчик сбросил над Нейденбургом сообщение о наступлении крупной колонны всех родов войск, оцененной в один корпус, из Млавы, при чем в 10 ч. утра хвост колонны находился в 1 *км* севернее этого пункта. Здесь, действительно, вновь наступал 1 рус. арм. корпус, тот, который нес на себе самую большую долю ответственности за окружение цент альных кор усов 2 армии. Но был ли он готов теперь искупить свою вину? Утром 29 (16) авг. в корпусе было получено последнее приказание ген. Самсонова о немедленном наступлении на Нейденбург. В 18 часов того же дня из Млавы выступила часть 1 корпуса (два полка 3 гв. дивизии, семь батальонов 1 стр. бригады и часть артиллерии). Остальные части, сильно утомленные и растроенные, должны были выступить на следующий день.

Около полудня 30 (17) авг. голова колонны 1 корпуса достигла Кандиена в 5 *км* южнее Нейденбурга. Ген. Франсуа оказался в серьезном положении. Под рукой у него были лишь два батальона, коими он немедленно организовал оборону южнее Нейденбурга. Кроме того, он тотчас же подтянул к этому пункту батальон с батареей, стоявшие в Грегерсдорфе и все сосредоточенные в Грюнфлисе свободные части 2 пех. дивизии. Наконец, ген. Мюльман получил приказ, через Саберау, немедленно выступить на помощь. Штаб корпуса перешел в Модткен. Поняв всю серьезность положения, Франсуа решился дать отпор новому наступлению 1 рус. к-са, отнюдь не ослабляя 1 дивизии, оцепившей

Грюнфлиский лес. Для тактического завершения стратегически достигнутых «Канн», 1 дивизия имела решающее значение; поэтому в критические часы 30 (17) авг. Франсуа не уменьшил ее боевого состава ни на один батальон. Между тем, в Остероде в штабе 8 армии были сильно озабочены создавшейся у Нейденбурга обстановкой. Срочная телеграмма Гинденбурга оповестила Франсуа о предоставлении в случае надобности в его распоряжение всех свободных резервов армии, т.-е. ландверных войск Унгерна, дивизии фон-дер-Гольца, 41 и 3 рез. дивизий. Людендорф предполагал даже через Вилленберг сосредоточить к Нейденбургу бо̀льшую часть XVII-го корпуса. Германское командование было готово еще раз, игнорируя Ренненкампфа, бросить на Нейденбург все свои свободные силы—лишь бы вырвать у противника полную и решительную победу. Оно, без сомнения, сделало бы это, если бы к тому вынудила обстановка.

Однако, Франсуа мог сам справиться со своей задачей. Медленно и осторожно наступали русские войска на Нейденбург, сдерживаемые тремя прусскими батальонами. Поздно вечером 30 (17) авг. им удалось даже занять Нейденбург. От плененных, но естественно еще находившихся на поле сражения корпусов армии Самсонова их, отделяло теперь ничтожное расстояние, около—15 *км* и дальнейшее безостановочное, энергичное продвижение на Напивода и Мушакен, хотя бы в ночной темноте и сверх-человеческом напряжении своих сил—должно было сознаваться личным составом 1 рус. корпуса, как непременная и святая обязанность по отношению к погибающему боевому товарищу. Пусть человек уже тонет, пусть он уже захлебнулся – все же это ни у кого и никогда не может отнять моральной обязанности его спасать. Но это чувство долга, столь необходимое в военной среде, повидимому, мало культивировалась в русской армии.

Заняв Нейденбург, части 1 корпуса остановились. Правда, было уже поздно и надвигалась ночь; войска же устали. Но что могли значить эти условия, по сравнению с гибелью нескольких корпусов. Наконец, и германцы, ведь, устали не меньше. Какой же смысл было вообще наступать на Нейденбург и занимать его, если войска остановились на таком расстоянии от плененных корпусов, откуда им только оставалось протянуть руку. Всю ночь простояла 3 гв. дивизия севернее пылавшего в пламени Нейденбурга, пока после полуночи начальник ее, Сирелиус, под влиянием полученных им сведений о гибели центральных корпусов Самсонова, решил, что дальнейшее его выдвижение является запоздалым; а движение со стороны Сабера у бригады ген. Мюльмана ставило его самого в трудное положение, и потому, не дожидаясь рассвета 31 (18) авг., он, вопреки приказанию вре-

менно командующего корпусом, отошел прямо к Млаве. Его отступление было настолько поспешно, что в руках войск ген. Франсуа осталось до 500 пленных. Между тем, и прочие части корпуса, двинутые на Мушакен, получили приказание вернуться.

Германское командование не ожидало такого легкого разрешения наступившего у Нейденбурга кризиса и отдало после полудня приказ о движении некоторых частей на юг. К вечеру 30 (17) авг. войска ген. Унгерна сосредоточились северо-западнее Нейденбурга, дивизия фон-дер Гольца—южнее Ваплица, 41-я дивизия—южнее Бана. Итак, германское командование все же решилось на это сосредоточение, отказавшись от предположенной перегруппировки своих частей против Ренненкампфа. Эта перегруппировка была к вечеру 30 (17) авг. выполнена лишь частично: в районе Алленштейна сосредоточились 1 рез. корпус и 37 дивизия; 6 ландв. бригада, находясь на путях к этому пункту, достигла Вартенбурга. К рассвету 31 (18) авг. ген. Франсуа располагал уже значительными силами. Полученный им еще ночью 30 (17) авг. приказ, сообщавший о сосредоточении указанных сил, гласил: «все эти войска поступают в ваше распоряжение для проведения решительного наступления». Однако, отход 1 рус. корпуса к Млаве еще перед рассветом 31 (17) авг. сделал выполнение этого приказа ненужным.

Так кончилась вторая попытка выручить погибающие корпуса 2 русской армии. Русское командование имело 30 (17) авг. возможность прорвать германское кольцо окружения, сжимавшее в своих тисках остатки армии Самсонова, на двух флангах: у Нейденбурга и у Вилленберга. От энергичных, смелых и быстрых действий зависело, удержится ли тонкая линия германского кольца окружения, либо она будет разорвана, открыв остаткам Самсоновских корпусов пути отхода на юг. Но этих быстрых и решительных действий не было: моральная неустойчивость, отсутствие сознания важности выполняемой задачи, отсутствие решимости хотя бы пожертвовать собой, но спасти погибающего—все то, что нам раскрылось в действиях русских войск с самого начала операции, не было исключением и в этот грозный для армии Самсонова день ее гибели. И в то время, когда два русских корпуса, словно человек, который, стоя на берегу реки, видит утопающего, но боится броситься в воду, своими нерешительными действиями как будто старались, но не могли спасти остатки армии Самсонова,—в 15-20 верстах от них в Грюнфлисском лесу разыгрывался последний акт великой трагедии.

Сквозь частые высокие сосны Грюнфлисского леса восходящее солнце 30 (17) авг. осветило своими лучами изнуренные и деморализованные остатки армии, которая неделю

тому назад, свежая и только что покинувшая свои мирные казармы, переступала границы Восточной Пруссии. Теперь это не были более организованные войска. Ночью на узких лесных дорогах все успело перемешаться. Люди различных частей, артиллерия и обозы—все составляло ныне одну массу, настолько деморализованную и изнуренную, что властвовавшая над ней накануне паника сменилась теперь в большей части колонн бессильным отчаянием, граничащим с полной апатией. При таком моральном настроении попытки организованного прорыва были исключены; войска не были более способны к бою. Лишь отдельные отряды пытались к утру 30 (17) авг. с боем прорваться на юг. Кое-где они имели даже успех; слишком слаба была редкая цепь 1 герм. дивизии на шоссе Нейденбург - Вилленберг. У Калтенборна и Валлендорфа германские заставы были даже опрокинуты; частями 36 дивизии XIII русского корпуса были даже взяты пленные и несколько орудий. По полевым дорогам и тропинкам,—ибо все крупные пути были заняты,—хлынули тогда отдельные отряды на Мушакен-Рендковен-Канвизен. Но то не была вся масса отступающих войск, большая часть коих предпочла остаться в лесу и отдаться воле судьбы. На линии Грюнфлис-Грегерсдорф и Мушакен отступившие отряды встретили сильное сопротивление германцев и были вынуждены обратно отойти к Грюнфлискому лесу. К полудню 30 (17) августа, изнуренные и обессиленные, они начали сдаваться в плен.

Части XV и XXIII корпусов были пленены в районе д.д. Валлендорф, Улешен, Мушакен. Разрозненные части XIII к-са попадали в плен в том же районе в течение всего 30 (17) авг. и до рассвета следующего дня. Само пленение и обезоружение давало еще богатые примеры высокой доблести и мужества отдельных русских солдат. Попытки отдельных отрядов прорваться через линию 1 герм. дивизии имели место всю ночь на 31 (18) авг. Особенно ожесточенны были они в районе Канвизена и Пухалловен. Но лучшая солдатская доблесть не могла принести теперь спасения.

Первые лучи восходящего солнца 31 (18) авг. осветили в районе Мушакен Канвизен жуткую картину разыгравшейся здесь драмы. «Сотни трупов русских воинов покрывали местность; по полям блуждали худые, изнуренные, оставленные лошади. По краям дорог и в деревнях нашли себе приют изнеможенные и обессиленные русские солдаты. У Мушакена—увязшая тяжелая русская батарея; около нее убитые в упряжи лошади и несколько убитых русских артиллеристов и пехотинцев; среди последних крупная фигура командира 24 пех. полка 6 дивизии. И невдалеке от батареи трупы германских солдат, очевидно, ее атаковав-

ших. Наконец, всюду огромные массы военного материала, оставленные повозки, брошенные пулеметы и орудия» [1]).

А вдали молчаливый Грюнфлиский лес хранил в себе великую тайну в нем пережитого накануне.

На шестой день закончилась грандиозная жестокая борьба двух армий; одна из них была окружена и погибла. «Канны» совершились. Большая часть армии Самсонова была уничтожена и пленена: 90.000 пленных [2]) при 500 орудиях и 200 пулеметах, 40.000 убитых и 30.000 раненых—вот, что стало с армией Самсонова.

Днем 31 (18) авг. Гинденбург доносил в главную квартиру германской армии:

«Доношу, что вчера кольцо вокруг большей части русской армии замкнулось. До сего времени взято 60.000 пленных, среди коих командующие генералы XIII и XV корпусов. Многочисленные орудия находятся еще в лесах и собираются. Военная добыча, еще не подсчитанная, велика. Находившиеся вне кольца окружения I и VI корпуса противника также сильно пострадали и находятся в паническом отступлении на Млаву и Мышинец".

Генерал фон-Бенекендорф фон-Гинденбург.

К полудню 31 (18) авг. летчики принесли известие об отступлении армии Ренненкампфа на всем фронте на восток.

Германское командование предписывало своим войскам немедленно закончить сосредоточение против Неманской армии противника. Им руководила одна мысль: от боя к бою, от победы к победе.

---

[1]) François. Tannenberg und Marneschlacht.

[2]) Из них I-й дивизией были пленены до 60.000 человек, а XVII-м корпусом до 30.000.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

> «То, что делает гений, должно быть высшим правилом; теории не остается ничего лучшего, как объяснить, каким образом и почему это именно так».
>
> *Клаузевиц.*

Перед нами раскрылась вся эволюция операции 8 германской армии против 2 русской,—операции, завершившейся полным окружением и гибелью большей части последней.

20 (7) авг. 8 армия имела неуспех, из коего отдельные ее части, как, напр., XVII арм. корпус, вышли сильно потрясенными. В ночь на 21 (8) авг. ген. Притвиц отдал приказ об общем отходе, намереваясь сначала отступить за Вислу. Это решение он изменяет 22 (9) авг.; но в это время управление армией переходит к новому командованию, в лице Гинденбурга и Людендорфа.

От отступления армия резко и решительно переходит к контр-наступлению против нового противника, двигавшегося с линии реки Нарева. 24 (11) авг. фронт против Ренненкампфа почти оголяется и вся 8 армия сосредоточивается против наступающих корпусов ген. Самсонова, имея первоначальной задачей охвата их левого фланга с целью дальнейшего движения в их тыл на Нейденбург. 26 (13) авг. сосредоточение закончено и армия переходит на правом крыле и в центре в наступление.

Два тяжелых, мучительных дня кризиса сражения.

Но к 28 (15) авг. оба фланга Наревской армии, эти столпы, обеспечивающие всю ее стратегическую состоятельность, окончательно сбиты и Самсоновские корпуса начинают сжиматься в германских тисках. 29 (16) авг. германское кольцо замкнуто. 30 (17) авг. гибнут остатки Самсоновской армии.

Французы старались умалить значение этой операции, объясняя достигнутое Гинденбургом окружение счастливым стечением обстоятельств—именно неподготовленностью и несерьезностью русских войск, как вооруженной силы. Они говорят, что если бы Ренненкампф продолжал свое энер-

гичное наступление, то был бы окружен не Самсонов, а Гинденбург [1]).

Конечно, если бы русское командование и войска не уступали германской стороне, навряд ли была бы разыграна операция Гинденбурга. Именно последняя доказала огромное превосходство германской армии над русской [2]), и это является основной причиной возможности достигнутой германцами победы. „Ганнибалам нужны Варроны“—так говорил еще Шлиффен. Но от этого никакой Ганнибал, если он только привел свои войска к Каннам, не перестает быть Ганнибалом. И тем не менее вопрос о доли активности германского командования и войск в разыгранной операции остается, в конце концов, наиболее существенным для ее оценки, как образца военного искусства.

Простая случайность, разыгравшаяся помимо воли и планов германцев, или сознательно руководимая операция—этот вопрос сохраняет все свое значение.

Когда в октябре 1914 года испанский военный атташе майор Бальдивиа спросил Людендорфа, была ли операция против армии Самсонова проведена по ранее разработанному плану, — генерал Людендорф ответил: „конечно нет“. Бальдивиа был поражен, а вместе с ним и многие в противостоявшем тогда Германии лагере. Только истый ученик школы Шлиффена мог понять всю нелепость подобного вопроса, и только чуждый этой школе офицер мог подобный вопрос задать.

„Лишь глупец может полагать, что является возможным проводить операцию с начала до конца, согласно заранее принятого, в деталях разработанного и полностью выдерженного плана“—говорит Мольтке.

Именно, если бы операция против армии Самсонова протекла строго по заранее разработанному плану, она была бы простой случайностью, ибо война есть поистине „вечное непостоянство и постоянная изменчивость“.

Предусмотреть в ней что-либо далее первого столкновения с противником абсурдно и невозможно; если бы последующие события совпали с заранее предусмотренными, это была бы простая случайность.

Именно германская военная школа, в основе коей лежит формула Мольтке „стратегия есть система подпорок“, является, говоря словами Шлиффена,—„громким протестом

---

[1]) Лишь один генерал Бюа признает в своем труде о Людендорфе эту операцию германцев классическим образцом военного искусства. Так же отзывается о ней и Дюпон. Г. И.

[2]) Такое утверждение возможно будет лишь после того, как будет вскрыта вся тактическая сторона операции. 70 тыс. убитых и раненых на 200 тыс. бойцов—цифра красноречивая, мимо которой пройти нельзя.

Прим. Ред.

против всех тех, которые в принципах теории, в предвзятых приемах метода, в действиях по внутренним или внешним операционным линиям, в охвате или прорыве видят могущественное средство победы". Именно это основоположение германской школы является утверждением того, что каждый случай на войне является случаем отдельным, может быть, сходным с каким-нибудь другим, но далеко неодинаковым и потому требующим отдельных и по целесообразности ему более соответствующих оперативных мероприятий, — является утверждением полной свободы полководца в выборе тех средств, коими он полагает возможным достигнуть победы.

Полководец, который бы захотел всегда действовать, согласно своему заранее разработанному плану, был бы дегенератом военного дела, безжизненным догматиком и доктринером, которого военная история не раз жестоко карала. „На войне мы встречаемся с независящей от нас волей противника"—говорил Мольтке. Бороться же с ней по заранее предвзятым планам значило бы действовать просто впустую и, в конце концов, полностью покориться ей. Полководец должен обладать свободным, гибким и восприимчивым рассудком, способным своей собственной творческой силой ежеминутно реагировать на беспрерывно сменяющиеся и заранее не учитываемые объективные условия обстановки боя.

Эволюция германского плана операции, — именно эволюция, а не принятие его в один определенный день и час,— показывает, какое беспрерывное участие принимало в течение оперативных событий германское командование, как беспрерывно реагировало оно на каждый новый оперативный фактор, каким восприимчивым и гибким, способным к неиссякаемой творческой деятельности, рассудком обладало оно в противовес косному, догматическому рассудку русского командования.

Идея проведения главного удара против левого фланга Самсонова была принята с самого начала, но в этом заключался лишь план операции до первого столкновения с противником. А план проведения этой операции? Он беспрерывно эволюционировал под влиянием учета новых факторов обстановки и пережил даже момент, когда центр тяжести ее был перенесен под Хохенштейн.

Операция развивалась естественно и свободно, как дерево, питающееся в своем росте силами природы. Она не явилась догматическим, не считающимся с внешней обстановкой оперативным действием по заранее разработанному, предвзятому плану—и в этом вся ее сила, как образца военного искусства. Но, вместе с тем, мы не укажем во всем течении операции ни одного хотя бы мелкого оперативного события, которое не было бы вызвано сознательным распоряжением

германского командования, как его реакция на какой-либо новый оперативный фактор.

Переберем в памяти все наиболее яркие моменты в течение операции, так или иначе определившие ее исход: атака 1 герм. корпуса у Уздау; движение 1 рез. и XVII арм. корпусов на юг и их атака у Бишофсбурга; движение 1 рез. корпуса на Алленштейн в тыл русскому XIII корпусу; атака в центре у Хохенштейна; движение ген. Франсуа на Нейденбург и Вилленберг с целью пересечения русским корпусам всех путей отступления на юг и их окружения; наконец, продвижение XVII армейского корпуса к Вилленбергу с целью окончательно замкнуть кольцо окружения вокруг остатков армии Самсонова—все это последовало по приказанию германского командования.

Было ли в действиях германских войск в этой операции хоть что-либо случайное? — Нет. Но были ли эти действия предусмотрены заранее разработанным планом операции?— Тоже нет.

В этом и только в этом заключается вся ценность восточно-прусской операции 1914 г., как величайшего образца военного искусства, не говоря уже об объективном значении ее, как завершенных „Канн“.

В этой операции не было ничего постоянного, предвзятого и неизменного, кроме неизмеримо сильной и могущественной воли германского командования довести дело до полной победы. Во имя этой идеи Гинденбург почти совершенно оголил фронт перед Ренненкампфом, отдавая приказание о движении на юг 1 рез. и XVII арм. корпусов; во имя ее же он готов был в последний момент 30 (17) авг., игнорируя наступающие части Ренненкампфа, бросить под Нейденбург все свободные резервы.

Сильная, могучая воля была основным фактором германской победы; она одна была постоянной величиной во всей изменчивости разыгравшихся событий. Операция Гинденбурга является ярким доказательством блестящей мысли Мольтке, что «на войне от самого начала военных действий все непостоянно и непрочно, кроме воли и силы стремления полководца».

Сильная воля к победе была во всем течении операции единственным фактором, на основе коего изменчивость оперативных событий могла быть скована осуществившейся идеей «Канн».

Вот почему на вопрос: простая ли случайность, разыгравшаяся помимо воли и планов германцев, или сознательно предусмотренная и предварительно разработанная операция?— мы отвечаем: ни то, ни другое, а сильная и могущественная воля довести сражение до полной, уничтожающей победы.

И тут перед нами встает другая проблема военного дела.

Под войной принято обыкновенно разуметь социальное, политическое, экономическое и, в общем, материальное явление. Но такое определение страдает чрезвычайной неполнотой. В нем отсутствует вся доминирующая сущность военного дела—именно моральный фактор. В итоге он, конечно, тоже сводится к комплексу социально-экономических явлений. Но, как таковой, для уразумения природы войны, в себе он должен быть отмечен совершенно отдельно и с этой точки зрения война есть, во-первых, явление моральное и психическое, а бой—грандиозное соревнование двух неизвестных моральных сил.

Если оперативный план и совокупность использованных в бою средств борьбы превзошли таковые же противника, то это означает ничто иное, как действительное превосходство моральных сил данной стороны. Если мы задаем себе вопрос: как было возможно, чтобы германцы в продолжении 4½ лет могли противостоять на полях сражений на много превосходившим их силам противников, то верный ответ может быть лишь один—причина этого кроется в колоссальном превосходстве моральных сил германского бойца. Когда в 1918 году германский фронт на Западе зашатался, то причина этого заключалась только в полном упадке этих моральных сил.

И когда мы, с этой точки зрения, спрашиваем, как была возможна Самсоновская катастрофа, эта исключительная в военной истории и невероятная на первый взгляд гибель целой армии в начале войны от, примерно, равных, если не уступавших сил германцев в то время, когда другая мощная армия Ренненкампфа находилась от места катастрофы на расстоянии двух переходов, ничего, однако, не предпринимая для оказания помощи своему соседу,—ответ нам говорит: неправильно считать одни оперативные ошибки причиной гибели армии Самсонова.

Когда дело касается полной моральной неустойчивости войск, полного несознания высшим командным составом возложенных на него долга и ответственности, тогда мы имеем дело не с оперативными ошибками, не с факторами военно-технического порядка, а с моральными факторами, основы коих коренятся во всей не только военной, но и государственной системе.

В одной из своих статей [1]) профессор Келчевский говорит, что операцию 2-й армии проводили люди, страдавшие параличем мозга.

«Параличем мозга»—мы не беремся утверждать, но что они страдали параличем моральных сил—это несомненно.

И, действительно: в чем заключались оперативные ошибки генералов Артамонова и Благовещенского, корпуса

[1]) Келчевский. Кордонно-Калиточная стратегия. „Война и мир" № 4.

которых (1-й и VI-й) оголили фланги армии? Тут мы имеем дело именно не с ошибками, а с полной моральной неподготовленностью всего личного состава армии.

Как могли Артамонов и Благовещенский отступать, пока в их распоряжении оставался хотя бы один солдат и одна пушка, если их отход открывал доступ во фланг и тыл армии, чего эти генералы не могли не знать? Как могли они не сознавать той огромной ответственности, которую несли? Что здесь может сказать военно-историческое исследование?—оно бессильно.

Когда генерал не сознает своего долга, когда солдат бежит с поля сражения, когда войска целыми массами сдаются в плен,—то это не оперативные ошибки, а отсутствие той моральной подготовки, которую нужно воспитывать еще на школьной скамье, это отсутствие той основы военного дела, которую Мольтке назвал «Festigung moralischer Eigenschaften».

Самсоновская армия была в этом смысле, поистину разбита до сражения. Причины ее гибели мы должны искать в социальной структуре прошлого России, в основах всей ее государственной системы, в условиях ее дореволюционного быта за много лет до этих страшных дней Грюнфлисского леса.

„Канны"—этот идеал и вместе с тем руководящая идея всякого сражения до тех пор, пока оно преследует цель подавления противной стороны, т. е. пока вооруженная борьба человечества остается действительным инстинктом социальной жизни—„Канны", столь редкие в истории войн, обогатились еще одним поучительным примером своего конкретного осуществления.

По национальным соображениям германцы назвали свою победу Танненбергом. В сущности, это не совсем верно. В несравненно большей степени самой сути и смыслу операции соответствовало бы название Грюнфлиса. В Грюнфлиском лесу операция нашла свое завершение, здесь замкнулось германское кольцо окружения, здесь погибла большая часть армии Самсонова.

29 (16) авг. 1914 г. Грюнфлисский лес, сковавший в себе остатки русских корпусов, был окружен со всех сторон германскими войсками: „Канны" нашли здесь свое полное выражение.

Весть о них была встречена в 1914 г. ликованием в центральных империях. Мир же молчал. Слишком невероятной и немыслимой казалась уничтожающая победа германцев. Новые Канны замалчивались. Не вполне ясно сознаются они подчас и ныне.

Потерпевшая поражение сторона не была разбита вообще; война не кончилась; Грюнфлисское сражение даже

не сказалось сколько-нибудь существенно на ее течении [1]). Но это потому, что решение судьбы войны одним, так называемым, генеральным сражением стало, при современных массовых армиях и огромных протяжениях фронта, вообще невозможным. Такое генеральное сражение стало преданием истории.

Правда, Шлиффеновский план наступления на Францию имел в своей основе идею грандиозных «Канн» на театре военных действий. Заходя правым плечом, германские армии должны были захлестнуть своим крылом всю французскую армию и, прижав ее тылом к поясу крепостей, окружить и уничтожить. Этой идее грандиозных «Канн» не суждено было свершиться.

Грюнфлис был только частным сражением на частном театре войны. Он и не мог дать результатов подобных тем, которые имел Седан; поэтому он, быть может, и менее заметен.

Но рассматриваемая с точки зрения военного искусства, как таковая, Грюнфлисская операция нисколько не теряет от этого своего значения, как образец осуществленных «Канн».

Ценность этой операции для военного искусства нисколько не умаляется.

Наоборот, та трудная обстановка, в какой она протекала, делает ее наиболее поучительным показом того, что и в условиях современного состояния военного дела, при массовых, громоздких и в общем неповоротливых армиях, идея уничтожающего сражения может быть осуществлена в идее «Канн».

---

[1]) Мы не склонны разделять мнение, что оно решило участь сражения на Марне, вынудив германское командование перебросить два корпуса с запада на восток. Банкротство германского наступления на Францию в 14 г. имеет более глубокие, правда, еще мало осознанные причины. Два корпуса на правом германском крыле могли Марнское сражение продлить еще на 2—3 дня, доведя кризис его для французов до более высокого напряжения; но они не могли изменить участи этого грандиозного захождения армий правым плечом, имевшего в своей основе искаженный план Шлиффена и его изуродованный метод проведения операции. *Г. И.*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Состав 8 германской армии в августовских боях 1914 года.

Командующий армией—генерал от инфантерии фон-Бенекендорф фон-Гинденбург.

Начальник штаба генерал майор Людендорф.

Первый офицер Генерального штаба—полковник Гофман.

Обер квартирмейстер—генерал майор Грюнерт.

1-й арм. корпус: ген. от инф. фон Франсуа. Начальник штаба полк.—Шмидт фон Шмитсэк.

1 пех. дивизия: ген. лейт. фон Конта.

1 пех. бригада: 1 гренад. полк, 41 пех. полк., 2 пех. бригада: 3 грен. полк, 43 пех. полк, 8 улан. полк.

1 пол. арт. бригада:—16 и 52 пол. арт. полки.

2 пех. дивизия: ген. лейт. фон Фальк.

3 пех. бригада: 4 грен. полк, 44 пех. полк. 4 пех. бригада: 33 стрелк. полк, 10 конно-охотничий полк.

2 пол. арт. бригада:—1 и 37 легк. арт. полки.

XVII арм. корпус: ген. от кав. фон Макензен. Начальник штаба—подп. фон Дункер.

35 пех. дивизия: ген. лейт. Хенник.

70 пех. бригада:—21 и 61 пех. полки. 87 пех. бригада: 141 и 176 пех. полки. 4 конно-охотничий полк.

35 пол. арт. бригада:—71 и 81 пол. арт. полки.

36 пех. дивизия: ген. лейт. фон Гейнециус.

69 пех. бригада:—129 и 175 пех. полки. 71 пех. бригада:—5 грен. полк, 128 пех. полк, 5 гус. полк.

36 пол. арт. бригада:—36 и 72 пол. арт. полки.

XX арм. корпус: ген. от арт. фон Шольц. Начальник штаба—полк. Хелл.

37 пех. дивизия: ген. лейт. фон Штаабс.

73 пех. бригада:—147 и 151 пех. полки, 1 егер. бат. 75 пех. бригада—146 и 150 пех. полки, 11 драг. полк.

37 пол. арт. бригада:—73 и 82 пол. арт. полки.

41 пех. дивизия: ген. Зонтак.

72 пех. бригада:—18 и 59 пех. полки, 74 пех. бригада:—148 и 152 пех. полки, 10 драг. полк.

41 пол. арт. бригада:—35 и 79 пол. арт. полки.

1 рез. корпус: ген. лейт. фон Белов. Начальник штаба—полк. граф фон Позадовский-Венер.

1 рез. дивизия: ген. лейт. фон Ферстер.

1 рез. пех. бригада:—1 и 3 рез. пех. полки. 72 рез. пех. бригада:—18 и 59 рез. пех. полки, 1 рез. егерский бат.

1 рез. уланский полк.

1 рез. полевой арт. полк.

36 рез. дивизия: ген. лейт. Кругэ.

69 рез. пех. бригада:—21 и 61 рез. пех. полки, 2 рез. егерский бат-н. 70 рез. пех. бригада:—54 пех. полк и 5 рез пех. полк.

4 рез. гусарский полк.

36 рез. полк полевой артиллерии.

3 рез. дивизия: ген. майор фон Морген.

5 рез. пех. бригада:—2 и 9 рез. пех. полки. 6 рез. пех. бригада:—34 и 49 рез. пех. полки.

5 рез. драг. полк.

3 рез. полк пол. артиллерии.

1 ландв. дивизия: (с 28 августа): ген. лейт. фон дер Гольц.

33 ландв. бригада:—75 и 76 ландв. пех. полки. 34 ландв. бригада:—31 и 84 ландв. пех. полки.

Ландв. кавалерийский полк (от гвардейского и IX арм. корпуса).

Полк пол-й арт-риа: две ландв. батареи от IX арм. к-са.

6 ландв. бригада:—32 и 49 ландв. полки, три эск., две батареи пол-й арт-рии.

70 ландв. бригада:—5 и 18 ландв. пех. полки, 6 эск-в, две батареи пол-й арт-рии.

Из крепости Торн:

35 рез. дивизия: (без 5 ландв. бригады): ген.-лейт. фон Шметтау.

20 ландв. бригада: ген.-лейт. ф н Герцберг—19 и 107 ландв. пех. полки, два эск., три батареи пол-й арт-рии, две запасные батареи из 5 полка пех. арт-рии.

5 ландв. бригада: ген.-лейт фон Мюльман—2 и 9 ландв. пех полки, один эск., одна батарея пол-й арт-рии, четыре батареи из 11 полк. пех. арт-рии.

Из крепостей Грауденц, Кульм и Мариенбург:

Главный резерв Грауденца: ген.-м. фон Унгерн.

Бригада ген.-м. фон Земмерн.—6 эрзациммобильных батальонов, один эск., три полевые, одна пех. батареи арт-рии.

Оставалось против 1-й русской армии:

1 кав. дивизия: ген.-лейт. Брехт.

1 кав. бригада:—1 кирас. полк, 1 драг. полк.

2 кав. бригада:—12 уланский полк, 9 конно-охотн. полк.

41 кав. бригада:—5 кирас. полк, 2 егерский батальон.

1 полк конной артиллерии.

Крепость Кенигсберг: ген. лейт. фон Папприц. Начальни штаба—подполковник Нейбель.

Главный резерв: (ландв. дивизия Кенигсберг) ген. лейт. Бродвюкк.

Эрзац бригада:—1 и 2 эрзац пех. полки (5 эрзац-иммобильных батальонов от 1 арм. к-са).

9 ландв. бригада:—24 и 48 ландв. пех. полки.

1 рез. драг. и эрзац-кавалерийский полки от 1 арм. корпуса.

2 эрзац-артиллер. отряд от 1 арм. корпуса. Три батареи 1 и 4 рез. полков пол. пех. арт-рии.

2 ландв. бригада:—4 и 33 ландв. пех. полки, два эск-на, две пол. батареи.

Крепость Бойен (Летцен): полковник Буссе. $4^1/_2$ эрзац-ландв. и ландшт. бат-нов, один эск., 10 неподвижных батарей, одна запряженная батарея.

Армейская этапная инспекция: (с 30/VIII) генерал лейтенант фон Гейдук—5 эрзац-ландшт. б-нов, один эск., одна пол. батарея.

Сравнительная таблица
боевого состава германской и русской сторон в августовских боях 1914 года в Восточной Пруссии.

Германцы.		Русские.	
Корпуса.	Дивизии.	Корпуса.	Дивизии.
На поле Грюнфлисского сражения.			
8-ая армия.		2-я армия.	
I арм.	1 и 2	I арм.	22 и 24
XVII „	35 и 36	VI „	4 и 16
XX „	37 и 41	XIII „	1 и 36
I рез.	1 рез. и 36 рез.	XV „	6 и 8
	3 рез. див.	XXIII „	2 и 3 гвардейск.
	1 ландв. дивиз.		1 стр. бригада.
	6 „ бригада	4 кав. див.	
	35 рез. дивиз.	6 „ „	
	эрзац. бригада крепости Грауденц.	15 „ „	
1 кав. див.			
Итого: 11 пех. див., 3 пех. бриг., 1 кав. див. = $12^1/_2$ пех. див., 1 кав. див. = 154 батальона и 24 эскадр.		Итого: $10^1/_2$ пех. див. и 3 кав. див. = 168 батальонов + 72 эск.	
Вне поля Грюнфлисского сражения.			
		1-ая армия.	
Главн. рез. креп. Кенигсберг.	Эрзац. бригада. 9-я ландв. бриг. 2-я „ „	XX арм.	Две дивизии.
		III „	„ „
Крепость Бойен.	$4^1/_2$ эрзац. ландв. батал. Одна ланд. батар., один эскадр.	IV „	„ „
		II „	„ „
			5 стр. бригада.
Армейская этапная инспекция.	5 эрзац. ландв. батальон. Одна пол. батарея, один эск.	1 гв. кав. див.	
		2 „ „ „	
		1 кав. див.	
		2 „ „	
		3 „ „	
		3 второочеред. див.	1 отд. кав. бригада.
Итого: 4 бригады — 2 пех. дивизи = 24 батальона.		Итого: $11^1/_2$ пех. див. и $5^1/_2$ кав. див. = 184 батальона + 132 эск.	
На всем Восточно-Прусском театре военных действий.			
$14^1/_2$ пех. див. и 1 кав. див. = = 178 батальонов и 24 эскадрона.		22 пех. див. и $8^1/_2$ кав. див. = = 352 батальона и 204 эскадрона.	

Примечание: германская дивизия=12 бат. русская дивизия=16 бат.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует читать.*
4	9 сверху	частому	не частому
21	На чертеже	Схема № 1	Чертеж № 4
27	10 снизу	своему	к своему
—	10—9 снизу	подчиненным	подчиненному
—	9—8 »	серьезному	серьезный
31	На чертеже	Схема № 2	Чертеж № 5
52	13 снизу	внедяя	внедряя
67	3 »	Лобау	Лоебау
69	19 »	20 лавдв.	20 ландв.
84	13 сверху	Мариэнеердер	Мариэнвердер
93	24 »	(15) августа)	(15) августа
130	27 »	инстинктом	институтом

Оперативная обстановка к исходу 25 августа.

СХЕМА № 1.

Оперативная обстановка к исходу 26 августа.

СХЕМА № 2.

Оперативная обстановка к исходу 27 августа.

СХЕМА № 3.

10 5 0 10 20 30 40 клм.

С

Ю

КЕНИГСБЕРГ

КЕНИГ. Л.Д.

р. Прегель

р. Дейме

ТАПИАУ

ИНСТЕРБУРГ

ГУМБИННЕН

ФРИДЛАНД

АЛЛЕНБУРГ

ДОМНАУ

1 АРМИЯ

БРАУНСБЕРГ

ГЕРДАУЕН

ДАРКЕМЕН

ЛАНДСБЕРГ

ШИПЕНБЕЙЛЬ

НОРДЕНБУРГ

БАРТЕНШТЕЙН

ГОЛЬДАП

БАРТЕН

АНГЕРБУРГ

1 К.Д.

ГЕЙЛЬСБЕРГ

ЭЛЬБИНГ

ЛЁТЦЕН

БИШОФШТЕЙН

ВОРМДИТ

ПР.ГОЛЛАНД

Отряд Бринкена

ЛИБШТАТ

ЛАУТЕРН

РЭССЕЛЬ

ГУТШТАДТ

ЗЕЕБУРГ

6 Л.БР.

БЕССАУ

КРИСТБЕРГ

МОРУНГЕН

КИРШДОРФ

ЗЕНСБУРГ

БИШОФСБУРГ

ЗАСФЕЛЬД

ВАРТЕНБУРГ

XVII

АРИС

ЛЫК

4 К.Д.

АЛЛЕНШТЕЙН

XIII

I р.

БАРТЕЛЬСДОРФ

ГЕЙСЛИНГЕН

РИЗЕНБУРГ

Ф.Д. ГОЛЬЦ

ОЗ. ГЕЗЕРИХ

ДОРОТЕН

МЕНСГУТ

ОСТЕРОДЕ

КЕЛЛЕН

ГРИЗЛИНЕН

ГУСЕНОФЕН

ШЕНФЕЛЬД

ГЕЙНРИХСДОРФ

ПАССЕНГЕЙМ

VI

ИОГАННИСБУРГ

ОЗ. ЛАНСКЕР

3 Р.Д.

XV

РЕЙХЕНАУ

ДЕУТШ-ЭЙЛАУ

ХОХЕНШТЕЙН

ВАЛЛИЦ

ДРОБНИЦ

ОТЕЛЬСБУРГ

ЛЕБАУ

УНГЕРН

МЮЛЕН

МАДРАУ

КУРКЕН

ОЗ. МАРАНСКОЕ

ЕДВАБНО

2 АРМИЯ

РОГЕНАУ

ТАННЕНБЕРГ

ВАПЛИЦ

XX

37

МАЛЬГА

НЕЙМАРК

МОНТОВО

ГИЛЬГЕНБУРГ

XXIII

Л

41

ГРИСГОРЬ

ТУРАУ

ФРАНКЕНАУ

ТАЛЬГЕЙМ

ВИЛЛЕНБЕРГ

УЗДАУ

НЕЙДЕНБУРГ

ЗЕЕБЕН

I

ГР. ТАУЕРЗЕ

ГЕЙНРИХСДОРФ

БЕРХЕРСДОРФ

СТРАСБУРГ

ЛАУТЕНБУРГ

I

5 Л.БР.

СОЛЬДАУ

ИЛЛОВО

6 и 15 К.Д.

МЛАВА

Оперативная обстановка к исходу 28 августа.

СХЕМА № 4.

КЕНИГСБЕРГ
р. Прегель
р. Дейме
ТАПИАУ
ИНСТЕРБУРГ
ГУМБИННЕН
ФРИДЛАНД
АЛЛЕНБУРГ
1 АРМИЯ
ГЕРДАУЕН
ДАРКЕМЕН
НОРДЕНБУРГ
ГОЛЬДАП
ШИПЕНБЕЙЛЬ
БРАУНСБЕРГ
ЛАНДСБЕРГ
БАРТЕНШТЕЙН
БАРТЕН
АНГЕРБУРГ
С
Ю
ГЕЙЛЬСБЕРГ
РАСТЕНБУРГ
ЭЛЬБИНГ
ВОРМДИТ
БИШОФШТЕЙН
ПР. ГОЛЛАНД
ЛЕТЦЕН
ЛАУТЕРН
РЭССЕЛЬ
ЛИБШТАТ
ГУТШТАДТ
ЗЕЕБУРГ
6 л. бр.
1 К.Д.
БЕССАУ
МОРУНГЕН
ХРИСТБЕРГ
ЗЕНСБУРГ
БИШОФСБУРГ
ЗААЛФЕЛЬД
ВАРТЕНБУРГ
АРИС
ЛЫК
4 К.Д.
АЛЛЕНШТЕЙН
I Р.К.
БАРТЕЛЬСДОРФ
РИЗЕНБУРГ
БИССЕЛЕН
ДОРОТЕН
КЕЛЛАРЕН
ГР. ПУРДЕН
МЕНСГУТ
Оз. ГЕЗЕРИХ
ОСТЕРОДЕ
ГОЛЬН
ШЕНФЕЛЬД
XIII
XVII
ГЕЙМРИХСДОРФ
ПАССЕНГЕЙМ
ИОГАННИСБУРГ
3 ПД.
Оз. ЛАНСКЕР
РЕЙХЕНАУ
XV
ВАЛЛИЦ
ДОЙТШ-ЭЙЛАУ
НАДРАУ
ОРТЕЛЬСБУРГ
37
ЛЮБАВ
ФРЕГЕНАУ
Оз. МАРШИНСКОЕ
ЕДВАБНО
VI
ТАННЕНБЕРГ
XXIII
4 П.Д.
МАЛЬГА
ЛИПОВЕЦ
XX
ГИЛЬГЕНБУРГ
ТУРАУ
ОРЛАУ
ВИЛЛЕНБЕРГ
МЫШИНЕЦ
НЕЙМАРК
МОНТОВО
ГАНСГОРН
ФРАНКЕНАУ
ТАУЛЬСЕЕ
РОНШЕН
I К.
НЕЙДЕНБУРГ
УЗДАУ
ХОРЖЕЛЕ
ЗЕЕБЕН
ГР. ТАУЕРЗЕ
ЯНОВ
ЛАУТЕНБУРГ
ГЕЙНРИХСДОРФ
СТРАСБУРГ
5 л. бр.
СОЛЬДАУ
МЛАВО
I К. и 3 гв. д.
ЗЕЛЮНЬ
МЛАВА
ОСТРОЛЕНКА
6 и 15 К.Д.
10 5 0 10 20 30 40 клм.

Оперативная обстановка к исходу 29 августа.

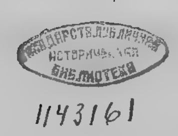
СХЕМА № 5.

Оперативная обстановка к исходу 30 августа.

СХЕМА № 6.

৬ ফাল্গুন ১৯৫৬

